

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

47 2023
ЧАСТЬ VI

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 47 (494) / 2023

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Жюль-Анри Пуанкаре* (1854–1912), гениальный французский ученый широкого профиля, основоположник качественных методов теории дифференциальных уравнений и топологии, заложивший основы теории устойчивости движения, создатель нового направления в философии, получившего название конвенционализма.

Анри Пуанкаре родился 29 апреля 1854 года в г. Нанси (Лотарингия, Франция). Его отец, Леон Пуанкаре, успешно совмещал обязанности практикующего врача с лабораторными исследованиями и лекциями на медицинском факультете. Мать, Эжени Лануа, весь день проводила в хлопотах. Вся ее жизнь была посвящена исключительно воспитанию детей — сына Анри и дочери Алины.

Заболев дифтерией, Анри на несколько месяцев оказался прикован к постели, болезнь осложнилась параличом ног и мягкого неба. Мальчик не мог говорить.

После болезни Анри очень переменялся не только внешне, но и внутренне. Он стал робким, мягким и застенчивым. Домашним обучением мальчика занимался Альфонс Гинцелин, давний друг семьи Пуанкаре — широко образованный и эрудированный человек, прирожденный преподаватель. Учитель убедился, что Анри неплохо считает в уме. От природы великолепная слуховая память Анри еще больше окрепла и обострилась за время болезни. Опыт усвоения знаний почти без фиксации на бумаге, с минимумом письменной работы, вырос в глубоко своеобразную, резко индивидуальную манеру.

Хорошая домашняя подготовка позволила Анри поступить сразу в девятый класс лицея (отсчет классов велся в обратном порядке — с десятого, начального, по первый, самый старший класс).

Пятого августа 1871 года лицеист Пуанкаре успешно сдал экзамены на бакалавра словесности с оценкой «хорошо». Через несколько дней Анри изъявил желание участвовать в экзаменах на степень бакалавра наук.

Экзамен состоялся 7 ноября 1871 года. Пуанкаре выдержал его, но лишь с оценкой «удовлетворительно». История этого казуса такова: опоздав на экзамен, весьма возбужденный и выбитый из колеи, Анри плохо понял задание, отклонился от темы и начал излагать ответ на совершенно другой вопрос. Но университетские профессора закрыли глаза на некоторое нарушение формальных канонов ради торжества справедливости. Анри отвечал уверенно и блестяще, продемонстрировав свободное владение материалом. Ему была присуждена степень бакалавра наук.

Для того чтобы работать в госаппарате или в армии на хорошей технической должности, Пуанкаре стал студентом Политехнической школы, где был в числе первых учеников почти по всем предметам. Не преуспевал в рисовании, черчении и военном деле.

Зато в физике, химии и математике равных ему не нашлось. После окончания Политехнической школы про-

должил обучение в Горной, где взялся всерьёз за настоящие научные исследования.

В апреле 1879 года, после окончания Горной школы, выпускник Анри Пуанкаре был распределен в Везуль простым инженером шахт третьего класса.

Ранним утром 1 сентября 1879 года, еще до рассвета, произошел взрыв рудничного газа, и под вопросом оказалась судьба около двух десятков шахтеров, оставшихся под землей. Исполняя свой долг, Пуанкаре спустился вместе со спасательно-поисковой группой в зияющее жерло шахты навстречу полной неизвестности. В последовавшей затем суматохе администрация даже сообщила о гибели инженера Пуанкаре при расследовании обстоятельств аварии, но, к счастью, это была ошибка.

Диссертация давала Анри Пуанкаре право преподавать в высших учебных заведениях. И он не замедлил этим воспользоваться. Первого декабря 1879 года он отбыл в Кан, где был назначен преподавателем курса математического анализа на факультете наук.

В феврале 1881 года в *Comptes Rendus*, самом авторитетном французском научном журнале, появилась первая заметка Пуанкаре о фуксовых функциях. За два года Пуанкаре опубликовал серию из 25 заметок и нескольких обширных мемуаров.

Почти два года провел Анри в Кане. Двадцатого апреля 1881 года в Париже была отпразднована свадьба Пуанкаре с мадемуазелью Полен д'Андеси. Семья Пуанкаре переехала из нормандской столицы в столицу Франции.

Уже в 1886 году Пуанкаре возглавил кафедру математической физики и теории вероятностей в Парижском университете, а в 1887-м его избрали членом Академии наук Франции. Открытия следовали за открытиями: теория автоморфных функций, комбинаторная топология, дифференциальная геометрия, алгебраическая топология, теория вероятностей, функциональный анализ.

В 1889 году Пуанкаре получил международную премию за работу по «небесной механике», задаче трёх тел, где девизом послужила строка из древнего стихотворения на латыни: *Nunquam praescriptos transibunt sidera fines* — «Никогда предписанных границ не перейдут светила». Дальнейшее изучение этой области вылилось в трёхтомный трактат «Новые методы небесной механики», ставший классикой научного исследования в астрономии и квантовой механике, а также в статической физике. В результате профессор Пуанкаре был приглашён в Сорбонну, чтобы возглавить там кафедру небесной механики.

В течение жизни Анри Пуанкаре получил множество званий, наград и премий, его именем назван Парижский математический институт и большой кратер на обратной (тёмной) стороне Луны.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Терещенко О. И.

Понятие и сущность дознания в сокращенной форме 375

Тимофеева О. В.

Содержание общего имущества многоквартирного дома по законодательству Российской Федерации 378

Федорова А. И.

Влияние международно-правового режима охраны нематериального культурного наследия на законодательства государств 381

Ферапонтова С. Е.

Исторические аспекты зарождения и развития института наследования РФ 384

Ферапонтова С. Е.

Способы защиты имущественных прав наследников 387

Химион А. А.

К вопросу об эффективности выявления, устранения и предупреждения следственных ошибок следователем и руководителем следственного органа 389

Хныжова Ю. А.

Уголовная ответственность за незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей 392

Хортик И. А.

Формирование структуры противодействия коррупции в России 394

Хушаков Р. С., Дорошенков Д. Г.

Трудности определения квалификации в сфере посредничества при вовлечении во взяточничество 396

Чугунова Ю. В.

Тенденции развития деятельности политических партий и их правовое регулирование в условиях цифровизации 398

Чугунова Ю. В.

Перспективы развития государственного управления в условиях цифровой трансформации 401

Чумакова А. Н.

Некоторые вопросы наследования по завещанию в Российской Федерации 403

Чумаченко А. С.

Уголовная ответственность за вовлечение в занятие проституцией 406

Чупилко В. В., Бровко А. М.

Озеленение городов: теория и практика правового регулирования 407

Шебалкин В. Д.

Использование земельных участков не по целевому назначению. Причины регулирования и контроля землепользования со стороны государства 410

Шершнева А. А.

Бюджетные меры принуждения: актуальные проблемы реализации бюджетно-правовой ответственности 412

Шидловская В. А.

К вопросу о становлении муниципальной службы в РФ 416

Шмидт О. И.

Договор оказания платных медицинских услуг 419

Шорин Д. С.

Расторжение трудового договора в результате
совершения виновных действий, повлекших
утрату доверия со стороны работодателя:
особенности правового регулирования
и судебная практика421

Шпакова Е. А.

Компенсация морального вреда за укус
бездзорной собакой 424

Яковлева Ю. В.

Толкование договора в гражданском праве
России 426

ИСТОРИЯ**Вэнь Сяо Цин**

Краткое описание помощи Ганьсу советскими
специалистами в период 1950-1960-х гг. 436

Касумян А. С.

Историография народов Северного Кавказа
в первой половине XVIII века 439

Клименко К. М.

Постсоветский историографический период
исследования казачества 1930-х гг. 442

Клименко К. М.

Историографический обзор работ по проблеме
казачества юга России в 1930-е гг. 446

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Понятие и сущность дознания в сокращенной форме

Терещенко Олег Игоревич, студент магистратуры

Научный руководитель: Чухраев Денис Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент
Крымский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Симферополь)

Статья посвящена раскрытию теоретических и практических особенностей производства дознания в сокращенной форме. Рассмотрены основания и условия применения дознания в сокращенной форме. Предлагается свой вариант раскрытия дефиниции дознания в сокращенной форме.

Ключевые слова: дознание, формы расследования, предварительное следствие, ускоренное производство.

Российский уголовный процесс построен по континентальной модели уголовного судопроизводства, которая традиционного предполагает двухэлементную структуру: предварительное расследование и судебное разбирательство. Предварительное расследование в России, в свою очередь, представляет собой одновременно самостоятельную стадию уголовного процесса, а также особый вид деятельности, который направлен на раскрытие преступлений, осуществляемый компетентными органами и должностными лицами.

Основное назначение указанной стадии сводится к процессу по сбору, проверке и оценке доказательств в целях дальнейшего их рассмотрения и разрешения уголовного дела соответствующей судебной инстанцией.

Стоит отметить, что для реализации данных целей предварительное расследование в российском уголовном процессе осуществляется в двух формах — предварительное следствие и дознание. Вторая форма характеризуется значительно упрощенной формой, осуществляемой дознавателем или следователем предварительного расследования по уголовному делу, по которому проводить предварительное следствие необязательно [1]. Ключевая фраза в данном определении — «производство предварительного следствия необязательно». В связи с чем, представляется возможным охарактеризовать дознание в качестве дополнительного инструмента предварительного расследования, которое применяется для расследования преступных деяний небольшой и средней тяжести, имеющих не такую большую сложность и нагрузку, для уменьшения нагрузки на следователей [15, с. 312]. Именно поэтому предполагается, что оно не требует длительного срока производства и осуществляется с некоторыми изъятиями из общих правил производства предварительного следствия.

В связи с реформированием и улучшением отечественного процесса дознания Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации приняла федеральный закон от 04.03.2013 года № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Отметим, что основанием указанного закона составил Проект Федерального закона № 632173-5 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института сокращенной формы уголовного судопроизводства [2].

В пояснительной записке к проекту Федерального закона в качестве основания введения института дознания в сокращенной форме явилось то, что новая форма дознания позволит исключить нерациональное использование сил и средств органов предварительного расследования, необоснованную волокиту сроков досудебного производства, когда уголовное дело не представляет правовой и фактической сложности, а причастность лица к совершению преступления не может вызывать сомнений. Кроме того, в документе подчеркивалось, что введение указанной формы дознания способствует достижению существенной процессуальной экономии, экономии времени, а также расширить диспозитивные начала при реализации подозреваемым, обвиняемым права на защиту, а потерпевшим — права на доступ к правосудию [3].

В юридической литературе отмечается, что институт дознания в сокращенной форме направлен на соблюдение разумных сроков судопроизводства при расследовании уголовных дел по нетяжким преступлениям и создании надлежащих условий для осуществления защиты прав и свобод граждан [8], в свою очередь, Ярыгина Л. А. подчеркнула, что появление данного института

в России является закономерным следствием дифференциации уголовного процесса [17, с. 16-31], В. А. Лазарева и Ю. В. Кувалдина указали на признаки, свидетельствующие об исторической преемственности между современной упрощенной процедурой и дознанием, существовавшим в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года, а также с советской протокольной формой досудебной подготовки материалов уголовного дела [10].

Действительно, наряду с позитивными новшествами, закрепленных в пояснительной записке, а также мнениями уважаемых авторов, которые обратили внимание на положительные стороны указанного института, имеются и противники возникновения дознания в сокращенной форме. Так, С. М. Бадоян пишет: «институт дознания в сокращенной форме получился чрезмерно усложненным, а не упрощенным, как задумывалось изначально, кроме того, в его функционировании имеется ряд проблем, которые обусловлены как «неполной правовой регламентацией некоторых процессуальных отношений, так и наличием уголовно-процессуальных норм, не соответствующих современным правовым реалиям» [6, с. 57]. По мнению Сумина А. А. сокращенное дознание представляет собой «мертворожденное дитя реформаторов уголовного процесса» [16]. Сильвестров П. С., Марфицин П. Г. указали на то, что с помощью указанного дознания «... могут маскировать отсутствие доказательственной базы, кроме признания самого обвиняемого, а при наличии квалифицированного адвоката такие дела будут разваливаться в судах, и это в лучшем случае, поскольку вопрос о виновности лица не будет проверяться ни на дознании, ни в суде, что станет поводом для возникновения коррупционной составляющей» [14, с. 312].

Стоит обратить внимание на то, что количество возбужденных и расследованных уголовных дел в сокращенной форме дознания различными ведомствами возросло, даже в первый год после введения данной формы дознания. Согласно данным Министерства внутренних дел РФ практика применения данной формы расследования за 2014 г. показала, что всего в сокращенной форме расследовано 32 тыс. (по сравнению с 2013 г. рост составляет в 4,2 раза) уголовных дел, из них 31,2 тыс. (рост в 4,3 раза) дел или 9,1% от общего количества направлено в суд с обвинительным постановлением [4].

В настоящее время по данным МВД РФ в 2022 г. из общего объема выявленных преступлений в форме дознания расследовалось 841 тыс., т. е. 42,78%, в форме предварительного следствия — 1,12 млн., т. е. 57,22% [5]. Как видно из статистического анализа, с каждым годом растёт количество уголовных дел, расследованных в форме дознания.

Как ранее было указано, что дознание в сокращенной форме было введено в уголовный процесс Российской Федерации в 2013 году, вместе с тем, остается нерешённым вопрос о понятии сокращенной формы дознания, его место среди ускоренных производств уголовного процесса, а также не раскрыта сущность ни в ст. 5 УПК РФ, в которой содержатся основные понятия, используемые в УПК

РФ, ни в других статьях УПК РФ. В этой связи вполне объяснимым является факт отсутствия единого понимания сущности и содержания дознания в сокращенной форме.

В юридической литературе указываются следующие позиции, так, В. А. Семенцов и А. Д. Пестов отмечают: «Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ в тексте Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» получил «прописку» новый вид дознания — в сокращенной форме» [13, с. 134]. Вместе с тем в литературе, имеется и противоположное мнение относительно определения места дознания в сокращенной форме, и определяющего его, как уголовно-процессуальную форму предварительного расследования в одном ряду с предварительным следствием и дознанием в общем порядке. Так, Е. А. Нагаев пишет, что в настоящее время в уголовном процессе предварительное расследование осуществляется в трех формах: предварительное следствие; дознание в общем порядке; дознание в сокращенной форме [11, с. 27]. На наличие «в уголовном процессе сразу трех форм предварительного расследования» обращает внимание И. С. Дикарев [7, с. 29]. Более того, в научном сообществе указанная форма дознания довольно часто определяется как «самостоятельный институт», имеющий регламентированную форму проведения [9].

Полагаем, что для определения сущности дознания в сокращенной форме, необходимо рассмотреть характерные отличия от общей формы дознания. Отметим, что в соответствии с правовой регламентацией указанной формы дознания, закрепленной Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации можно выделить следующие условия ее применения, существование которых обусловлено необходимостью повышенной защиты прав указанных участников уголовного судопроизводства [12, с. 14]. Так, ст. 226.1 УПК РФ закрепляет, что дознание в сокращенной форме производится на основании ходатайства подозреваемого о производстве по уголовному делу дознания в сокращенной форме и при наличии одновременно следующих условий:

1) «уголовное дело возбуждено в отношении конкретного лица по признакам одного или нескольких преступлений, указанных в пункте 1 части третьей статьи 150 УПК РФ;

2) подозреваемый признает свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда, а также не оспаривает правовую оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела;

3) отсутствуют предусмотренные статьей 226.2 УПК РФ обстоятельства, исключающие производство дознания в сокращенной форме:

— подозреваемый является несовершеннолетним;

— имеются основания для производства о применении принудительных мер медицинского характера в порядке, установленном главой 51 УПК РФ;

— подозреваемый относится к категории лиц, в отношении которых применяется особый порядок уголовного судопроизводства, установленный главой 52 УПК РФ;

— лицо подозревается в совершении двух и более преступлений, если хотя бы одно из них не относится к преступлениям, указанным в пункте 1 части третьей статьи 150 УПК РФ;

— подозреваемый не владеет языком, на котором ведется уголовное судопроизводство;

— потерпевший возражает против производства дознания в сокращенной форме» [1].

Исходя из указанных оснований и условий, можно сделать вывод, что указанная форма дознания характеризуется определенной спецификой, которая определяет ее место в системе ускоренных производств уголовного процесса:

— наличие юридического факта, который выражен в ходатайстве подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме, подтверждающим его волеизъявление, признание своей вины, характера и размера причиненного преступлением вреда, а также отсутствие возражений стороны защиты относительно квалификации деяния, приведенной в постановлении о возбуждении уголовного дела. По сути, речь ведется о согласии подозреваемого с оценкой деяния как проявлении диспозитивности;

— отсутствие обстоятельств, исключающих производство дознания в сокращенной форме;

— усечение предмета доказывания с одновременным расширением пределов применения данных, полученных в ходе проверки сообщения о преступлении, а также отказом законодателя от производства большинства следственных и иных процессуальных действий, направ-

ленных на установление значимых для уголовного дела обстоятельств;

— сокращение сроков производства по уголовному делу;

— введение дополнительного элемента в структуру дознания — процедуры заявления и разрешения ходатайства подозреваемого;

— усиление системы процессуальных гарантий прав и законных интересов подозреваемого;

— постановление об удовлетворении ходатайства и о производстве дознания в сокращенной форме порождает определенные правовые последствия, как для подозреваемого, так и для уполномоченных государственных органов и должностных лиц.

— порядок судебного разбирательства предусмотрен гл. 40 УПК РФ.

Подводя итог вышесказанному, следует определить дознание в сокращенной форме, как ускоренное производство внутри дознания как формы предварительного расследования, которая, в сущности, имеет ряд особенностей от дознания в общем порядке и является результатом двойного упрощения и ускорения, как досудебного, так и судебного производства по уголовному делу. Основное отличие указанного порядка от общей формы дознания выступает следующее: согласие участников уголовного процесса на применение сокращенной формы дознания, ускорение расследования путем отказа от следственных действий, значительное сокращение срока дознания, использования в качестве итогового процессуального документа не обвинительного акта, а обвинительного постановления.

Литература:

1. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».
2. Проект Федерального закона № 632173-5 «О внесении изменений в Уголовно- процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института сокращенной формы уголовного судопроизводства» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
3. Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 33012-6 «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
4. Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2014 года. — Текст: электронный // МВД РФ: [сайт]. — URL: <https://media.mvd.ru/files/application/4683439> (дата обращения: 28.09.2023).
5. Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2022 года. — Текст: электронный // МВД РФ: [сайт]. — URL: <https://media.mvd.ru/files/application/4683439> (дата обращения: 28.09.2023).
6. Бадоян, С. М. Проблемные вопросы правового регулирования порядка осуществления дознания в сокращенной форме/С. М. Бадоян. — Текст: непосредственный // Криминалистическая тактика: современное состояние и перспективы развития: Сб. статей/ Академия управления МВД России. Ч. I.. — Москва: Академия управления МВД России, 2015. — с. 55-58.
7. Дикарев, И. С. Спорные вопросы организации досудебного производства по уголовным делам/И. С. Дикарев. — Текст: непосредственный // Российская юстиция. — 2016. — № 5. — с. 27-30.
8. Козлова, Н. Следствие ведет Бастрыкин/Н. Козлова. — Текст: электронный // Российская газета. 2013. № 189 (6165): [сайт]. — URL: <http://rg.ru/2013/08/26/bastrykin-site.html> (дата обращения: 22.11.2023).
9. Ковалинская, В. С. Особенности судебного разбирательства по делам, по которым дознание проводилось в сокращенной форме/В. С. Ковалинская. — Текст: непосредственный // Инновации. Наука. Образование.. — 2021. — № 30. — с. 1041-1045.

10. Кувалдина, Ю.В. Сокращенное дознание: соответствует ли процедура назначению уголовного судопроизводства?/Ю.В. Кувалдина, В.А. Лазарева. — Текст: непосредственный // Вестник СамГУ. — 2014. — № 11/1 (122). — с. 50-61.
11. Нагаев, Е.А. Упрощенное производство: от протокольной формы досудебной подготовки материалов к дознанию в сокращенной форме/Е.А. Нагаев. — Текст: непосредственный // Проблемы предварительного следствия и дознания: сборник научных трудов по материалам межведомственного семинара-совещания «Органы дознания системы МВД России в условиях реформирования и уголовно-процессуального законодательства».. — 2014. — № 23. — с. 27-30.
12. Насонова, И.А., Арепьева Т.А. Начальник подразделения дознания как участник уголовного судопроизводства: специальность 12.00.09 «уголовный процесс»: монография/Насонова И.А., Арепьева Т.А.; Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации». — Москва, 2013. — 227 с. — Текст: непосредственный.
13. Семенцов, В.А. О процессуальных полномочиях прокурора при производстве дознания в сокращенной форме/В.А. Семенцов, А.Д. Пестов. — Текст: непосредственный // Актуальные проблемы российского права. — 2016. — № 7. — с. 134-143.
14. Сильвестров, П.С. Проблемы правоприменения при производстве дознания в сокращенной форме/П.С. Сильвестров, П.Г. Марфицин. — Текст: непосредственный // Вестник ННГУ. — 2015. — № 5-6. — с. 312-314.
15. Смирнова, И.С. Критерии дифференциации основных уголовно-процессуальных производств/И.С. Смирнова. — Текст: непосредственный // Сибирское юридическое обозрение. — 2015. — № 1 (26). — с. 312-314.
16. Сумин, А.А. Сокращенное дознание: мертворожденное дитя реформаторов уголовного процесса/А.А. Сумин. — Текст: непосредственный // Адвокат. — 2013. — № 10. — с. 5-8.
17. Ярыгина, Л.А. Доказывание при производстве дознания в сокращенной форме: специальность 12.00.09 «уголовный процесс»: «Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук/Ярыгина Л.А. — Самара, 2017. — 252 с. — Текст: непосредственный.

Содержание общего имущества многоквартирного дома по законодательству Российской Федерации

Тимофеева Ольга Владимировна, студент магистратуры

Научный руководитель: Рассказова Екатерина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

В данной статье автором рассматривается правовой порядок по содержанию общего имущества в многоквартирном доме. Делаются выводы о важности надлежащего содержания общего имущества собственников помещений, значимость решения общего собрания собственников; исправность инженерных коммуникаций и другого оборудования, предоставление коммунальных и иных услуг.

Ключевые слова: законодательство, собственник, общее имущество, содержание общего имущества многоквартирного дома, капитальный ремонт, текущий ремонт, подрядная организация, платежные документы.

Жилищный кодекс Российской Федерации (далее по тексту — ЖК РФ) вступил в законную силу с 01 марта 2005 г., где были внесены значительные изменения, которые имеют важное правовое значение.

Многоквартирный дом есть различная форма строения, планировки и этажности, в котором находятся более двух квартир, имеющих самостоятельные выходы с использованием отдельных частей предназначенных для жилых и нежилых целей, находящихся в общей долевой собственности собственников.

Собственником жилого или нежилого помещения в многоквартирном доме может быть юридическое или физическое лицо, имеющий право на долю в общей собственности на общее имущество в многоквартирном доме.

Содержание общего имущества многоквартирного дома требует согласованности собственников жилых помещений в многоквартирном доме. На общих собраниях собственников многоквартирного дома определяются решения по управлению и содержанию общего имущества. Права собственности на общее имущество собственников

помещений в многоквартирном доме и содержание общего имущества в многоквартирном доме регулируются законодательством РФ: Жилищным кодексом РФ, Гражданским кодексом РФ и Правилами содержания имущества в многоквартирном доме, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 13.08.2006 № 491 (далее по тексту — Правила). Указанные законы регулируют отношения по содержанию общего имущества в многоквартирном доме. Далее в Постановление Правительства от 13.08.2006 № 491 были внесены изменения (ред. от 27.03.2023), где за ненадлежащее содержание и ремонт общего имущества в многоквартирном доме предусмотрены изменения размера платы за содержание жилого помещения и ответственность в соответствии с законодательством РФ.

На законодательном уровне определен Перечень общего имущества. Это помещения, которые не являются частями квартир: межквартирные лестничные площадки; лестницы; лифты и лифтовые шахты; коридоры; технические этажи; чердаки; подвалы, крыши, ограждающие несущие и ненесущие конструкции дома; механическое, электрическое, санитарно-техническое и иное оборудование, находящееся в данном доме и обслуживающее более одного помещения; земельный участок под домом и все объекты, которые на участке расположены. Благоустройства и элементы озеленения и благоустройства, предназначенные для обслуживания. Кроме этого, к общему имуществу относятся и все инженерные сети.

Для надлежащего содержания общего имущества в многоквартирном доме предусмотрен осмотр общего имущества ответственными лицами. Осмотр проводится всего соответствующего оборудования, в том числе: инженерные системы электроснабжения, обеспечение температурного режима в помещениях общего пользования, в зимний период времени и повышенной влажности, освещение и уборка; соблюдение мер пожарной безопасности; сбор и вывоз бытовых отходов; благоустройство территорий; текущий и капитальный ремонт, подготовка к сезонной эксплуатации. При обнаружении неисправностей общего имущества в многоквартирном доме составляются документы (акт осмотра) для устранения выявленных дефектов (неисправностей, повреждений). Собственники или ответственными лицами принимаются решения о соответствии или несоответствии проверяемого общего имущества (элементов общего имущества) требованиям законодательства Российской Федерации.

1. Содержание общего имущества в многоквартирном доме

Собственники помещений в многоквартирном доме владеют, пользуются и распоряжаются общим имуществом в пределах, установленных законодательством РФ. В многоквартирном доме размер общего имущества может уменьшаться путем его реконструкции и только с согласия всех собственников помещений данного дома. Объекты общего имущества в многоквартирном доме

могут быть переданы в пользование иным лицам на основании решения собственников помещений в многоквартирном доме, принятого на общем собрании таких собственников, если это не будет нарушать права и законные интересы граждан и юридических лиц (ст. 36 Жилищного кодекса РФ, далее по тексту — ЖК РФ). При правильном подходе к распоряжению общим имуществом многоквартирного дома и своевременной отчетности ответственных лиц или подрядной организации, жители многоквартирного дома могут получать отремонтированные подъезды и благоустроенную придомовую территорию, что положительно влияет как на комфортность проживания в доме, так и на стоимость квартир при совершении сделок с недвижимостью. Что касается общего имущества то — это имущество, находящееся в общей долевой собственности собственников жилых и нежилых помещений. Способ управления и содержания общего имущества принимается собственниками помещений совместно на общем собрании. Это означает, что ни один собственник единолично не вправе распоряжаться общим имуществом, так как для распоряжения таким имуществом необходимо общее решение всех собственников дома. Имущество должно содержаться в исправном, безопасном и пригодном для эксплуатации состоянии, т.е. в соответствии с его назначением и требованиями, предусмотренные законодательством РФ (ст. 210 ГК РФ).

Законом предусмотрено (ст. 39 ЖК РФ), что бремя расходов на содержание общего имущества в многоквартирном доме несут собственники помещений на праве общей долевой собственности, внося соответствующие платежи. На общих собраниях собственников утверждаются расходы на содержание общего имущества. Сумма расходов на содержание общего имущества зависит от размера доли в праве собственности отдельно взятого владельца и соразмерны площади жилого помещения, находящегося в его собственности. Далее формируются денежный фонд для обслуживания общей собственности. Производятся соответствующие платежи в соответствии с установленным тарифом за жилищно-коммунальные услуги, но тем не менее, сумма, перечисляемая собственниками, должна быть достаточной для выполнения мероприятий из минимального перечня по обслуживанию помещений в многоквартирном доме и за потребляемые коммунальные ресурсы в том числе. Следовательно, плата за жилое помещение и коммунальные услуги на основании платежных документов имеет важное значение по содержанию общего имущества многоквартирного дома (ст. 155 ЖК РФ). Сроки оплаты за жилое помещение и коммунальные услуги устанавливаются договором управления многоквартирным домом либо решением общего собрания собственников жилья и обязательны для исполнения. Исполнение обязательств предусмотрены главой 22 Гражданского кодекса РФ (далее по тексту — ГК РФ), т.е. обязательства должны исполняться надлежащим образом и в соответствии с требованиями закона.

Несвоевременная оплата по коммунальным платежам может затруднять управляющей организации осуществлять расчеты по договорам за потребляемые ресурсы в соответствии с требованиями, установленными законодательством Российской Федерации. За нарушения расчетов по договорам за потребляемые ресурсы, например: холодное и горячее водоснабжения, водоотведение, электроснабжение, газоснабжение, отопление и т.д. законом предусмотрена ответственность (глава 22 ГК РФ, исполнение обязательств).

Также содержания общего имущества в многоквартирном доме, принадлежащего на праве общей долевой собственности собственникам помещений, регулируются Правилами, утвержденные Постановлением Правительства РФ № 491 от 13 августа 2006 г. (далее по тексту — Правила).

Далее в 2023 г. в Постановление Правительства РФ от 13.08.2006 г. № 491 внесены изменения (ред. от 27.03.2023) «Об утверждении Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме и правил изменения размера платы за содержание жилого помещения в случае оказания услуг и выполнения работ по управлению, содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме ненадлежащего качества и (или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность», где предусмотрена ответственность за ненадлежащее оказание услуг и выполнения работ по управлению, содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме.

Правила содержания общего имущества в многоквартирном доме предусматривают:

- состав общего имущества, которое предназначено для совместного использования собственниками помещений; определение требований к содержанию общего имущества;
- определение общих расходов на содержание общего имущества собственниками помещений; контроль за содержанием общего имущества.

Также к содержанию общего имущества многоквартирного дома предусмотрены проведение ремонтных работ: текущий ремонт и капитальный ремонт.

Текущий ремонт общего имущества многоквартирного дома производится на основании решения общего собрания собственников помещений с заключением договора о содержании и ремонте общего имущества с лицами, оказывающими услуги и выполняющими работы при непосредственном управлении многоквартирным домом. Цель данного ремонта предусматривает не допущение преждевременного износа, порчи, устранение повреждений и неисправностей в общем имуществе или в его отдельных элементах, за исключением замены несущих конструкций.

Капитальный ремонт общего имущества многоквартирного дома также производится на основании решения общего собрания собственников помещений. Целью проведения капитального ремонта служат устранения факти-

ческого износа или разрушения жилого дома, восстановление неисправностей в эксплуатационных показателях. Во время проведения капитального ремонта могут производиться замены соответствующих элементов общего имущества, а именно и несущие конструкции многоквартирного дома, лифты и иное оборудование.

Для проведения капитального ремонта жилых помещений в многоквартирном доме формируется фонд, где взносы на капитальный ремонт уплачиваются на основании платежных документов (ст. 171 ЖК РФ). Данные взносы имеют важное значение при содержании общего имущества в многоквартирном доме. Сроки для внесения платы за жилое помещение и коммунальные услуги устанавливаются в соответствии с законом субъекта Российской Федерации.

В случае предоставления услуг и выполнения работ по управлению, содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме ненадлежащего качества и (или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность согласно Правилам предусматриваются изменения размера платы за содержание жилого помещения. За ненадлежащее качество выполненных работ и оказанных услуг составляется акт, который является основанием для уменьшения размера платы за содержание и ремонт жилого помещения. И на основании акта исполнитель обязан снизить размер платы за содержание и ремонт жилого помещения. В случае отказа снизить размер платы за содержание и ремонт жилого помещения спор разрешается в судебном порядке.

Заключение

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что общее имущество должно содержаться в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации, включая санитарно-эпидемиологическое благополучие населения, техническое регулирование и защиту прав потребителей. Надлежащее содержание общего имущества многоквартирного дома зависит от управления многоквартирным домом и выбором подрядной организации, которая согласно договору по управлению многоквартирным домом обязана представляет ежегодный отчет о выполнении условий договора согласно законодательству РФ, т.е. о предоставленных услугах и выполненных работ по управлению, содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме, оказанных управляющей организацией. Отчет подлежит обязательному рассмотрению на общем собрании собственников помещений в многоквартирном доме, который проводится в порядке, установленном ЖК РФ. В нем предоставляются результаты проделанных работ за прошедший отчетный период, а также результаты рассмотрений жалоб и о принятых мерах по жалобам и заявлениям за отчетный период. За нарушение норм по содержанию и эксплуатации общим имуществом многоквартирного дома предусмотрена ответственность в соответствии с законодательством РФ.

Литература:

1. «Жилищный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 N 188-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023), статьи 36, 39, 155, 171.
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023), статья 210, глава 22 (исполнение обязательств).
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 13 августа 2006 г. № 491 «Правила содержания общего имущества в многоквартирном доме, регулирующие отношения по содержанию общего имущества, принадлежащего на праве общей долевой собственности собственниками помещений в многоквартирном доме».
4. Постановление Правительства от 13.08.2006 № 491 внесены изменения (ред. от 27.03.2023) «Об утверждении Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме и правил изменения размера платы за содержание жилого помещения в случае оказания услуг и выполнения работ по управлению, содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме ненадлежащего качества и (или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность».

Влияние международно-правового режима охраны нематериального культурного наследия на законодательства государств

Федорова Алина Игоревна, студент

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород)

В данной статье раскрываются понятия нематериального культурного наследия в законодательстве разных государств. Показываются различия и сходства охраны наследия в разных государствах. Выводы и рекомендации могут быть учтены при принятии новых проектов или уточнении уже действующего законодательства.

Ключевые слова: нематериальное культурное наследие, Конвенция ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия, репрезентативный список, республика, носитель живого сокровища человечества.

После принятия и вступления в силу Конвенции ЮНЕСКО «об охране нематериального культурного наследия» 2003 г. (далее — Конвенция), в большинстве государств наблюдается законодательная активность и принятие мер по охране нематериального культурного наследия. Это говорит о влиянии Конвенции на практику государств по охране национального культурного наследия, в том числе включая его нематериальные составляющие. Необходимо выделить, что Конвенция стала так называемой «основой» для регулирования правовых отношений в сфере сохранения нематериального культурного наследия во многих государствах мира, которые приняли её законодательно. Однако, несмотря на то, что Российская Федерация и ряд других государств эту Конвенцию не ратифицировали, все-таки государственные органы власти большое внимание уделяют вопросам сохранения нематериального культурного наследия [1].

Большое количество научных работ написано в данной сфере, однако наибольший интерес и внимание привлекает исследование доктора юридических наук, профессора Гродненского государственного университета им. Янки Купалы И.Э. Мартыненко. В своем исследовании профессор дает не только определение «нематериальное культурное наследие», но и понятие «охраны национального нематериального культурного наследия». В иссле-

довании И.Э. Мартыненко вышеуказанное определение представляется как «система правовых, организационных, финансовых, материально-технических, информационных и иных принимаемых органами государственной власти и управления мер, направленных на обеспечение жизнеспособности национального нематериального культурного наследия, включая его идентификацию, документирование, исследование, сохранение, защиту, популяризацию, повышение его роли, его передачу, а также, при необходимости, возрождение различных аспектов такого наследия.» Указанное понятие полностью раскрывает не только направление работы, но и задачи данной охраны.

Анализируя исследование И.Э. Мартыненко, а также учитывая состояние национального законодательства государств, профессор говорит о том, что применено в отношении всех государств — участников и неучастников Конвенции, а именно то, что «проблемы выявления, учета, охраны, использования и популяризации нематериальных (духовных) ценностей решаются в принципе посредством дополняющих друг друга законов [2].». Указанное замечание является актуальным и на сегодняшний день и оно будет подтверждено при анализе законодательства государств: Республики Армения, Республики Молдова и Российской Федерации.

Начнем анализ законодательства об охране нематериального культурного наследия Республики Армения. В этой республике сохранение нематериального культурного наследия является одним из приоритетных направлений в политике.

В соответствии со ст. 3 Закона «о нематериальном культурном наследии» понятие «нематериальное культурное наследие» определяется как «обычаи, традиции, ритуалы, представления и выражения, знания и навыки, а также инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, ассоциированные с ними как материализованные носители нематериального культурного наследия». В исследовании И.Э. Мартыненко делается ссылка на то, что закон вводит понятие «нематериальная культурная ценность» как информацию, которая хранится в научных и образовательных учреждениях, архивах, библиотеках, касающаяся фольклора, языка, диалектов, графических названий, национальных символов, традиционного мастерства, национальных обычаев, традиций, праздников, обрядов, народных верований и поклонений».

В 2006 году Республика Армения ратифицировала Конвенцию ЮНЕСКО «об охране нематериального культурного наследия» и как результат, в рамках этого реализуются различные местные и международные программы по защите, сохранению и популяризации нематериального культурного наследия. Кроме того, 07.10.2009 года Национальное собрание Республики Армения приняло Закон «О нематериальном культурном наследии». Указанный закон регулирует правоотношения, которые возникают в процессе сохранения нематериального культурного наследия, применения, восстановления, защиты прав собственности на эти ценности, защиты культурного наследия, международного культурного сотрудничества и т. д.

В 2009 году при Министерстве культуры был создан экспертный совет по охране нематериального культурного наследия, который в сотрудничестве с организациями, занимающимися научной и образовательной деятельностью в этой области, разработал и представил Правительству Армении стандарты для инвентаризации нематериального культурного наследия.

Одним из интересных фактов является то, что Республика Армения на шестой сессии Генеральной Ассамблеи государств — участников Конвенции об охране нематериального культурного наследия от 2003 года, которая прошла в Париже в штаб-квартире ЮНЕСКО с 30.05.2016 по 01.06.2020, единогласно была избрана членом Межправительственного комитета Конвенции ЮНЕСКО сроком на 4 года [3].

Как итог принятия вышеуказанных законов, в целях популяризации нематериального культурного наследия организуются различные культурные мероприятия, такие как: фестивали, республиканские и международные конференции и т.д., и также готовятся заявки национальных нематериальных культурных ценностей для вклю-

чения в Список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО.

На сегодняшний день в Список нематериального культурного наследия человечества из Республики Армения зарегистрированы: «Дудук и его музыка» (2008 г.), «Лаваш. Традиционное хлебопечение, значение и культурные проявления в Армении» (2014 г.), «Кочари. Традиционный групповой танец» (2017 г.) и т.д.

Одним из первых государств, которое ратифицировала Конвенцию — это Республика Молдова. 29.03.2012 г. был принят закон «Об охране нематериального культурного наследия» и именно в этом законе в ст. 3 дается понятие «нематериального культурного наследия», как «совокупность элементов подлинного традиционного творчества, имеющих ценность с точки зрения истории и культуры, передаваемых из поколения в поколение в литературной, музыкальной, хореографической или театральной формах, а также комплекс практик, жизненных представлений, выражений, знаний и навыков в совокупности с инструментами, предметами, артефактами, специфической одеждой, аксессуарами и присущими им культурными пространствами, которые воспринимаются сообществом, группами людей и, по обстоятельствам, отдельными лицами как неотъемлемая часть их культурного наследия».

Анализируя вышеуказанный закон выделяется такое понятие, как «носитель живого сокровища человечества». Он представляет собой «почетное звание, присваиваемое отдельному создателю, семейной группе или коллективу, признанным сообществом носителей культуры и научным сообществом, которые создают, хранят и передают элементы нематериального культурного наследия в неизменных традиционных формах и неизменными традиционными средствами». Согласно ст. 10 данное звание присваивается Министерством культуры и вручается свидетельство. Лица, имеющие данное звание вправе использовать его для персонализации деятельности в области сохранения нематериального культурного наследия, и при этом обязаны содействовать сохранению нематериального культурного наследия.

Итогом реализации закона об охране нематериального культурного наследия является классификация и государственный учет элементов нематериального культурного наследия путем включения их в Национальный реестр нематериального культурного наследия. Данный реестр разрабатывается на основе досье наследия, составляемых на каждый элемент нематериального культурного наследия при участии научных работников, профильных специалистов и сообществ. Общественные мероприятия по культурному обмену, издательская продукция, аудиовизуальных средств, которые способствуют сохранению аутентичности — все это обеспечивает популяризацию сохранения нематериального культурного наследия.

В Список нематериального культурного наследия человечества из Республики Молдова зарегистрированы: «Мэ-

рщишор» (2017 г.), «Мужские рождественские колядки» (2013 г.), «Техника изготовления национальной рубашки» (2022 г.) [4].

Российская Федерация одна из стран, которая не ратифицировала Конвенцию и пошла по своему «пути» в области охраны нематериального культурного наследия. В государстве принят ряд законов, регулирующих вопросы охраны нематериального культурного наследия: федеральные законы от 9 октября 1992 г. № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», от 6 января 1999 г. № 7-ФЗ «О народных художественных промыслах», от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808, Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666..

Проводя анализ законодательств других государств и Российской Федерации, то можно увидеть, что в законе Российской Федерации делается большой упор на этнокультурное достояние и даже в ст. 4 Федерального закона от 20 октября 2022 г. № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» определение прямо на это указывает: «нематериальное этнокультурное достояние Российской Федерации (далее — нематериальное этнокультурное достояние) — нематериальное культурное наследие народов Российской Федерации как совокупность присущих этническим общностям Российской Федерации духовно-нравственных и культурных ценностей, передаваемых из поколения в поколение, формирующих у них чувство осознания идентичности и охватывающих образ жизни, традиции и формы их выражения, а также воссоздание и современные тенденции развития данного образа жизни, традиций и форм их выражения». Это зависит от большого количества национальностей на территории страны, которые имеют свой язык, традиции, обряды и т. д.

Отказ Российской Федерации от ратификации Конвенции обусловлен тем, что Конвенция «замораживает» развитие народов, которые ее приняли и кроме того она сохраняет такие традиции, как калым и бичевание. Как пояснила депутат Е. Драпенко в своем интервью «Парламентской газете», что «по этой конвенции сохраняется образ жизни народов, и это действительно важно для тех народов, которые не обладают письменностью и не могут зафиксировать свои обычаи: «но часто это просто является демонстрацией для туристов различных практик и обрядов и тормозит развитие этих малых народов. Также могут возникнуть проблемы традиций определенных близких народов или даже сохраняются те традиции, которые в обществе вызывают большие споры».

Однако это не повлияло на развитие в области охраны нематериального культурного наследия, у этой проблемы был комплексный подход, начиная с 2006 года в рамках Министерства культуры РФ, Национального информационно-библиотечного центра «ЛИБНЕТ» и др. был реализован проект по созданию единой электронной федеральной базы объектов нематериального культурного наследия и как итог работы на территории Российской Федерации был создан Каталог объектов нематериального культурного наследия народов Российской Федерации. Указанный каталог представляет собой информационную систему, которая включает в себя банк данных объектов нематериального культурного наследия народов, единство и сопоставимость которых обеспечиваются за счет общих принципов формирования. В такой каталог включены «Атамановские кулачки», «Технология изготовления вологодского кружева» и многое другое [5].

Обратим внимание на то, что несмотря на самостоятельный «путь» Российской Федерации в области охраны нематериального культурного наследия, все-таки в репрезентативный список нематериального культурного наследия от страны включены два наследия — это «культурное пространство и устное творчество семейский — староверы Забайкалья» и Якутский героический эпос «Олонхо».

Подводя итог всему вышесказанному, необходимо отметить, что принятая в 2003 году Конвенция ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия, стала основой для регулирования правовых отношений в области охраны нематериального культурного наследия во многих странах мира. Однако несмотря на проделанную большую работу стран, целесообразным будет закрепить права граждан на законодательном уровне в области сохранения и популяризации объектов, добиться этого также можно путем создания проекта об охране нематериального культурного наследия, который будет внедряться в школьное и вузовское образование, а также путем проведения большого количества фестивалей, где можно будет не только рассказывать, но и принимать непосредственное участие в этнокультурных мероприятиях.

Несмотря на то, что Российская Федерация не ратифицировала Конвенцию, органы государственной власти большое внимание уделяют этому вопросу и итоги этой работы видны в принятии ряда нормативно — правовых актов. Но несмотря на то, что ряд стран ратифицировал Конвенцию, а ряд нет, это не уменьшает значимость работы каждого государства в области охраны нематериального культурного наследия, а даже наоборот. Однако, несмотря на принятое законодательство, на сегодняшний день вопрос охраны нематериального культурного наследия остается актуальным и поднимается только на научных конференциях и страницах научных журналов, а не в жизни каждого из многочисленных народов.

Литература:

1. Семенова, Н.С. Международные организации в сфере образования // Право международных организаций: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры/под ред. А.Х. Абашидзе. М.: Юрайт, 2016. с. 589
2. Мартыненко, И.Э. Правовая охрана нематериального культурного наследия государств-участников СНГ на международном и национальном уровнях // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-ohrana-nematerialnogo-kulturnogo-naslediya> (дата обращения: 01.11.2023)
3. Инвентаризация нематериального культурного наследия в Армении. URL: livingheritage.by/Kanferencyi/Armenia-doc.doc (дата обращения: 11.10.2023)
4. Алиева, Г.В. Пределы полномочий международных правозащитных органов по охране нематериального культурного наследия // Правовое государство: теория и практика. Уфа, 2018. № 3 (53). с. 177-187.
5. Алиева, Г.В. Возможности и пределы охраны нематериального культурного наследия с помощью международной системы защиты прав человека // Legal Concept. = Pravovaya paradigma. Международное право и сравнительное правоведение. 2018. Vol. 17. № 3. с. 133-145

Исторические аспекты зарождения и развития института наследования РФ

Ферапонтова Светлана Евгеньевна, студент магистратуры
Красноярский государственный аграрный университет

Настоящая статья посвящена исследованию исторических аспектов зарождения и развития института наследования РФ, в рамках статьи предпринята попытка всестороннего исследования данного института с момента его возникновения и до настоящего времени. Определяется сущность института наследования и важность его существования на протяжении всего периода развития человеческого общества.

Ключевые слова: наследование, институт наследования, история, отечественное наследственное право, зарождение института наследования в РФ, наследование по закону, наследование по завещанию, аспекты развития института наследования.

Исторические аспекты развития и становления правового института наследования свидетельствуют о том, что оно развивалось довольно сложно, а на некоторых этапах вовсе противоречиво. Безусловно, при осуществлении попыток сравнения процесса зарождения института наследования в РФ с каким-нибудь природным явлением, как отмечают П.В. Крашенинников и Гонгало Б.М., «то на ум приходит горная извилистая река, которая идет своим путем, сначала огибая скалы, а после приостанавливает свое течение, чтобы упасть сверху и продолжить свой путь по обширному, более предсказуемому и стабильному руслу» [1]. Одним из первых документов, который разрешает наследование по закону, считается непосредственно договор князя Олега с Византией (греческим народом), заключенный еще в 911 году нашей эры. Исследование данного документа позволяет нам отметить, что наследование, согласно правовым нормам, подразделялось по закону и по завещанию, соответственно данное разделение получила законодательную регламентацию. Также, согласно данному акту, был определен непосредственно статус наследников и наследователя. Как следует из истории, умерший выступал в качестве первого и основного субъекта наследственных правоотношений, а в качестве наследников признавались непо-

средственно ближайшие родственники наследодателя, в число которых входили представители рода умершего по нисходящей линии (т.е. близкие родственники умершего) [3].

В последующем при выделении каждой семьи из рода, в том числе и обособление имущества, возникло регулирование наследования. Важно отметить, что особое влияние на укрепление семьи оказала непосредственно церковь, и, соответственно, под ее влиянием, в том числе и под влиянием римского (т.е. византийского) права сформировались определенные «зачатки» наследственного права, что нашло свое отражение также и в Русской Правде в более поздних документах [1].

Исторические факты подтверждают, что на тот момент земля и иное недвижимое имущество еще не были в гражданском обороте, соответственно, по наследству они не передавались. Как было указано В. Никольским, «...из ближайшего рассмотрения существа древнего семейства, а также устройства домашнего быта и постановлений Русской Правды...» [1], следует, что:

1. Имущество умершего наследуют непосредственно его нисходящие дети, внуки и т.д., необходимо акцентировать внимание, что женский пол был вовсе устранен мужским от наследства. Согласно правовым нормам, се-

стра при брате не вотчинница, может претендовать исключительно на приданое, не более того.

2. В том случае, если в семье не было лиц мужского пола, т.е. сыновей, то в семейном имуществе, которое принадлежало непосредственно отцу семейства, следовательно, движимом, наследовали уже дочери. Что касается ограничения женского пола в сфере наследования недвижимого имущества, то есть дело позднейшего времени, поскольку на тот момент земля не входила в состав частной собственности, в связи с чем и не переходила по наследству.

3. Если же не было нисходящих детей, а также внуков, соответственно наследство поступало к боковым родственникам, непосредственно по степени близости к умершему. Женский пол также подлежал исключению мужским.

4. Как правило, ни восходящие родственники нисходящим, т.е. родители детям, ни супруги друг другу не наследовали. Поскольку семейство того времени считалось нравственным, юридическим лицом, где естественным и полновластным представителем выступал сам отец семейства [1].

Помимо представленного, важными источниками, раскрывающими возможность наследования по закону, являются непосредственно Русская правда (краткая редакция) и Псковская судебная грамота. По словам С. А. Мельникова, именно в данных документах вопросы наследования по закону затрагивались косвенно. Сам же процесс передачи наследственного имущества осуществлялся в соответствии с обычным правом и предполагал передачу наследственной массы, включая движимое имущество исключительно сыновьям. Указанный нами факт подтверждается также и духовными грамотами князей, в том числе и письмом князя Владимира [3].

По мнению Г. Гегеля, в основу наследственного права должны быть положены исключительно нравственные начала, которые вытекают непосредственно из интересов семьи. Как он полагает, наследственное имущество следует рассматривать в качестве совместного имущества всех членов семьи. Соответственно «глава семьи считается только представителем семьи в гражданском обороте, отсюда и следует лишь наследование по закону, когда наследство не выходит за пределы семьи» [2].

Как верно отмечает Н.П. Чалая, вопросы наследования по закону отражены в пространном издании «Русской правды». Так, они были внесены в документ не ранее первой половины XII века. Соответственно проведение нами анализа статей 90-95 вышеуказанного документа позволяет нам сделать следующие основные выводы:

1. Наследниками по закону выступали непосредственно сыновья умершего, вне зависимости от его социального статуса (например, смерд, боярин или дружинник);

2. Дочери, которые имели статус «незамужней» к моменту открытия наследства, могли получить приданое из наследственной массы;

3. При отсутствии наследников-сыновей, наследство смердов переходило исключительно князю, а наследство бояр и дружинников переходило их дочерям (если таковые имелись);

4. Наследование матери либо супруга также не представлялось возможным. Соответственно после смерти мужа супруга могла претендовать только на то имущество, которое составляло непосредственно ее приданое [3].

Далее необходимо акцентировать внимание на следующих кодифицированных актах, которыми являются средневековые нормативные акты (Судебный кодекс Ивана III (1497), Судебный кодекс Ивана IV (1550) и Соборный кодекс (1649). В данных правовых актах представлено расширение норм, которые регулируют непосредственно наследование по закону. По результатам анализа данных правовых актов, мы можем отметить, что принцип наследования не изменился, однако в качестве нововведений следует отметить допустимость наследования родственниками по боковой линии вплоть до пятой степени родства, в том числе и ограничение полномочий наследодателя, что обосновывается изъятием определенных видов недвижимого имущества из свободного распоряжения.

Серьезные изменения в институте наследования произошли в царствования Петра I. В период его правления был регламентирован важнейший нормативный акт, регулирующий наследственные правоотношения — Указ о единонаследии (единовременном наследовании), который был принят непосредственно в 1714 году, устанавливающий принцип наследственности (майората, что подразумевает порядок наследования имущества при обычном праве, в соответствии с которым оно целиком переходит к старшему в роду либо семье). Так, его особенностью было то, что документ основывался не на исторически сложившихся нормах российского права, а на зарубежных образцах. Императором было введено право наследования недвижимого имущества исключительно за одним наследником мужского пола. Как правило, введение данного порядка можно экономически обусловить, поскольку бесконечное дробление поместий, в том числе и вотчин, ввело непосредственно к снижению сумм, которые поступали в казну налогов и обедняли сельское хозяйство.

Что касается наследственной массы, то в наследственную массу для иных наследников входило также движимое имущество, которое наследовалось в равных долях иными наследниками. К наследованию движимого имущества уже допускались непосредственно и дочери, однако с важным условием, что супруг муж примет ее родовую фамилию, отказ подразумевал переход наследства государству. В случае отсутствия детей вдова могла пожизненно пользоваться имуществом мужа, а после ее смерти главным наследником выступал непосредственно старший родственник умершего мужа.

Важно отметить, что данный Указ о единонаследии был отменен лишь в 1731 г., императрицей Анной Иоанновной,

поскольку он вызывал массовое недовольство среди подавляющего большинства дворян. Соответственно Указом 1731 г. были установлены абсолютно новые правила наследования по закону. Движимое и недвижимое имущество, подлежало переходу в равных долях абсолютно ко всем сыновьям наследодателя; соответственно внуки призывались к наследованию лишь по праву представления, что давало им право получать долю своего отца, который умер непосредственно до открытия наследства. Однако, помимо вышеизложенного родовое недвижимое имущество подлежало наследованию исключительно по закону. Дочери при наличии сыновей получали всего 1/14 недвижимого и 1/8 движимого имущества отца, соответственно. В случае отсутствия нисходящих родственников имущество подлежало переходу к братьям наследодателя.

Так, пережившему супругу полагалась непосредственно 1/7 недвижимого и 1/4 движимого имущества. А родители после смерти своих детей (бездетных) получали в собственности все переданное ими имущество детям, в том числе и право пожизненного пользования их благоприобретенным имуществом.

Далее необходимо обратить внимание, что законодательство XIX века привело непосредственно к систематизации многих разрозненных положений в институте наследования. Среди нормативных актов данного периода является Свод законов российской империи, который был принят в 1835 г. Так, его основные положения, зафиксированы в гл. 5 разд. I и гл. 1-5 разд. II и с III книги Свода законов гражданских и были актуальны в течение всего XIX века.

Также отметим, что отечественное гражданское законодательство до 1917 г. характеризовалось детальной проработкой регулируемых отношений. Далее обратим внимание на Гражданский кодекс РСФСР (31.10.1922 г.), поскольку в его нормах была регламентирована возможность наследования, которая ограничивалась 10 тыс. рублей [3].

В последующем законодателем был регламентирован Гражданский кодекс РСФСР (от 11.06.1964 г.), который действовал в части наследственного права с некоторыми изменениями и дополнениями более 35 лет, именно он расширил круг возможностей наследования по закону и по завещанию, который был ранее установлен ГК 1922 г. Важно обратить внимание, что в отличие от иных институтов гражданского законодательства «Наследственное право» ГК РСФСР 1964 г. действовал практически четыре десятилетия, причем, не претерпевая никаких изменений, несмотря на то что с начала 90-х гг. XX в. коренным образом (и неоднократно) изменялись понятия права собственности, юридических лиц и т. п.

Так, по нормам данного законодательного акта наследодатель имел право завещать все свое имущество либо его часть одному, либо нескольким лицам, как включенным, так и не включенным в круг наследников по закону, а также государству либо отдельным государственным, кооперативным и другим общественным организациям. Соответственно, завещатель мог в своем завещании лишить одного, нескольких или всех наследников права наследования по закону. Законодателем был оговорен непосредственно порядок наследования конкретных видов имущества (например, депозиты в банках либо предметы домашнего обихода).

Таким образом, в настоящее время наследственные отношения регламентируются непосредственно частью третьей Гражданского кодекса РФ, которая вступила в силу с 1 марта 2002 года. Данный кодифицированный акт сформулировал непосредственно приоритет воли наследодателя посредством завещания, а также увеличение состава наследства по закону, способствовало сокращению количества случаев наследования государством, при этом создав весьма благоприятные условия в целях реализации права на наследуемое имущество.

Литература:

1. Крашенинников, П. В. (1964). Наследственное право (официальный текст): (включая наследственные фонды, наследственные договоры и совместные завещания)/П. В. Крашенинников. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Статут, 2019. — 300 с.
2. Кириллова, Е. А. Наследственное право России. Учебное пособие. Москва: РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2017. — 157 с.
3. Чалая, Н. П. Развитие наследования по закону в истории российского права/Н. П. Чалая. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 44 (282). — с. 266-268. — URL: <https://moluch.ru/archive/282/63605/> (дата обращения: 11.11.2023).

Способы защиты имущественных прав наследников

Ферапонтова Светлана Евгеньевна, студент магистратуры
Красноярский государственный аграрный университет

В рамках настоящей статьи автором рассмотрены различные способы защиты имущественных прав наследников в зависимости от нарушений. Автором выявлено, что для защиты наследники могут использовать как способы защиты, предусмотренные ст. 12 ГК РФ, так и другие, предусмотренные нормами ГК РФ.

Ключевые слова: наследство, наследование, имущественные права, наследники, имущество, способы защиты прав наследников, переход имущества, завещание, наследование по закону, процедура наследования.

В период с 01.01.2017 года по 24.11.2022 года судами общей юрисдикции РФ было вынесено более 100000 судебных актов по вопросам, возникающим в процессе оформления наследства (т.е. соответствующих имущественных прав), а также защиты имущественных прав наследников. Судами общей юрисдикции Красноярского края было вынесено более 12900 судебных актов: Березовским районным судом Красноярского края — около 400 судебных актов; Кировским районным судом г. Красноярска — более 300 судебных актов; Октябрьским районным судом г. Красноярска — более 850 судебных актов и т.д. [4] Представленная статистика указывает на то, что проблема защиты наследственных прав приобретает важное значение в условиях современной реальности.

Наследники как участники гражданских правоотношений, имеют право на защиту путем обращения в суд, арбитражный суд, третейский суд согласно ст. 11 ГК РФ, либо на самозащиту [1]. При этом с учетом положений ч. 2 ст. 45 Конституции РФ наследник имеет право защищать свои права всеми способами, не запрещенными законом [2].

Нормы действующего законодательства РФ регламентируют порядок и особенности перехода прав и обязанностей от наследодателя к наследнику, соответственно, законодатель предусмотрел как осуществление, так и защиту прав, возникающих вследствие наступления факта открытия наследства. Как правило, процесс защиты имущественных прав наследников связан непосредственно с общим правом на защиту, изложенным в ст. 12 ГК РФ и осуществляемым путем: признания права, восстановления положения, существовавшего до нарушения права, и пресечения действий, нарушающих право; признания недействительными решений, компенсации морального вреда и другими способами, предусмотренными законом. То есть, способы защиты — это материально-правовые меры, посредством которых производится восстановление либо признание нарушенных или оспариваемых прав, а также воздействие на лицо, допустившее нарушение. Однако в силу особенностей указанной сферы гражданского права имеются специфические особенности в способах защиты прав наследников.

Наследственные правоотношения — особый вид правоотношений, имеющий характер, длящийся по времени, его участники имеют сменяющийся статус, зависящий

от стадии процесса наследования. Наследники являются субъектом этого процесса, направленного на принятие и приобретение наследства. Н.Ю. Рассказова обращает внимание на то, что наследственное право само по себе весьма необычное право, поскольку оно выступает в качестве определенного промежуточного звена между самим открытием, а также приобретением наследственного имущества, в чем и заключается непосредственно особенность процесса наследования [3].

Соответственно стадийности процесса наследования определены способы защиты. На этапе до принятия наследства наследники имеют право согласно ст. 1171 ГК РФ на охрану наследства (не более девяти месяцев со дня открытия наследства), управление наследством, на подтверждение статуса наследников. Чаще всего наследники обращаются в суд за защитой своих нарушенных прав и интересов в том случае, если упустили предусмотренный законодателем срок принятия наследства. Судами общей юрисдикции РФ, в том числе и судами общей юрисдикции Красноярского края, было рассмотрено более 42000 исковых заявлений по восстановлению срока для принятия наследства [4].

Законодателем предусмотрены два основных способа восстановления права на наследство: без суда и в суде. Способы восстановления регулируются ст. 1155 ГК РФ. Восстановить права без обращения в судебную инстанцию наследник, пропустивший предусмотренный законодателем срок принятия наследства, может, если иные наследники не возражают, для этого необходимо получить письменное согласие всех иных наследников, которые приняли наследство. Восстановление пропущенного срока в судебном порядке возможно, если суд установит, что наследник не знал о наследстве, либо признает уважительными другие причины: тяжелая болезнь, беспомощное состояние, неграмотность, нахождение в местах лишения свободы, длительная командировка в условиях, ограничивающих возможности совершения юридических актов. В качестве подтверждения уважительности пропущенного срока могут выступать: медицинские документы, которые подтверждают тяжелое, либо беспомощное состояние (т.е. заключение медицинской экспертизы, также справка об инвалидности), наследства. Так, Шилкинским районным судом Забайкальского края было рассмотрено гражданское дело по иску Ивановой И.М. к Администрации городского поселения «Первомайское»

о порядке наследования. Истцом были представлены следующие доказательства: выписка из домовой книги, выписка из ЕГРН, медицинское заключение, подтверждающее факт заболевания, копию свидетельства о смерти наследодателя, сведения, подтверждающие родство с наследодателем, свидетельские показания и т. д. [5]. Рассмотрев представленные материалы гражданского дела, суд решил исковые требования удовлетворить [5].

Способы защиты прав наследников можно также классифицировать по основанию вида наследования. Современные виды наследования — по завещанию и по закону. Нормами ГК РФ регулируются положения об обязательных долях наследников. Ст. 1149 ГК РФ даже при наличии завещания защищает права несовершеннолетних или нетрудоспособных детей, нетрудоспособных супругов, родителей и иждивенцев наследодателя. Данные категории наследуют независимо от содержания завещания не менее половины доли, которая причиталась бы каждому из них при наследовании по закону. При нарушении права об обязательных долях способом защиты является возможность оспорить завещание в соответствии со ст. 1131 ГК РФ. Если обязательный наследник — несовершеннолетний, недееспособный или ограниченно дееспособный, защиты должны требовать органы опеки и попечительства либо опекун (попечитель).

Одним из распространенных специальных способов защиты прав наследников на разных этапах является признание завещания недействительным и применение последствий его недействительности. Завещание — это односторонняя сделка, она подчиняется правилам о признании недействительной согласно правилам гл. 9 п. 2 ГК РФ. Недействительным согласно ст. 1124 ГК РФ считается завещание, оформленное лицами, признанными недееспособ-

ными, не способными понимать значение своих действий и руководить ими, под влиянием обмана, заблуждения, насилия и др. В качестве доказательств приводятся показания посмертной судебно-медицинской экспертизы, медицинские справки, показания свидетелей. Так, было рассмотрено дело Малютиной А. О. в Электростальском городском суде Московской области о признании недействительным завещания ее дяди и крестного [6]. Были выявлены нарушения при составлении завещания наследодателем, находившимся в тяжелом состоянии на момент подписания, в присутствии его супруги, в пользу которой составлено завещание. Суд принял решение об удовлетворении иска [6].

Также специальным способом защиты в наследственных отношениях является иск о признании наследника недостойным, что влечёт утрату наследником права наследовать. Согласно ст. 1117 ГК РФ ни по закону, ни по завещанию не наследуют лица, которые умышленными противоправными действиями, направленными против наследодателя или других наследников, или против осуществления последней воли наследодателя, способствовали признанию их самих, или других лиц к наследованию или пытались способствовать увеличению причитающейся им доли наследства. Также недостойными наследниками признаются лица, уклонявшиеся от исполнения обязанностей по содержанию наследодателя, осужденные за уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей.

Таким образом, в зависимости от характеров нарушений, допущенных при вступлении наследников в свои права, способы защиты их имущественных прав многообразны, выбор надлежащего способа защиты требует юридической квалификации в данной области права, имеющей свои специфические особенности.

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья)» от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Консультант Плюс: Законодательство.
2. Гражданское право [Текст]: учебник: [в 3 т.]/ [В. В. Байбак и др.; отв. ред.: Ю. К. Толстой, Н. Ю. Расказова]; Санкт-Петербургский гос. ун-т. — Изд. 5-е, перераб. и доп. — Москва: Проспект, 2014.
3. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // Собрании законодательства Российской Федерации.
4. Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 24.11.2022).
5. Решение Шилкинского районного суда Забайкальского края от 5 ноября 2020 г. по делу № 2-597/2020 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/2hfd02iR6nm/> (дата обращения: 24.11.2022).
6. Решение Электростальского городского суда Московской области от 28 июля 2020 г. по делу № 2-2615/2019 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/jujsllJtpVUn/> (дата обращения: 24.11.2022).

К вопросу об эффективности выявления, устранения и предупреждения следственных ошибок следователем и руководителем следственного органа

Химион Анна Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Абрамова Светлана Рамильевна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье уделено внимание деятельности следователя (дознавателя), направленной на выявление и недопущение совершения следственных ошибок в своей деятельности, а также комплексу профилактических мероприятий, осуществляемых в рамках ведомственного контроля в целях своевременного пресечения следственных ошибок и предотвращения их негативных последствий в рамках уголовного процесса.

Ключевые слова: следственная ошибка, усмотрение следователя, выявление, устранение и предупреждение следственных ошибок.

On the question of the effectiveness of identifying, eliminating and preventing investigative errors by the investigator and the head of the investigative body and its relationship with the discretion of the investigator

Khimion Anna Aleksandrovna, student master's degree

Scientific advisor: Abramova Svetlana Ramilevna, candidate of legal sciences, associate professor
Saratov State Law Academy

The article focuses on the activities of the detective (inquirer) aimed at identifying and preventing the commission of investigative mistakes in their activities, as well as a set of preventive measures carried out within the framework of departmental control in order to timely suppress investigative mistakes and prevent their negative consequences in the criminal process.

Keywords: investigative error, discretion of the investigator, identification, elimination and prevention of investigative errors.

На любой процесс, протекающий в тех или иных определенных условиях, оказывает влияние целая совокупность субъективных и объективных факторов, что однозначно обуславливает существование ошибок. Деятельность по осуществлению предварительного расследования в данном случае не является исключением. Стоит отметить, что при производстве следствия (дознания) ошибки совершаются под воздействием сразу нескольких факторов, иногда и субъективного и объективного характера одновременно, которые вытекают друг из друга, и зачастую их невозможно отделить для того, чтобы выявить, какой же из них конкретно повлиял на допущение той или иной ошибки. Поэтому личностные и профессиональные качества следователя здесь будут иметь решающее значение, поскольку только рациональное мышление позволит своевременно предупредить и исправить критические следственные ситуации и принять объективные тактические и процессуальные решения.

Выявление, устранение и предупреждение следственных ошибок в досудебных стадиях уголовного процесса являются неотъемлемой частью деятельности лиц, на которых возложены функции по осуществлению предварительного расследования по уголовным делам, поскольку от эффективности такой деятельности зависит ход и направление расследования, а также временные, ма-

териальные и ресурсные затраты. Более того, в уголовно-процессуальном законодательстве на нормативном уровне закрепляются определенные проверочные стадии, на которых компетентным субъектам предоставляется возможность исправления и устранения допущенных следственных ошибок. Проанализировав научные труды некоторых ученых-процессуалистов, в частности, Г.А. Зорина [4], Ю.А. Головачева [2], И.Г. Рогавы и Е.Д. Романовой [10], М.К. Свиридова [11], М.Е. Пучковской [9] и других, можно выделить несколько таких этапов, где наиболее вероятно и отчасти беспроблемно можно обнаружить, локализовать, а в отдельных случаях — предотвратить наступление неблагоприятных правовых или иных последствий совершения ошибок, а именно:

1) этап, на котором следователем (дознавателем) производится следствие (дознание). Здесь субъектом, способным и обязанным осуществлять деятельность по выявлению и устранению следственных ошибок, является непосредственно следователь (дознатель);

2) этап, на котором выполняется ведомственный контроль за следствием (дознанием). Субъектами, в должностные обязанности которых входит проверка и контроль за законностью и обоснованностью отдельных принимаемых следователем (дознавателем) решений процессуального, организационного и тактического харак-

тера, являются руководитель следственного органа, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания и непосредственные руководители следователя (дознавателя) — начальники отделов органов следствия и дознания по направлениям деятельности;

3) этап, на котором осуществляется прокурорский надзор за следствием (дознанием). Субъектом, выполняющим проверочные функции в установлении наличия или отсутствия следственных ошибок, допущенных в процессе расследования уголовного дела, является прокурор;

4) этап рассмотрения уголовного дела в судебных инстанциях, где субъектом выявления, устранения и предупреждения следственных ошибок выступает судья или коллегия судей.

На наш взгляд, наиболее эффективным направлением является предупреждение следственных ошибок, нежели их устранение или минимизация последствий, затрагивающих как процесс расследования в целом, так и права участников, вовлеченных в него, независимо от стадий уголовного процесса. Поэтому этап, на котором производится следствие (дознание), имеет важное значение в части выявления и исправления уже допущенных ошибок и исключения условий и причин совершения новых ошибок. Это важно также и для дальнейшего правильного и эффективного рассмотрения уголовного дела в суде, поскольку у судьи меньше возможностей для устранения следственных ошибок, а те правовые средства, которые имеются в его распоряжении, могут влечь за собой достаточно серьезные правовые последствия для участников уголовного судопроизводства и для общественных отношений в целом. К примеру, возвращение уголовного дела прокурору при наличии определенных оснований затягивает процесс рассмотрения уголовного дела и принятия справедливого решения в разумные сроки и т. п.

Стоит понимать, что следователь (дознаватель), как независимый участник уголовного судопроизводства, самостоятельно направляет ход расследования, проводит необходимые, с его точки зрения, следственные и процессуальные действия, руководствуясь, конечно, законодательством и ведомственными рекомендациями. Существуют определенные инструкции, закрепляющие алгоритм производства необходимых следственных, оперативных и иных действий, которые должны быть выполнены в зависимости от категории уголовного дела, однако, порядок, содержание и направленность таких действий все равно остается на усмотрение следователя (дознавателя). Например, при расследовании преступления, совершенного в составе организованной группы, следователь (дознаватель) самостоятельно определяет порядок допроса подозреваемых (обвиняемых), проведения очных ставок между ними, проверок показаний на месте в зависимости от сложившейся следственной ситуации, поведения указанных лиц, их показаний и степени сотрудничества со следствием. В таких случаях важно иметь четкий план расследования и несколько версий, подкрепляемых совокупностью доказательств и аргументов. Важно, чтобы

одновременно отрабатывались несколько следственных версий, тогда при возникновении противоречий меньше времени уйдет на производство дополнительных оперативных или следственных мероприятий.

Усмотрение следователя — правовая категория, которая не находит однозначного толкования в науке уголовного процесса и криминалистики. Так, по мнению В.Н. Дубовицкого, существует два аспекта понятия «усмотрения». В широком смысле *усмотрение* — это решение, мнение, заключение вообще. Здесь право «связано» усмотрением. В узком смысле усмотрение «связано» правом [3].

С точки зрения Б.М. Лазарева *усмотрение* представляет собой одну из сторон соотношения целесообразности и законности, зависящую от волеизъявления субъекта [6].

А.П. Корнев считает, что *усмотрение* — это ограниченная нормами законодательства степень свободы компетентных органов и должностных лиц, уполномоченных на разрешение уголовного дела, вверенная им в целях достижения справедливого результата по делу [5].

С категорией «усмотрение следователя» связывается возможность допущения следственных ошибок, вызываемых субъективными причинами, поскольку сложно осуществлять деятельность, не совершая недочетов, погрешностей, искажений, ведь имеет место человеческий фактор. Так, П.Г. Марфицин, рассматривая различные классификации причин и условий следственных ошибок, в качестве одного из оснований их систематизации, определяет усмотрение следователя. Так, по указанному критерию можно выделить следующие причины совершения следственных ошибок [7]:

1) существенные недостатки, допущенные на этапе планирования, выбора тактики и направления предварительного расследования;

2) ненадлежащее производство отдельных следственных действий или совокупности процессуальных действий;

3) принятие необоснованных решений при оценке имеющих значение для уголовного дела доказательств.

По мнению Г.А. Зорина, следователь (дознаватель) в целях уменьшения рисков совершения следственных ошибок обязан проводить ряд мероприятий профилактической направленности на каждом этапе своей деятельности, начиная с составления плана расследования, а именно:

Первое, что должен сделать следователь (дознаватель), это проанализировать следственную ситуацию, сложившуюся на первоначальном этапе расследования уголовного дела, обозначить ключевые следственные версии и перечень процессуальных, оперативных и следственных действий, необходимых для их качественной отработки. После чего выявить типичные следственные ошибки, могущие возникнуть при реализации сформулированного плана работы, и исключить их возникновение, например, путем привлечения дополнительных оперативных сотрудников для производства тех или иных мероприятий

или включения дополнительных следственных действий, рассчитав при этом временные затраты.

Во-вторых, приступая к проведению следственных действий, следователю (дознавателю) надлежит определить типичные ошибки, которые могут возникнуть в ходе производства планируемого следственного действия. Провоцирующими факторами обычно выступают поведение участников уголовного судопроизводства (подозреваемых, обвиняемых, адвокатов, потерпевших и т.д.), отсутствие необходимого технического или материального оснащения, физическое состояние самого следователя (дознавателя) и т.п. В данном случае следователь (дознаватель) должен предположить, какие возможные ошибки могут быть допущены на каждой из стадий производства следственного действия и в какой момент, и предпринять все должные меры к их устранению. Например, тактические ошибки, как правило, совершаются при сборе первичных сведений, при изучении личности подозреваемого и характеризующего материала, при формировании контакта с подозреваемыми или свидетелями, при формулировании вопросов в ходе осуществления допроса лиц, при сопоставлении показаний с результатами других следственных действий и др.

На наш взгляд, такого рода анализ зависит исключительно от профессионализма и опыта работы должностного лица. Это имеет важное значение, поскольку выявление места и времени появления возможной следственной ошибки обеспечивает условия для ее предотвращения.

В-третьих, следователь (дознаватель) должен понимать масштаб влияния конкретных следственных ошибок на результат производимого следственного, оперативного или процессуального действия, или на ход расследования в целом.

В-четвертых, необходимо выявить причины и условия, повлекшие следственную ошибку в целях предупреждения или исправления негативных правовых последствий.

В-пятый, следователь (дознаватель) обязан накапливать и уметь применять технические, организационные и иные средства и методы устранения наступивших в результате совершения ошибки последствий [4, с. 45-47].

Важно отметить, что большинство ошибок, допущенных следователем (дознавателем), легче всего исправить, устранить на этапе производства следствия (дознания), например, путем повторного допроса, назначения дополнительной или повторной экспертизы, проведения очных ставок, следственного эксперимента, изменения тактики общения с подозреваемым (обвиняемым) и другими процессуальными и криминалистическими способами. В противном случае, неприменение соответствующих мер приводит к необоснованному затягиванию сроков расследования, затрачиванию дополнительных материальных ресурсов, утрате доказательственной базы и т.д.

В целях недопущения критической ситуации, которая может повлечь нарушение прав и законных интересов лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве,

на первый план выходит ведомственный контроль, осуществляемый непосредственными руководителями следователя (дознавателя), руководителем следственного органа и вышестоящими руководителями. А.Д. Назаров определяет *ведомственный контроль* как деятельность начальника следственного отдела или руководителя вышестоящего следственного органа, направленную на реализацию мер в целях наиболее полного, всестороннего и объективного осуществления предварительного расследования по уголовным делам [8].

Основные профилактические мероприятия, которые необходимо выполнять в целях своевременного обнаружения, выявления, устранения и предупреждения следственных ошибок, нашли отражение в должностных обязанностях вышеназванных компетентных лиц. В частности, к процессуальным полномочиям руководителя следственного органа в соответствии со ст. 39 УПК РФ относятся [1]:

- поручение производства предварительного следствия одному или нескольким следователям;
- изъятие уголовного дела у следователя и передача его другому следователю с обязательным указанием оснований такой передачи;
- создание следственной группы;
- принятие уголовного дела к своему производству;
- отмена незаконных или необоснованных постановлений следователя;
- дача письменных указаний следователю о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, привлечении лица в качестве обвиняемого, об избрании в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения, о квалификации преступления и об объеме обвинения;
- дача согласия следователю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, о продлении, об отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения;
- продление срока предварительного расследования;
- возвращение уголовного дела следователю со своими указаниями о производстве дополнительного расследования и др.

Кроме процессуальных полномочий А.Д. Назаров выделяет еще и административно-управленческие, к которым относит следующие [8, с. 115-121]:

- планирование работы следственного отдела, контроль за выполнением плановых мероприятий (выполнение прогноза по направлению уголовных дел в суд);
- организация межведомственного и сетевого взаимодействия с другими службами, ведомствами и государственными органами в целях осуществления эффективного расследования по уголовным делам;
- контроль за выполнением поручений, указаний вышестоящего руководства;
- контроль за ходом расследования резонансных и многоэпизодных уголовных дел и др.

Реализация рассмотренных полномочий на практике весьма актуальна и при правильном добросовестном подходе очень эффективна. Не исключаются случаи, когда указания даются формальные, а передача уголовного дела от одного следователя другому совершается несвоевременно, и у последнего нет возможности должным образом его изучить, ввиду истечения сроков расследования, что, конечно, приводит к совершению следственных ошибок в дальнейшем. Однако, с нашей точки зрения, у должностных лиц, осуществляющих проверочную функцию на данном этапе, сложились достаточные полномочия для эффективного выявления и предупреждения след-

ственных ошибок. Необходимости увеличения и расширения компетенции, по нашему мнению, нет.

Таким образом, нами были рассмотрены вопросы, связанные с эффективностью выявления, устранения и предупреждения следственных ошибок непосредственно следователем и руководителем следственного органа, установлена взаимосвязь возникновения следственных ошибок, допускаемых на этапе предварительного расследования, с усмотрением следователя и предложен комплекс профилактических мероприятий, направленных на повышение эффективности работы следователя в данном направлении.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
2. Головачев, Ю. А. Следственные ошибки и способы их устранения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2020. 113 с.
3. Дубовицкий, В. Н. Законность и усмотрение в советском государственном управлении // Советское государство и право. 1986. № 6. с. 49.
4. Зорин, Г. А. Криминалистическая эвристика: учебное пособие по курсу «Криминалистика». Гродно, 1994. 608 с.
5. Корнев, А. П. Нормы административного права и их применение: учебник. М., 1978. с. 74.
6. Лазарев, Б. М. Компетенция органов управления: учебник. М., 1972. с. 92.
7. Марфицин, П. Г. Усмотрение следователя: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2002. с. 131.
8. Назаров, А. Д. Следственные ошибки в досудебных стадиях уголовного процесса: учебное пособие. Красноярск, 2000.
9. Пучковская, М. Е. Исправление судом следственных ошибок на стадии предварительного расследования и при производстве в суде первой инстанции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2003. 96 с.
10. Рогава, И. Г., Романова Е. Д. Полномочия прокурора в рамках прокурорского надзора на стадии предварительного следствия и дознания // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 11. с. 23-27.
11. Свиридов, М. К. Устранение судом следственных ошибок в судебном разбирательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2015. 125 с.

Уголовная ответственность за незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей

Хныжова Юлия Александровна, студент магистратуры
Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Нижний Новгород)

В статье обсуждается вопрос уголовной ответственности за незаконное задержание, заключение и содержание под стражей. Рассматриваются условия, которые могут смягчить ответственность за нарушение неприкосновенности личности, а также анализируются международные стандарты прав человека. Цель статьи заключается в том, чтобы привлечь внимание к важности соблюдения прав человека в процессе уголовного преследования и обеспечить их защиту.

Ключевые слова: подозреваемый, уголовная ответственность, арест.

Неприкосновенность личности — это фундаментальное право каждого человека, которое обеспечивает его свободу и защищает от незаконных действий со стороны государственных органов и органов правопорядка. В современном правовом положении это право яв-

ляется одним из основных принципов, которые формируют систему гарантий прав и свобод граждан.

Согласно международным нормативным документам, каждый человек имеет право на неприкосновенность своей личности, что означает, что его жизнь, здоровье,

свобода, дом и переписка не могут быть нарушены без его согласия или законного основания. В случае ареста, задержания или заключения под стражу, это право дополнительно защищает человека от произвола и незаконных действий со стороны органов правопорядка.

Однако в некоторых ситуациях возможно ограничение неприкосновенности личности. Например, по закону, лицо может быть задержано или арестовано только в случае существования достаточных оснований для подозрения в совершении преступления. Дополнительно, ограничение может быть наложено на неприкосновенность личности в случае уголовного судопроизводства. Так, человек может быть временно задержан для проведения следственных действий, обеспечения его явки в суд, либо принудительного осуществления судебного приказа.

В целом, неприкосновенность личности является фундаментальным правом, которое обеспечивает свободу и защиту граждан от произвола. Однако, наложение ограничений на это право в случае уголовного судопроизводства является необходимым, чтобы обеспечить правопорядок и защиту общества от противоправных действий.

Неприкосновенность личности — один из главных принципов правовой защиты человека и гражданина в России. Она гарантируется Конституцией и уголовным законодательством [3], которое запрещает незаконное задержание, содержание под стражей и заключение под арест. Любое нарушение этих правил считается преступлением, а его объектом является не только личная свобода, но и неприкосновенность личности.

В то же время существует разнообразие подходов к определению незаконного задержания. В случае административных правонарушений, неправомерное задержание может определяться на основе нарушения процедурных прав или прав человека. В случае преступлений стандарты законодательства строже, и незаконное задержание требует наличия умысла со стороны правоохранительных органов.

В целом, защита неприкосновенности личности является неотъемлемой частью правового положения человека и гражданина в России. Она обеспечивается не только законодательными гарантиями, но и практическими механизмами контроля за деятельностью правоохранительных органов. Таким образом, любое нарушение неприкосновенности личности должно встречать последовательный и жесткий отпор со стороны общества и государства в целом.

Административное задержание — это мера временного задержания гражданина за нарушение общественного порядка, заложенная в административном праве.

Данная мера не является уголовной и не связана с применением наказания по приговору суда. Правовой режим задержания, содержания под стражей подозреваемых и избрание меры пресечения регулируются законами и статьями УПК РФ и Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [6].

Статья 301 УК РФ определяет уголовную ответственность за незаконное лишение свободы. Данное деяние охватывает разные формы лишения свободы, включая арест, задержание и заключение. Для определения ответственности за это преступление необходимо обращаться к специализированным нормативно-правовым актам.

Арест — это ограничение свободы личности, осуществляемое по решению суда в рамках уголовного процесса. Задержание — это временное ограничение движения гражданина, производимое правоохранительными органами в целях проверки документов или установления личности лица, подозреваемого в совершении преступления. Заключение — это содержание под стражей обвиняемого или подозреваемого в совершении преступления.

Процесс лишения свободы имеет как объективную, так и субъективную сторону. Объективная сторона включает в себя действия, направленные на ограничение свободы личности. Субъективная сторона включает в себя намерение правоохранительных органов или суда ограничить свободу личности.

Таким образом, административное задержание не должно рассматриваться в контексте уголовной ответственности, так как это несравнимо с мерами пресечения и наказания по приговору суда. Правовой режим задержания, содержания под стражей подозреваемых и избрание меры пресечения регулируются различными законами и статьями УПК РФ и Федеральным законом № 103-ФЗ. Однако, необходимо помнить, что лишение свободы в любой форме требует соблюдения законных процедур и защиты прав подозреваемых и обвиняемых.

Для того чтобы человека привлекли к уголовной ответственности, в законе должен быть предусмотрен мотив совершения преступления, в рамках квалифицирующего признака Общей части УК РФ. Например, мотивом может служить месть за действия других лиц или скрытие другого преступления. Однако, если лицо задержано по ошибочному подозрению и подвергнуто незаконному воздействию для получения показаний, на него может быть наложена ответственность по нескольким статьям УК РФ, связанных с нарушением его прав и свобод.

Литература:

1. Всеобщая декларация прав человека. Принята Резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948 // Российская газета. № 67. 05.04.1995.
2. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16.12.1966 // Ведомости Верховного Совета СССР. 28.04. 1976. № 17. Ст. 291.
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Заключена в Риме 04.11.1950 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.

4. Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме. Принят Резолюцией 43/173 на 43-ей сессии Генеральной Ассамблеи ООН от 09.12.1988 // Правовые основы деятельности системы МВД России. Сборник нормативных документов. Т. 2. — М.: ИНФРА-М, 1996. — с. 147-157.
5. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru>
6. Уголовный кодекс Российской Федерации/Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru>
7. Уголовно-процессуальный кодекс/Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru>
8. Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // Собрание законодательства РФ. 17.07.1995. № 29. Ст. 2759.
9. Амосов, А. Е. Уголовная ответственность за незаконные заключение под стражу и содержание под стражей: проблема толкования законодательного текста // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2. — с. 211-218.
10. Глухова, Е. В. Вопросы реализации в отечественном уголовном судопроизводстве рекомендаций международного права о содержании под стражей лиц // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 2. — с. 67-71.
11. Дадаев, Х. М. Уголовная ответственность за незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей: дис.... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2017. — 175 с.

Формирование структуры противодействия коррупции в России

Хортик Игорь Андреевич, студент магистратуры

Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В статье характеризуется необходимость формирования в РФ функциональной и эффективной структуры противодействия коррупционным явлениям, опирающейся на принцип «превентивности». Автор полагает, что её отсутствие заметно усложняет пресечение коррупционных деяний в стране. Рассматривая зарубежную практику, он указывает, что в состав такой системы можно включить компоненты, отличающиеся способностью заметно увеличить эффективность данного противодействия в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: структура противодействия коррупции, российский опыт, международный опыт, комиссия по служебным спорам и регулированию конфликта интересов, превентивность, реактивность.

Противодействие коррупции на всех стадиях государственного развития — важная задача для совершенствования функционирования его аппарата, продуктивного расходования средств бюджета и повышения уровня добросовестной конкуренции в экономической системе во взаимодействии с физическими и юридическими лицами в рамках гражданского общества.

Такое противостояние в разных странах принимает разные формы, сосредотачиваясь либо на реактивных, либо на превентивных механизмах.

1. Реактивный метод опирается на репрессивные меры, такие как тотальная зачистка госаппарата от коррупционеров при выявлении неправомерных поступков. Ключевой недостаток реактивного подхода — его невозможность полностью разрешить проблему существования этих противоправных деяний даже в условиях поддержки обществом, так как фокусируется на результатах, а не на источниках. Фокус внимания на итогах, а не на их факторах, не даёт возможности определить источники формирования исследуемого феномена.

2. В свою очередь превентивный метод фокусируется на выявлении и решении коррупциогенных факторов до возникновения итогов рассматриваемых деяний, либо на кардинальном сокращении их воздействия на подсистемы государственной власти.

Этот механизм не исключает ответственности для коррупционеров, но стремится предотвратить возникновение коррупционных ситуаций, выделяя в качестве ключевого направления деятельности разработку и внедрение профилактических мер. При установлении фактов недобросовестного использования служебного положения происходит определённое наказание правонарушающих субъектов согласно действующему законодательству.

Выбор определённой страной какого-то подхода к борьбе с незаконными явлениями определяет последующие события, в том числе, разработку нормативно-правовых актов, организационных мероприятий и образование культурного базиса, выражающегося в культурном неприятии этих явлений социумом.

В отличие от многих государств условного запада, которые предпочли второй подход, Россия на стадии определения вариантов противостояния злоупотреблению служебным положением должностных лиц и проведения реформ госуправления выбрала путь борьбы, опирающийся на «репрессии». В то же время западные страны, применяя превентивные механизмы, достигли значимых результатов в этой деятельности и занимают лидирующие позиции в мировых рейтингах по данному направлению.

В то же время страны, долгое время использующие «сильную руку» для искоренения взяточничества, не добились значимых итогов. В конечном итоге они получают недостаточные очки в рейтингах, основанных на индексе восприятия коррупции (ИВК), измеряемом центром антикоррупционных исследований «Transparency International».

Так, по данным классификации на базе ИВК, в 2009 году РФ и КНР, применяя подход на базе «репрессий», заняли 146-е и 79-е места в полном списке из 180 государств.

Такое положение РФ в списке говорит о неэффективности применяемого способа борьбы со злоупотреблениями служебным положением и о важности перманентного сдвига к превентивному подходу.

Исходя из этого, возможно заключить, что наблюдается выраженная потребность в исполнении поэтапного смещения к иному методу противодействия. Для этого необходим анализ национального и мирового опыта, что позволит установить приоритетные направления исполнения нужных трансформаций в пресечении преступных деяний.

Таким образом, возможно установить четыре области переноса опытных практик иностранных государств, принимая во внимание российскую специфику:

1) перенос опыта в части разработки стратегических планов по пресечению неправомерных деяний и определение приоритетов используемых мероприятий с принятием во внимание национальной специфики;

2) перенос практик в части привнесения и адаптации эффективных организационных мер в работу центральных органов исполнительной власти (далее — ЦОИВ) с учётом специфики устройства национального механизма ЦОИВ;

3) использование практик в части создания совершенно новой культуры служения социуму российскими госслужащими;

4) использование таких практик в части образования специализированных структур, противостоящих осуществлению коррупционных деяний с чётко определённым функционалом (обучение, противодействие международным правонарушениям и другие задачи).

Необходимость акцентировать внимание на структурах пресечения противоправных явлений объясняется 2-мя факторами:

1) формирование продуманной комплексной системы позитивно повлияет на весь комплекс мер, в том числе, с точки зрения стратегической перспективы. Это подтверждает и практика иностранных государств;

2) такие структуры сами по себе определяют направления изменений, конфигурируют противокоррупционные программы, улучшают взаимосвязи между различными ведомствами.

Формирование подобной системы — важный аспект госуправления. Представляется логичным, что Российской Федерации следует перенять самые успешные практики иностранных государств, принимая во внимание собственные реалии. В то же время, прежде чем анализировать и адаптировать такую практику, необходимо установить, какие антикоррупционные механизмы есть в РФ в настоящее время, какие проблемы наблюдаются в их деятельности, и чем они обусловлены.

В истории РФ за последние 100 лет возможно выделить 2 крупных периода противокоррупционной деятельности — советский и постсоветский. На специфику такой деятельности в каждом периоде значимо влияла разница в политико-экономических режимах, институтах и системах госуправления.

При этом важно отметить, что после распада Советского Союза Российская Федерация продолжила использовать «жесткой руки» в данной деятельности.

В Советском Союзе первым органом, противостоявшим коррупционным явлениям, являлось Экономическое управление Всесоюзного чрезвычайного комитета объединённого государственного политического управления (далее — ЭКУ ВЧК-ОГПУ). Это учреждение активно функционировало во время НЭПа (1921-1928 годы).

На этот орган возлагался ряд задач по борьбе с правонарушениями в сфере экономике, в сфере защиты экономических секретов, он выявлял экономический шпионаж и решал ряд иных задач [3].

Дальнейшее развитие антикоррупционной структуры получило путём создания Отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией (далее — ОБХСС) в аппарате Главного Управления рабоче-крестьянской милиции. Этот Отдел был создан согласно Приказу НКВД СССР № 0018 от 16.03.1937 года. Его работа (как и ранее работа ЭКУ ВЧК-ОГПУ) опиралась на жесткое пресечение злоупотреблений должностным положением без обеспечения достаточного внимания вопросам образовательного состояния и юридической грамотности государственных служащих, создания культуры служения социуму и отторжения взяточнических явлений.

Советский механизм антикоррупционной деятельности в первую очередь выступал отражением государственной политики, которая вообще не признавала коррупцию как фактический признак деятельности социалистической экономики. Сведение этого понятийного признака ко взяточничеству, естественным образом, сокращало и возможности для противостояния коррупционным деяниям.

Данная особенность, а также ряд других факторов советского периода (например, низкий уровень образования, жесткая структура госуправления, использование антикоррупционными органами исключительно реак-

тивных способов пресечения кратковременных результатов правонарушений) негативно сказались на антикоррупционной политике РФ и на постсоветском этапе.

Переход страны к новой политико-экономической системе на постсоветском этапе в начале 90-х годов 20-го века сопровождался смещением проблемы злоупотреблений должностным положением на задний план. В ситуации возникновения полного дисбаланса госаппарата и проходившей приватизации это создало множество условий для должностных лиц в части манипулирования госсобственностью для собственных нужд.

В результате можно отметить фактическое отсутствие адекватного антикоррупционного механизма до 2003 года, когда был подписан Указ Президента РФ от 24 ноября 2003 г. № 1384 «О Совете при Президенте Российской Федерации

по борьбе с коррупцией». Позитивным законодательно закреплённым нововведением стало приглашение членов общественных организаций, экспертов и ученых к участию в работе Совета при Президенте России [3]. В то же время следует сказать, что влияние этого нововведения было объективно ограниченным и не могло значительно влиять на деятельность Совета и его антикоррупционную политику.

Исходя из вышесказанного, можно отметить необходимость провести анализ международного опыта формирования антикоррупционных структур в странах, характеризующихся результативной деятельностью в данной сфере, особенно с точки зрения использования эффективных систем, опирающихся на использование превентивного механизма пресечения рассматриваемых противоправных деяний.

Литература:

1. Епихин, А. Ю., Мозохин О. Б. ВЧК-ОГПУ в борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики (1921–1928): Монография. — М.: Кучково поле. Гиперборея, 2020–528 с.
2. Кордонский, С. Г. Ресурсное государство. М.: Regnum, 2019 — с. 19
3. Лукьянова, Н. И. Декларирование доходов государственными гражданскими служащими и членами их семей. Проблемы правоприменения — 2021 — № 14 — с. 27.

Трудности определения квалификации в сфере посредничества при вовлечении во взяточничество

Хушаков Руслан Саидбекович, студент;

Дорошенков Даниил Геннадьевич, студент

Научный руководитель: Ковлагина Дарья Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с трудностями определения квалификации в сфере посредничества при вовлечении во взяточничество в российском уголовном праве. Данная проблема в настоящее время носят теоретический характер, а на практике применения уголовно-правовой нормы остаются неясными и требуют дополнительного разъяснения. Также обращается внимание на необходимость более детальной формулировки уголовно-правовых норм и возможных изменений в уголовном законодательстве для улучшения правоприменительной практики и обеспечения справедливости вынесения приговоров.

В современных условиях коррупция признана «одной из самых серьезных мировых проблем, затрагивающих все государства. Она дестабилизирует национальные экономики, нарушает права человека, подрывает принципы справедливости, провоцирует социальную напряженность в обществе» и поэтому в 2011 году в уголовное законодательство была добавлена новая норма, а именно статья 291.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), которая предусматривает возможность привлечения к ответственности за содействие в деле получения взятки.

Однако эта норма вызвала ряд вопросов как в теории уголовного права, так и в практике ее применения.

За шесть лет существования этой нормы она не претерпела никаких изменений или дополнений. Это создало определенные трудности, связанные с определением квалификации посредничества во взяточничестве.

Статья 291.1 УК РФ состоит из пяти частей, из которых четыре определяют различные виды посредничества во взяточничестве, в то время как пятая часть регулирует ответственность за обещание или предложение посредничества во взяточничестве. Это новшество для российского уголовного законодательства, поскольку оно предусматривает наказание за намерение совершить посреднические действия в будущем. Следовательно, если посредник реализовал свои намерения, то есть совершил

посреднические действия и помог в передаче взятки, то он подпадает под ч. 1-4 ст. 291.1 УК РФ. Если обещание или предложение о посредничестве не было выполнено, то применяется ч. 5 настоящей статьи [1].

В современной практике применения законодательства и научной литературе существуют определенные трудности в оценке и квалификации деяний по ст. 291.1 УК РФ. Прежде всего, некоторые эксперты, в том числе профессор П. С. Яни, считают, что законодательство очень узко ограничивает понимание передачи взятки. Например, если человек выполняет работы по ремонту дома для должностного лица, это не всегда рассматривается как посредничество во взяточничестве. Оплата услуг взяточником также может рассматриваться как форма посредничества, и это зависит от свойств и характеристик предмета взятки [2].

Прежде всего, можно однозначно сказать, что существование независимой нормы уголовного права, регулирующей ответственность за содействие во взяточничестве, позволяет избежать использования аналогии при применении нормы уголовного права, как это часто было до введения ст. 291.1 УК РФ [3]. Ранее лицо, содействующее совершению взяточничества, как правило, признавалось соучастником преступления по ст. 290 или 291 УК РФ. Тем не менее, такая квалификация действий не всегда соответствовала требованиям ч. 5 ст. 33 УК РФ, в которой перечислены все возможные формы соучастия. В частности, юридическое определение соучастия, предусмотренное этой нормой, не включает так называемое физическое соучастие, которое заключается в осуществлении прямых действий по передаче взятки [4]. Включение в УК статьи 291.1 значительно облегчило правоприменение. К примеру, дело № 1-71/2022, где адвоката Измаилова Г. А. признали виновным в совершении преступления предусмотренного п. «б» ч. 3 ст. 291.1 УК РФ. В материалах дела отмечается именно совершений физических действий по передаче взятки, которое не характерно для ч. 5 ст. 33 УК. Таким образом, суд решил Измаилова Г. А. признать виновным в совершении преступления, предусмотренного пунктом «б» ч. 3 ст. 291.1 УК РФ, и назначить ему наказание с учетом ст. 64 УК РФ в виде лишения свободы на срок 2 (два) года 1 (один) месяц с лишением права заниматься адвокатской деятельностью на срок 2 (два) года в силу положений ч. 6 ст. 15 УК РФ изменить категорию данного преступления, считать его осужденным за совершение преступления средней тяжести [8].

По сравнению с получением взятки при посредничестве криминообразующим признаком признается размер

взятки, который исключает уголовную ответственность за посреднические действия в размере, не превышающим 25 тысяч рублей [5].

В ходе выявления случаев взяточничества могут возникнуть значительные трудности с определением предмета взятки. Эта трудность связана с тем, могут ли объекты, оборот которых ограничен, или предметы и услуги, стоимость которых не может быть точно определена, рассматриваться в качестве предмета взятки. Согласно ч. 1 ст. 290 УК РФ предметом взятки являются денежные средства, ценные бумаги, иное имущество или оказание незаконных услуг материального характера и иные имущественные права. Более подробно положения данной статьи раскрыты в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и иных коррупционных преступлениях» [6]. Согласно содержанию указанного постановления, имущество, услуги или имущественные права, переданные в качестве взятки, должны быть оценены в денежном выражении в приговоре суда. Фактическая стоимость предмета взятки становится объективным критерием, которым руководствуются судьи при принятии законного и обоснованного решения.

Еще одной актуальной проблемой, возникающей при квалификации взяточничества, является различие между составом взяточничества и мошенничества. Критерии разграничения получения взятки и мошенничества изложены в п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 г. Например, если лицо принимает ценные вещи в качестве взятки, но не намерен заранее выполнять свои обязательства и оставляет ценности себе, это считается мошенничеством. Кроме того, получение взятки должностным лицом путем обмана или злоупотребления доверием также подпадает под понятие мошенничества [7].

Таким образом, вопросы, обсуждаемые в этой статье, представляют собой лишь часть более широкой проблемы, связанной с трудностями определения квалификации в сфере посредничества при вовлечении в взяточничество. Следует отметить, что в настоящее время эти проблемы носят в основном теоретический характер. Для более точной оценки таких преступлений законодательству необходимо более подробно и четко сформулировать соответствующие уголовно-правовые нормы. Внесение изменений и дополнений в уголовное законодательство помогло бы обеспечить соблюдение верховенства закона и назначение справедливых наказаний за совершенные деяния.

Литература:

1. Куц, К. С. Посредничество во взяточничестве: проблемы квалификации/К. С. Куц. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2018. — № 7 (193). — с. 130-133.
2. Яни, П. С. Проблемы квалификации посредничества во взяточничестве // Законность. — 2013. — № 3. — с. 24

3. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, N 25, ст. 2954.
4. Фоменко, Е. В. Соотношение посредничества и пособничества во взяточничестве // Закон и право. — 2016.-№ 8. — с. 67.
5. Щепельков, В. Ф., Пряхина Н. И. Допустимо ли квалифицировать посредничество во взяточничестве как участие в даче или получении взятки? // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2012. — № 6. — с. 51
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // «Бюллетень Верховного Суда РФ», N 9, сентябрь, 2013.
7. Куликов, А. В., Перцев Д. В. Проблемные вопросы квалификации посредничества во взяточничестве // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2022. № 1. с. 46.
8. Архив Яшкульского районного суда Республики Калмыкия // Приговор № 1-71/2022 от 29 декабря 2022 г. по делу № 1-71/2022/URL: <https://sudact.ru/law/uk-rf/osobennaia-chast/razdel-x/glava-30/statia-291.1/?ysclid=lo63xu96mj204671655> (дата обращения 26.10.23)

Тенденции развития деятельности политических партий и их правовое регулирование в условиях цифровизации

Чугунова Юлия Владиславовна, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

В данной статье исследуются тенденции развития деятельности политических партий и их правовое регулирование в условиях цифровизации. Исследование показывает, различные тенденции развития деятельности политических партий. Были выделены несколько рискогенных трендов цифровизации российской политики.

Ключевые слова: регулирование, политика, политические партии, выборы, тенденции, цифровизация, общество, риск.

Политическая сфера жизни общества явственно выделяется в качестве основополагающего элемента, поскольку она определяет и регулирует направления развития нашего общества. В настоящее время демократическое государство обозначает потребность большинства общества в активном участии в политической деятельности с целью оказания влияния на политические решения, ибо именно они определяют образ и ход нашей жизни. Политическая партия предстает как превосходный инструмент, позволяющий воздействовать на политику и оказывать реальное влияние на ее ход.

Однако наступившая эпоха цифровой трансформации оказала значительное влияние на устоявшиеся функции и типологии политических партий. В современном обществе классические роли политических партий все чаще становятся предметом критики в силу их несоответствия новым реалиям и изменениям, присущим меняющемуся миру.

Институциональная структура общества продолжает придавать ключевое значение политическим партиям, несмотря на все изменения, происходящие вокруг. Однако в условиях цифровой трансформации функции и задачи политических партий начинают перемещаться на новые уровни: уровни индивидуального влияния и формирования сетевых связей.

Политическая партия в наше время играет ключевую роль в представительной демократии и политической системе. Она сосредоточена на выражении и удовлетворении интересов различных социальных групп, разработке идеологии, создании политической программы и деятельности, а также на формировании общественного мнения. Однако, в современных условиях, эти функции сталкиваются с многообразием и неоднонаправленностью развития общества, что делает трудным выработку единой узкой идеологической концепции, которая была бы приемлемой для большинства людей [1].

В последние десятилетия произошли значительные изменения в политических партиях и партийных системах. Эти модификации настолько существенны, что в настоящее время многие фундаментальные вопросы, которые казались разрешенными и закрытыми, стали объектом живых дискуссий. Возникли новые темы, связанные с теорией и практикой функционирования партий и партийных систем, которые требуют глубокого анализа и изучения.

Первая тенденция достаточно хорошо изучена западными политологами, а в последние годы она замечена также российскими обществоведами и политиками. Суть ее такова. Во второй половине истекшего столетия (впервые в начале 60-х годов) заметное развитие по-

лучил процесс нарастания социальной, идеологической и, как следствие, политической гомогенности общества, что вызвало существенные сдвиги в партийных системах западных стран. Как известно, в Европе на протяжении веков шел процесс социальной дифференциации общества с одновременной модификацией политических форм. Партии встроились в этот процесс тогда, когда сложилась определенная социальная структура, и право влиять на принятие политических решений посредством участия в выборах получила значительная часть населения.

Таким образом, обозначившаяся тенденция нарастания во второй половине XX века социальной, идеологической и политической однородности общества в развитых демократиях с неизбежностью предопределила крупные сдвиги в политических партиях и партийных системах этих стран и оказала влияние на формирование партийных систем т. н. транзитных государств.

Вторая тенденция в развитии современных политических партий и партийных систем тесно связана с первой и заключается в том, что в демократических государствах последнего времени роль политических партий как основного канала участия граждан в общественно-политической жизни страны снижается. Граждане все меньше могут самоопределяться через политические партии. Этот процесс можно наблюдать не только в странах с развитой демократией, но и в странах, вступивших на демократический путь всего несколько лет назад. Россия, безусловно, демонстрирует эту тенденцию.

Со временем стало очевидно, что создать по-настоящему сильную и авторитетную политическую партию очень сложно. (Мы не имеем в виду многочисленные «диванные» партии, существующие в стране). Самая большая трудность в создании настоящей политической партии заключается в нежелании подавляющего большинства российских граждан становиться членами партии или заниматься какой-либо связанной с ней работой [2]. Не случайно на политическом поле страны преобладают политические движения, ассоциации, союзы, «конференции» и т. п., т. е. политические организации, не требующие особых затрат времени и финансовых средств, но в российских условиях такие организации приравниваются к партиям в борьбе за власть.

Фактором, свидетельствующим о серьезных проблемах в сфере правового регулирования партийного строительства в Российской Федерации, является также отсутствие, условно говоря, средних политических партий, регулярно (возможно с переменным успехом) участвующих в различных выборах. Эти партии сформировались за многие годы стабильной деятельности, но, к сожалению, не пользуются благосклонностью законодателей. Законодателям следует обратить внимание на существующие правовые проблемы в тех сферах, где представлены интересы граждан. Если граждане придут к выводу о недостаточности правового регулирования в рассматриваемой области, то, скорее всего, они будут отстаивать свои интересы вне правового поля. Постоянное раз-

витие политических партий и их свободная конкуренция являются неотъемлемым элементом современной демократии. В свете вышесказанного необходимо отметить, что общая тенденция конституционно-правового регулирования партийного строительства в Российской Федерации заключается в ограничении права граждан на участие в делах государства в части функционирования партийных институтов.

Отметим, что на это в значительной степени влияют несколько факторов:

- 1) запрет на создание политических партий по профессиональному, расовому, национальному или религиозному признаку;
- 2) запрет на создание региональных партий;
- 3) требование о минимальной численности политических партий в несколько тысяч человек, которое было отменено в 2012 году.

Анализируя правоприменительную практику избирательных комиссий, судебную практику, отражающую участие политических партий и иных электоральных групп в выборах различного уровня, можно выявить характерные нарушения прав электоральных групп. Основная проблема, на решение которой сегодня должны быть направлены усилия законодателей, и решение которой заключается в совершенствовании избирательной правовой системы и избирательного процесса.

Отсутствие стабильного правового регулирования партийной системы в современной России искажает значение партийной системы как выразителя воли народа. Избирательное законодательство в Российской Федерации постоянно меняется, чрезмерно усложнено и нестабильно, при его применении применяются двойные стандарты, а доверие избирателей к нему снижается [3].

Неопределенность нормативного содержания отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» по-прежнему ставит теоретически и практически актуальные задачи перед наукой избирательного права и процесса. К их числу необходимо отнести следующие: обеспечение гарантий политических партий в процессе формирования избирательных комиссий; упрощение процедуры выдвижения избирательными объединениями кандидатов; совершенствование механизма участия избирательных объединений в агитационной деятельности; конкретизация системы предпочтений для избирательных объединений, представленных в законодательных органах государственной власти и представительных органах муниципальных образований; совершенствование механизма административного рассмотрения избирательных споров.

Проблематика влияния цифровых технологий на современную российскую политику, всеобъемлющая цифровизация политических практик и технологий привлекают все большее внимание отечественных ученых-политологов и экспертов (А. А. Косоруков, С. В. Во-

лоденков, Е. В. Бродовская, В. В. Кафтан и др.). При этом следует учитывать, что сам процесс цифровизации политического пространства понимается российскими исследователями неоднозначно. Сегодня имеют место три различных подхода к определению его сути: условно «технологический», в рамках которого цифровизация интерпретируется как непосредственное внедрение цифровых (или шире — современных информационных) технологий в политический процесс; так называемый «интернет-центричный», ассоциирующий потенциал цифровой трансформации российского общества и с развитием технических возможностей, и, что более важно, с динамикой социально-политического контента Рунета; третий подход может быть охарактеризован как синтезный и коммуникативный, делающий акцент на то, что «цифра» меняет информационно-психологический ландшафт российского общества во всех его проекциях, включая публичную политику [4].

Цифровизация несет с собой риски, о которых эксперты говорят. Один из явных рисков связан с возможностью «цифрового манипулирования» в электоральных процессах и непрозрачностью волеизъявления граждан, особенно при несовершенстве системы электронного голосования. Сейчас электронное голосование, особенно растянутое на несколько дней, затрудняет наблюдателей следить за соблюдением выборных процедур и фиксировать нарушения. В России эти проблемы стали особенно актуальными летом 2020 года во время плебисцита по изменению Конституции. Несистемная оппозиция и ее сторонники не только критиковали формат и основания голосования, но и использовали тактику абсурдизации процесса для снижения его легитимности.

Второй риск цифровизации имеет более глобальный характер и связан с дальнейшей хаотизацией российской политики. Когда «постправда» и «фейкньюс» становятся доминирующим фактором развития политического процесса, политическая повестка дня становится специфической и хаотичной. Информационная палитра Рунета, формируемая соцмедиа, уже сегодня носит сложный

и неконтролируемый характер. Ни государство, которое полагается на запреты, ни инициаторы такой информации — «несистемные» оппозиционеры и их сторонники — не могут эффективно управлять информационными потоками в Рунете. В 2020 году существующая власть признала низкую эффективность тактики запретов на долгосрочной основе и приняла решение о разблокировке мессенджера Телеграмм.

Третий риск цифровизации российского политического пространства связан с возможностью активного использования новых манипулятивных технологий. С одной стороны, как уже отмечалось, политическая и событийная динамика в социальных сетях Рунета в значительной степени не поддается контролю. Однако это не означает, что многочисленные интернет-сообщества устойчивы к «изошренным» манипулятивным воздействиям. Например, несколько лет назад (действительно, сразу после «Болотных» протестов 2011-2012 гг.) в социальных сетях начали формироваться косные коммуникативные эффекты, которые были еще более усилены «раскруткой» политического сегмента YouTube 2020-х. Предполагается, что именно косой формат (а не горизонтальный или вертикальный формат телевизионных ток-шоу) будет определять специфику политической коммуникации в Интернете.

Таким образом, мы выявили несколько опасных тенденций цифровизации российской политики. Конечно, они не являются атрибутами только будущего, но многие из них вполне очевидны уже сегодня. Важно и то, что каждая из этих тенденций явно находится на «подъеме» и будет оказывать серьезное влияние на форму российского политического процесса в 2020-х годах. В то же время все эти тенденции сопряжены с определенными, порой очень серьезными рисками и противоречиями, которые трудно минимизировать, особенно в ситуации, когда информационное пространство становится все более фрагментированным, а политическая система Российской Федерации переживает нестабильность.

Литература:

1. Алимов, Э. В. Некоторые тенденции конституционно-правового регулирования партийного строительства в Российской Федерации/Э. В. Алимов. — Текст: непосредственный // Журнал российского права. — 2016. — № 2. — с. 14-15.
2. Бродовская, Е. В. Цифровое поколение: гражданская социализация и политический протест российской молодежи/Е. В. Бродовская. — Текст: непосредственный // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2019. — № 5 (153). — с. 10-15.
3. Зорькин, В. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума/В. Зорькин. — Текст: непосредственный // Российская газета. — 2018. — № 7578 (115). — с. 4.
4. Кошель, А. С. Некоторые вопросы развития порядка формирования Государственной Думы Федерального Собрания РФ, региональных парламентов на современном этапе/А. С. Кошель. — Текст: непосредственный // Вестник Тюменского государственного университета. — 2018. — № 1. — с. 159-171.

Перспективы развития государственного управления в условиях цифровой трансформации

Чугунова Юлия Владиславовна, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

Что подразумевает цифровая трансформация в государственном секторе? Данный вопрос поднят в этой статье. Рассмотрены перспективы развития государственной цифровой трансформации.

Ключевые слова: государство, управление, трансформации, перспективы, цифровизация, население.

В современных условиях, вопросы эффективности и качества управления становятся приоритетными в исследовательской деятельности. От решений, выработанных на основе таких исследований, зависят принципы реформирования государственных структур. Вовлечение граждан в работу государственных органов позволяет привлечь внимание широкой общественности к деятельности правительства на всех уровнях: муниципальном, региональном и федеральном. Для достижения этой цели необходимо обеспечить доступ граждан к цифровому пространству для популяризации мероприятий с общественным участием. Один из ярких примеров цифровизации публичного управления — это портал Госуслуг, который ежедневно посещают миллионы людей, а число обращений на ресурсе исчисляется миллиардами ежегодно.

Ограничивающие факторы проведения цифровой трансформации в сфере государственного управления. В настоящее время необходимо учитывать тот факт, что, к сожалению, не все сотрудники административной системы обладают такими навыками, которые позволили бы внедрять цифровые решения и тем самым трансформировать административную систему в соответствии с технологическим укладом общества. Этот аспект является препятствием для повсеместной цифровизации и непосредственным фактором в достижении цели трансформации административной системы [1].

Стоит признать, что именно государство играет ключевую роль и в вопросах, связанных с сокращением цифрового неравенства граждан. Цифровое неравенство обусловлено неразвитостью инфраструктуры, региональными социокультурными особенностями, различиями в уровне жизни и цифровых возможностях граждан. Поэтому государство должно обеспечить гражданам не только равный доступ к базовым платформам и услугам, но и к специфическим цифровым решениям, таким как дистанционное обучение [2].

Перспективы развития государственной цифровой трансформации. Важно отметить, что на данный момент уже существуют обширные государственные программы, направленные на развитие цифровых технологий. Они охватывают проекты по развитию государственных электронных услуг, устранению цифрового неравенства, расширению системы электронных закупок, вовлечению граждан в улучшение условий жизни в городах и в при-

нятии важных общественных решений. Значительно важно поддерживать текущие темпы цифровизации. Необходимо стремиться к дальнейшему развитию существующих услуг с более высоким качеством и повышению спроса на государственные цифровые услуги на всей территории. Цифровые технологии открывают новые возможности для привлечения граждан к социальным и политическим процессам. Традиционные офлайн демократические процессы могут быть перенесены в цифровую сферу. Чтобы эффективно подготавливать кадры для государственного сектора и расширять диджитализацию, необходимо улучшать подготовку сотрудников в условиях цифровой трансформации экономики. Это включает улучшение материально-технической базы вузов. Если потенциальных сотрудников готовить заранее к работе с цифровыми инструментами, увеличиваются шансы их успешной адаптации в государственных органах управления [3].

Можно сделать вывод, что цифровизация, которая в настоящее время осуществляется, может стать фундаментом для последующего развития государства на основе принципа управления по результатам деятельности. Внедрение инновационных цифровых решений в государственное управление позволяет преодолеть ранее выявленные ограничения. Однако, необходимо учитывать, что успешная реализация государственных программ в рамках цифровой трансформации возможна только при достижении согласия в определении стратегических целей государства. Модель равномерного социально-экономического развития, выбранная обществом и основанная на базовом понимании роли, задач и функций государства в условиях цифровой экономики, предполагает максимальное использование цифровых инструментов.

Цифровое преобразование (англ. Цифровое преобразование — трансформация, трансформация) государственной политики предполагает внедрение цифровых технологий государственными органами, сопровождаемое оптимизацией системы государственного управления технологическими процессами. Она может ускорить обмен информацией, увеличить промышленное производство и повысить эффективность государственного органа и/или организации. Показателем их цифрового развития, который характеризует меру и успех цифровой трансформации, является уровень цифровой зрелости, то есть способность государственной информационной системы

оперативно реагировать на экологические вызовы и предоставлять необходимую информацию для своевременного управления средствами органами исполнительной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации [4]. Альтернативой технологии цифрового преобразования является непрерывная цифровая эволюция (Eng. Digital evolution (цифровое развертывание), т.е. организация функций и деятельности в цифровой среде, ранее выполненные физическими лицами и организациями без использования цифровых продуктов. Их ориентирами выступают, с одной стороны, цифровая экономика, а с другой — «умное» цифровое государственное управление.

В различной экономической и административной деятельности важным аспектом производства государственных услуг является: а) большие объемы данных, представленные в цифровой форме; б) сбор, обработка и анализ больших объемов данных и информации; в) использование результатов анализа для повышения эффективности. Государственное управление в целом и реализация промышленной политики в частности. Два разных цифровых метода — трансформация и эволюция — объединены одной целью — цифровой зрелостью субъекта государственного управления с использованием государственной политики. Цифровая зрелость является одновременно показателем как достигнутого состояния ее

цифрового развития, так и нереализованного потенциала. При этом цифровую зрелость применяемой государственной политики целесообразно оценивать с помощью системы целевых индикаторов, таких как:

- 1) нормативное обеспечение цифровизации государственной политики и управления;
- 2) количество специалистов, использующих ИТ-продукты в своей работе;
- 3) количество баз данных, интегрированных в единую государственную информационную систему;
- 4) объем отраслевых инвестиций во внедрение и использование цифровых решений;
- 5) качество и количество продукции, предоставляемой в цифровой форме, в том числе государственных/муниципальных услуг за основу для скорейшего принятия управленческих решений и своевременную реализацию административных мер [5].

Цифровая трансформация государственного управления требует стратегического подхода и оценки эффективности. Для успешной реализации цифровой эволюции в государственной политике необходимы следующие изменения: пересмотр организационной структуры федеральных и региональных органов государственной власти, определение ответственных за цифровое развитие и установление границ и зон, а также формирование команд специалистов с цифровыми компетенциями.

Литература:

1. Иванов, В.В. Государственное и муниципальное управление с использованием информационных технологий/В.В. Иванов. — Москва: Инфа-М, 2014. — 384 с. — Текст: непосредственный.
2. Государственное управление в сфере стимулирования развития информационных технологий: проблемы и направления совершенствования/Южаков, В. Н., Э. В. Талапина, Е. Н. Клочкова, А. А. Ефремов. — Текст: непосредственный // Журнал юридических исследований. — 2017. — № 3. — с. 89-100.
3. Шаулова, Т.В. Цифровизация и эффективность государственного управления/Т.В. Шаулова. — Текст: непосредственный // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. — 2019. — № 2. — с. 243-252.
4. Перспективы развития законодательного регулирования процесса государственного управления в Российской Федерации/В.Н. Южаков, Э.В. Талапина, Е.И. Добролюбова, Ю.А. Тихомиров. — Текст: непосредственный // Издательский дом «Дело» РАНХиГС. — 2017. — № 2. — с. 135.
5. Выжимова, Н. Г. О перспективах внедрения цифровых технологий в практику государственного и муниципального управления в России/Н. Г. Выжимова. — Текст: непосредственный // Саяпинские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. — 2018. — № 5. — с. 38-43.

Некоторые вопросы наследования по завещанию в Российской Федерации

Чумакова Алёна Николаевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Горелик Дмитрий Сергеевич, кандидат политических наук, доцент
Тольяттинский государственный университет

В статье автором предпринята попытка исследования проблемных вопросов завещания в Российской Федерации.

Ключевые слова: наследодатель, завещание, наследование, наследование по завещанию.

Институт наследования, основанный на принципах равенства прав граждан Российской Федерации, является важным аспектом в области наследственного права. Он не зависит от различных социальных и культурных факторов, таких как пол, раса, национальность и другие. Этот принцип демонстрирует не только справедливость, но и стимулирует граждан к активному труду, осознавая, что их труд и достижения поддерживают их близкие люди.

Переход к обсуждению исторического развития института наследования позволяет лучше понять его значимость и неотъемлемость в современном обществе. Вопрос о судьбе имущества возник с появлением частной собственности и стал объектом интереса и регулирования правовой системы. В этом контексте законодательство дает возможность установить передачу имущества как по закону, так и через завещание, а также наследственный договор.

Особое внимание следует уделить исследованию института единоличного завещания. Это важный момент, поскольку он полностью базируется на желании и решении завещателя и имеет свои особенности и аспекты, которые важно рассмотреть. Статья 1111 Гражданского кодекса Российской Федерации [2] предоставляет полный обзор этих аспектов и является основой для проведения дальнейшего исследования.

В многолетней истории наследования по завещанию законодательство столкнулось с рядом проблем и недостатков. Некоторые нормы Гражданского кодекса РФ, касающиеся этой области, требуют дополнений и изменений. Как и в случае с другими сделками, завещание, закрепленное в Гражданском кодексе РФ, должно соответствовать определенным обязательным условиям. Эти условия включают законность содержания, право и дееспособность завещателя, соответствие его воле и формы завещания. В рамках этих условий действительности завещания дополняются специальными требованиями, такими как присутствие свидетелей (в случаях, предусмотренных законом), указание места составления завещания, дата удостоверения и другие. В противном случае завещание будет признано недействительным и не будет иметь юридических последствий. Завещателю предоставляется право в любое время неограниченное количество раз изменить или отменить составленное завещание. Права и обязанности, создаваемые завещанием, возникают только после открытия наследства и не могут

быть оспорены при жизни завещателя. Если на момент открытия наследства имущество, указанное в завещании, было отчуждено или его не существует, эти обстоятельства не влияют на действительность завещания [5, с. 240].

В нашем обществе все больше людей придерживаются мнения, высказанного законодателем в Гражданском кодексе Российской Федерации (статья 1110), а также поддерживаемого большинством ученых, что наследование по завещанию является наиболее широко распространенной формой передачи прав и обязанностей от одного лица к другому. Это мнение можно обосновать тем, что при смерти субъекта наследства все его права и обязанности переходят на указанного в завещании наследника. Таким образом, наследник не может выбирать только определенные части наследства и отказываться от остальной части. Мы полагаем, что из-за особенностей наследственных правоотношений и их неотъемлемой связи со смертью завещателя следует заключить, что возможность использования юридических фикций относится не только к наследникам, но также и к самому завещателю.

В законе не указано, что завещателю обязательно должно принадлежать имущество, указанное в завещании, на момент его составления. Значит, в завещании может быть упомянуто имущество, которого завещателю еще нет на момент составления завещания. Согласно статье 57 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, нотариус не вправе требовать от завещателя предоставления доказательств принадлежности указанного в завещании имущества [4, с. 250].

Ст. 1149 ГК РФ закрепляет принцип свободы завещания, который является основой для функционирования института завещания. Согласно этому принципу, только завещатель имеет право установить различные доли наследников. Однако обязательные наследники, перечисленные в статье 1149 ГК РФ, не будут лишены наследства, даже если завещатель не упомянул их в своем завещании. Эти лица получают не менее половины той доли, на которую они имели бы право по закону, если бы наследовали по наследственному праву.

На наш взгляд, главное преимущество наследования по завещанию заключается в том, что завещатель имеет возможность самостоятельно определить судьбу своей собственности, в том числе исключить одного или нескольких наследников по закону из наследства.

Один из основных признаков составителя завещания — это его дееспособность, как было отмечено выше. В соот-

ветствии со статьей 1118 ГК РФ, завещатель должен обладать полной дееспособностью на момент составления завещания и лично составлять данный документ. Недееспособные, ограниченно дееспособные или частично дееспособные лица не имеют права завещать свое имущество. Такие лица могут передать свое имущество только в соответствии с законом, в случае их смерти. Завещание не теряет юридической силы, если на момент составления документа субъект был дееспособным, но позднее был признан ограниченно дееспособным или полностью недееспособным [6, с. 177].

В рамках существующей практики наследники, обычно принадлежащие к первой очереди, активно пытаются оспорить и объявить недействительным завещание, основываясь на том, что завещатель на момент его составления не был способен действовать. Согласно наследственному праву, наследодатель и наследник являются субъектами наследственных правоотношений. Завещатель в гражданском праве имеет статус дееспособного физического лица, включая граждан РФ, иностранных граждан и лиц без гражданства, чье имущество передается другим лицам после его смерти в соответствии с универсальным правопреемством.

Для того чтобы завещательная воля была исполнена, она должна быть выражена в установленной законом форме. По общей норме, обычное завещание представляет собой письменный документ, подписанный самим завещателем и удостоверенный нотариусом. Несоблюдение соответствующих норм приводит к недействительности завещания. Однако нотариус, удостоверяющий завещание, выходит за рамки простого подтверждения подписи завещателя. Он должен в первую очередь выяснить подлинные намерения завещателя, объяснить ему законодательство о порядке наследования и о необходимости защиты прав обязательных наследников (нетрудоспособных и несовершеннолетних). Кроме того, на практике нотариусы также должны разъяснить завещателю права выжившего супруга (согласно статье 1150 Гражданского кодекса РФ).

В процессе составления завещания необходимо соблюдать особые требования, предписываемые законом. Нотариус, осуществляющий данную процедуру, не имеет права предлагать или насаждать какие-либо стандартные или приближенные формы завещаний. Его задачей является обеспечение соблюдения формальных реквизитов, включающих время и место составления завещания, а также персональные данные завещателя, включая его фамилию, имя, отчество и место жительства. Отдельное внимание должно быть уделено содержанию завещательных распоряжений, а также указанию полного наименования наследника — физического лица (включая фамилию, имя и отчество) или юридического лица.

Важным условием валидности завещания является его дата. Она имеет определяющее значение для решения следующих вопросов: первоначально, о том, соответствует ли оно требованиям правовой формы; во-вторых, о дееспособности завещателя; и, наконец, в-третьих, о важности

данного завещания и его сопоставлении с другими завещаниями от одного и того же наследодателя, составленными в разное время.

По установленному правилу, нотариальная контора считается местом, где должно быть посещение для удостоверения завещания. Однако, в случае существования уважительных причин, предусмотренных законом, нотариус имеет право осуществлять нотариальные действия вне помещения нотариальной конторы. Например, нотариус может быть приглашен к гражданину, находящемуся в больнице или находящемуся дома, при физической неспособности посетить контору. В случае, если удостоверение завещания производится вне помещения дома, нотариус обязан внести в реестр регистрации нотариальных действий место, где было удостоверено завещание [7, с. 42].

Существует возможность составления завещания, требующего нотариального заверения, не только вручную, но и с использованием технических средств. Также имеется возможность, чтобы завещание было написано самим завещателем или диктовалось нотариусу. Перед тем, как завещание будет подписано, нотариус должен полностью прочитать его в присутствии завещателя, если завещатель находится в состоянии это сделать. Если завещатель не может лично прочитать завещание, нотариус оглашает его содержание, оставляя запись на завещании о причинах, по которым завещатель не мог прочитать его самостоятельно. Личная подпись завещателя является важной составляющей процесса составления завещания. В случае, когда гражданин по физическим причинам не может самостоятельно подписать завещание, в соответствии с пунктом 3 статьи 160 ГК РФ [2] ему разрешено по просьбе подписать его перед нотариусом рукоприкладчиком, указав причины, по которым завещатель не смог сделать это самостоятельно. Перечень допустимых причин является полным. Завещание составляется, подписывается завещателем и засвидетельствуется нотариусом или лицом, имеющим право удостоверить завещание в двух экземплярах. Один экземпляр передается завещателю, второй остается в архиве нотариального учреждения (нотариуса), открывшего наследство.

При получении нотариусом завещания на хранение, выполняется обязанность проверки его законности. В случае выявления ошибок, приводящих к недействительности завещания, нотариус должен немедленно сообщить об этом завещателю и приступить к устранению нарушений. Если наследник (исполнитель воли) потеряет оригинал завещания, то он может обратиться в нотариальную контору и запросить дубликат.

По практике часто возникает вопрос о том, кто несет ответственность за соблюдение правил составления завещания. На первый взгляд, нотариус несет такую обязанность. Следовательно, в случае несоблюдения этих правил, можно требовать от нотариуса ответственности. Однако, доказательство наличия и размера убытков, воз-

никших в результате действий нотариуса, является крайне сложной задачей [8, с. 235].

Часто материального ущерба может и не возникнуть, и при этом, отсутствие имущества, полученного наследником из-за ошибок нотариуса, не является значимым.

Относительно морального вреда, причиненного наследникам, законом не предусмотрено его возмещение в случае, когда, например, по формальным основаниям завещание признается недействительным из-за действий нотариуса, что приводит к невозможности исполнить последнюю волю наследодателя и вызывает физическое или моральные страдания.

Анализируя статью 1127 Гражданского кодекса Российской Федерации, которая описывает завещания, приравненные к нотариально заверенным, следует отметить, что командиры воинских частей имеют право удостоверить завещания членам семьи военнослужащих и гражданским лицам, работающим в этих частях, только в случае отсутствия нотариуса на местах дислокации. Если россий-

ский экипаж работает на иностранном судне, капитану не разрешено заверять завещания.

Завещания, приравненные к нотариально удостоверенным, должны соответствовать дополнительным требованиям в отношении их формы. Они должны быть подписаны свидетелем, согласно пункту 2 статьи 1124 Гражданского кодекса Российской Федерации. Завещателю предоставляется право выбора свидетеля, которому он доверяет, но с учетом законодательства. Например, свидетель должен быть полностью дееспособен. Лица, не владеющие грамотностью или языком, не способны полностью оценить происходящее.

Таким образом, в данной статье проанализировано понятие и признаки единоличного завещания. Исследована процедура составления завещания, вопросы, связанные с завещателем и действиями нотариуса при его заверении, а также другие проблемные аспекты института единоличного завещания с учетом точки зрения цивилистической доктрины.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 дек; Собрание законодательства РФ. 2020. № 1. Ст. 1416.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. 08.12.1994. № 238-239.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Российская газета. 28.11.2001. № 233.
4. Бажина, А. Актуальные проблемы совместных завещаний супругов. Пермский период: Сборник материалов IX Международного научно-спортивного фестиваля курсантов и студентов образовательных организаций. В 3 т., Пермь, 16-20 мая 2022 г./Сост. А. И. Согрина. Т. 2. Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. с. 249-250.
5. Баранов, Е. В. Электронное завещание: проблемы и перспективы правовой регламентации. Законность и правопорядок: история, современность, актуальные проблемы: материалы VI межвузовской студенческой научной конференции, Москва, 3 декабря 2021 г. Москва: Московский педагогический государственный университет, 2022. с. 240-244.
6. Гасанов, К. Г. Современные проблемы наследования по завещанию. Закон. Право. Государство. 2022. № 2. с. 177-180.
7. Оганесян, А. Г. Институт совместного завещания в России: проблемы и пути реформирования. Сборник тезисов докладов научно-практической конференции студентов Курганского государственного университета, Курган, 20 марта — 1 апреля 2022 г. Вып. 23. Курган: Курганский государственный университет, 2022. с. 42-43.
8. Севостьянова, В. В. Проблема совместного завещания супругов/В. В. Севостьянова, В. Н. Ушмайкин. Матрица научного познания, 2022. № 5-1. с. 234-242.

Уголовная ответственность за вовлечение в занятие проституцией

Чумаченко Анна Сергеевна, студент

Научный руководитель: Овчинникова Оксана Витальевна, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Челябинск)

Необходимо отметить, что вопросы ответственности за преступления, связанные с проституцией весьма актуальны и полностью не исследованы.

Проституция — «деяние, направленное на извлечение материальной выгоды, совершаемое в виде промысла путем вступления в половые связи», «систематическое (в виде промысла) вступление в половую связь за вознаграждение, которое служит основным либо существенным дополнительным источником средств для избранного (ведомого) образа жизни», «профессиональное удовлетворение сексуальных потребностей клиентов за плату» [2].

Под вовлечением в занятие проституцией понимаются активные действия лица, направленные на возбуждение у лица женского или мужского пола желания заняться проституцией, либо получения его согласия на занятие проституцией. Деяние считается оконченным с момента дачи лицом согласия, независимо от того начало лицо заниматься проституцией или нет [3]. Способы вовлечения могут быть различными, в том числе используя зависимое положение потерпевшего или его критическое положение, путем обещаний, обмана или угроз. Под принуждением к продолжению занятия проституцией понимается противоправное воздействие на лицо, с целью понудить его продолжать заниматься проституцией. Целью принуждения является прекратить потерпевшим предпринимать попытки прекращения занятия проституцией.

Вовлечение в занятие проституцией может осуществляться путем применения физического насилия (побои, причинение легкого вреда здоровью) или угрозы применения физического насилия. Если принуждение женщины к занятию проституцией сопровождалось ее истязанием или причинением ее здоровью вреда средней тяжести, содеянное надлежит квалифицировать в соответствии с УК РФ в зависимости от обстоятельств дела.

Уголовная ответственность за вовлечение в занятие проституцией предусмотрена в статье 240 Уголовного кодекса Российской Федерации. Данное противоправное деяние относится к преступлениям против общественной нравственности, нарушающие нравственные установления в сфере взаимоотношения полов и формирования половой культуры общества.

Общественная опасность данного состава преступления заключается в том, что в антиобщественные действия по оказанию интимных услуг за плату вовлекаются новые люди, круг которых постоянно расширяется.

Для квалификации деяния не имеет значения, какой способ был применен. Но способ имеет значения для разграничения по частям статьи. Для квалификации по ч. 1 ст. 240 УК РФ, необходимо, чтобы способ был ненасиль-

ственный. Таковыми могут быть, например шантаж, угроза, обещание обман, просьба и т.д. Если способ вовлечения носит насильственный характер, то квалифицируется по ч. 2 ст. 240 УК РФ, а также данной частью предусмотрены еще два способа, которые непосредственно указаны в пунктах:

1) с применением насилия или с угрозой его применения;

2) с перемещением потерпевшего через государственную границу Российской Федерации или с незаконным удержанием его за границей (перемещение или удержание лица против его воли);

3) группой лиц по предварительному сговору [1].

Квалификация по ч. 3 ст. 240 УК РФ производится в случае совершения данного деяния организованной группой (устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений) либо в отношении несовершеннолетнего [4].

Организованные группы, как правило, занимаются вовлечением в занятие проституцией длительное время, на так называемой «профессиональной» основе. Такие группы занимаются «поставкой» людей в различные, в том числе иностранные, публичные дома, нередко имеют транснациональный характер. В организованной преступной группе прослеживается четкое распределение ролей между этими соучастниками: одни ее члены принимают активное участие в подготовке вовлечения в занятие проституцией, другие вербуют девушек для занятия проституцией под различными предложениями, третьи обеспечивают транспортировку девушек и молодых женщин в зарубежные страны, четвертые принуждают, при необходимости применяя насилие, заниматься проституцией вовлекаемое лицо. Каждый член организованной группы знает свои непосредственные обязанности в ней [5].

Субъективная сторона деяния характеризуется прямым умыслом, то есть лицо осознает, что своими действиями вовлекает в занятие проституцией или принуждает к продолжению заниматься ею другое лицо, а равно осознает, что посягает на общественную нравственность в сфере сексуальной жизни человека, на его здоровье, свободу и половую неприкосновенность. Мотивы преступления на квалификацию преступления не влияют, но чаще носят корыстный характер.

Субъект преступления в соответствии с ч. 1 ст. 20 УК РФ общий — лицо, достигшее ко времени совершения преступления 16 лет.

Изучение уголовных дел показывает, что в 60% случаев происходит принуждение к занятию проституцией либо к продолжению занятием ею. Этому предшествует

похищение жертв, незаконное лишение свободы, насилие или шантаж. Полагаем, что в ч. 1 ст. 240 УК РФ следует закрепить ответственность за принуждение к занятию проституцией путем применения насилия, не опасного для жизни или здоровья, или путем шантажа. В ч. 2 данной статьи необходимо установить ответственность за принуждение путем применения насилия, опасного для жизни или здоровья, или угрозы применения такого насилия, а также оставить другие квалифицирующие признаки.

В ч. 3 данной статьи необходимо установить ответственность за принуждение к проституции в форме сексу-

альной эксплуатации, а также оставить другие особо квалифицирующие признаки.

Следует добавить, что анализ состава вовлечения в занятие проституцией или принуждения к занятию ею включает и такую проблему, как обоснованность установления уголовной ответственности за само занятие проституцией. Полагаем, что такое решение не является обоснованным с точки зрения криминологической обусловленности. Добровольная проституция требует более решительных законодательных решений, возможно, связанных с частичной легализацией такого явления.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022)
2. Киселев, С. С. Нравственность в уголовном праве / С. С. Киселев // Право и политика: история и современность: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Омск. 2016. 6 с.
3. Осокин, Р. Б. Теоретико-правовые основы уголовной ответственности за преступления против общественной нравственности: дис.... д-ра юрид. наук. / Р. Б. Осокин. Москва. 2014. 12 с.
4. Сундуrowa, Ф. Р. Уголовное право России. Особенная часть: Учебник. М.: Статут. 2014. с. 943.
5. Яковенко, В. С. Правовая политика Российской Федерации в области противодействия проституции // Достижения науки и образования. 2018. № 12 (34). с. 44.

Озеленение городов: теория и практика правового регулирования

Чупилко Виолетта Вячеславовна, студент;

Бровко Анастасия Михайловна, студент

Научный руководитель: Сорокина Юлия Викторовна, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

В статье авторы исследуют теоретические и практические аспекты правового регулирования озеленения городских парков.

Ключевые слова: озеленение парков, земля, благоустройство, правовое регулирование.

Прежде чем перейти к рассмотрению заявленной темы, следует разобраться в том, что же такое «озеленение»? Так, согласно статье 1 пункту 36 Градостроительного Кодекса РФ: «благоустройство территории — деятельность по реализации комплекса мероприятий, ... направленная на обеспечение и повышение комфортности условий проживания граждан, по поддержанию и улучшению санитарного и эстетического состояния территории муниципального образования, по содержанию территорий населенных пунктов и расположенных на таких территориях объектов, в том числе территорий общего пользования, земельных участков, зданий, строений, сооружений, прилегающих территорий» [1]. В соответствии же с Приказом Минстроя России от 29.12.2021 N 1042 согласно п. 3.7 «в перечень конструктивных элементов внешнего благоустройства общественных территорий муниципального образования рекомендуется включать ... озеленение». Таким образом, озеленение — это элемент благоустройства территорий муниципальных

образований, направленный на создание, содержание, восстановления и охрану расположенных в границах населенных пунктов элементов озеленения [2].

Из вышесказанного становится очевидно, что озеленение городов является одним из важнейших элементов благоустройства городов и создания комфортных условий для жизни и деятельности людей. Однако, действующее законодательство не всегда учитывает особенности этого процесса, что может приводить к серьезным проблемам.

Одной из них является отсутствие четких правил и нормативов по озеленению. Это означает, например, что каждый город самостоятельно определяет количество деревьев и кустарников, которые должны быть посажены в парке. В результате этого часто возникают ситуации, когда парки перенасыщены зелеными насаждениями или наоборот — не имеют достаточного количества растительности.

Кроме того, нередко возникают конфликты между местными жителями и администрацией города по по-

воду размещения новых объектов. Например, жители могут возражать против строительства детской площадки или спортивных площадок из-за нежелательных шумов и мусора.

Еще одной проблемой является недостаточное финансирование проектов по озеленению парков. Часто бюджеты городов не позволяют проводить работы в полном объеме, что приводит к тому, что многие проекты остаются нереализованными.

Одной из основных проблем современного городского хозяйства является расширение площадей озеленения и сохранение зеленых насаждений. Несмотря на то, что эти вопросы являются актуальными и обсуждаются на различных уровнях, они до сих пор не получили полного решения. В связи с этим, необходимо учитывать научные исследования в данной области для совершенствования правового обеспечения озеленения городских территорий. При этом, следует понимать, что часть таких исследований, как правило узконаправленная и не затрагивает вопросов именно правового регулирования данной проблемы. В нашей работе мы хотим рассмотреть некоторые аспекты данной проблемы.

В данном отношении интересна работа Потаповой Е.В. и Соколовой О.Е. «Озеленение поселений — особенности и проблемы». В ней авторы используют уникальную, определенную ими методику (фрейм-сценарий), которая предполагает анализ нормативно-правовых актов разных уровней и выделение из них критериев оценки озелененных территорий, например, «категория озеленения», «рекреационная нагрузка и стадия дигрессии», а также полевые исследования объектов, которых было описано свыше 5000. После проделанной работы, авторы приходят к выводу, о том, что «апробация методики привела к выявлению проблем, связанных, в первую очередь с отсутствием полной, научно обоснованной классификации» [3, с. 3].

Сегодня на территории Российской Федерации действует классификация ГОСТ «Озеленение городов. Термины и определения». Согласно ей можно выделить следующие категории: озелененная территория общего пользования; ограниченного пользования и специального назначения [4, с. 2].

Вышеуказанные авторы неоднократно выдвигали свою, дополненную относительно ГОСТ классификацию. Например, они предлагают конкретизировать категорию ограниченного пользования, поскольку общее перечисление территорий, отнесенных к ней, является слишком разобщенным и оказывается неудобным в использовании на практике [5, с. 77]. Так, вместо находящегося в ГОСТе списка: «лечебных, детских учебных и научных учреждений, промышленных предприятий, спортивных комплексов, жилых кварталов» [4, с. 2], Потапова Е.В. и Соколова О. Е. выступают с идеей заменить его на более конкретные и обобщенные типы: «Озеленение территории образовательных учреждений; Озеленение территории учреждений здравоохранения; Озеленение в пределах жилой застройки», последний вид разделить на следу-

ющие составляющие: «озеленение в пределах жилой каменной, многоэтажной застройки» и «на участках частного сектора, коттеджей, садоводств», а также включить в данный список «озеленение территорий культовых объектов, храмов» [5, с. 77].

Интересно и предложение добавить новую, четвертую категорию «резервных территорий», в которую должны войти: неудобья, пустыри и площадки для сбора мусора [3, с. 4].

Предложение такого новшества связано с тем, что данные территории (за исключением, в некоторой степени, мусорных площадок) законодателем вообще не учитываются как подлежащие озеленению. Таким образом, в качестве одного из направления реализации политики обеспечения эффективного озеленения населенных пунктов и их земель, можно выделить, в частности, законодательную работу по дополнению классификации озелененных территорий.

В свете выбранной нами темы интересна и работа Борисова М.В., Бакаева Н.В. и Черняева И.В. [6]. В своём научном труде авторы пишут о проблеме в правовой базе технического регулирования, которая, в свою очередь, не содержит четких критериев качества градостроительных решений по созданию благоприятной среды, в частности — озеленения [6, с. 214].

Как известно, в соответствии со статьей 72 Конституции РФ в совместном ведении федерального центра и субъектов РФ находятся природопользование и охрана окружающей среды [7]. Следовательно, не только на уровне федерации, но и на уровне субъекта, а также на местном уровне могут быть урегулированы вопросы озеленения территорий. На сегодняшний день строительные правила и региональные нормативы градостроительного проектирования являются нормативной базой для местного урегулирования вопросов озеленения [6, с. 215].

Коллектив вышеуказанных авторов выделяет следующие проблемы в нормативно-техническом регулировании: во-первых, на примере распределения рекреационных зон г. Орла, Тамбова и Смоленска авторы показывают, что данные территории являются объектами регулирования на региональном и местном уровне, но отсутствуют в нормативах для муниципальных районов, а в нормативах для городских округов, наоборот, имеются. В следствии чего, они остаются без благоустройства, поскольку не относятся к муниципальному району [6, с. 215]. Следует указать на то, что, например, в Орловской области в соответствии с данными Росстата на 1 января 2023 года всего три городских округа и двадцать три муниципальных района, что говорит о важности указанной проблемы и недостатке ее правового урегулирования [8]; во-вторых, в вышеуказанных городах нормативы озеленения жилой постройки очень разнятся, что говорит об отсутствии единообразия градостроительных проектов [6, с. 215]. Авторы приходят к выводу, о том, что необходимы «новые системные подходы к оценке эффек-

тивности проектных решений в области благоустройства и внедрения нового комплексного показателя обеспеченности озеленения, включающего в себя интенсивность использования территории, ее пешеходную доступность с заданными санитарно-экологическими эффектами для прогнозирования устойчивости развития урбанизируемых территорий» [6, с. 219]. Наряду с этим, необходимо обеспечить единство и непрерывность системы озеленения территорий.

Кроме того, на сегодняшний момент очень остро стоит проблема точечной застройки, которая, как правило осуществляется на так называемых «зеленых зонах» внутри кварталов. Безусловно, данное обстоятельство не только не способствует сохранению рекреационных зон, но и увеличивает нагрузку на уже существующие [6, с. 218]. Миллер Е. М. в своей работе «Основные проблемы рекреационных зон в структуре города» указывает на негативные последствия потери таких зон в городском поселении, в частности это: «ухудшение экологической обстановки, качества жизни населения (увеличение числа соматических заболеваний, острых и хронических заболеваний верхних дыхательных путей и т. д.)» [9, с. 99]. Следовательно, необходимо как можно скорее и эффективнее решать сложившуюся ситуацию.

В литературе предлагаются различные пути решения данной проблемы. Так, один весьма необычный и интересный путь решения состоит в следующем: введение в законодательство понятия «уплотнительная застройка»; а в случае отсутствия возможности «инфраструктуры жилого квартала обслуживать нужды нового многоквартирного дома предлагается разработать и внедрить проект, предполагающий создание ресурсоэффективного города» [10, с. 118], под которым понимается «совокупность инновационных инженерных систем, градостроительных решений, а также способов повышения мобильности транспортной инфраструктуры, результатом воплощения которых является создание оптимальных условий для жизни населения микрорайона» [10, с. 117]. Кроме того, предлагается законодательно запретить строительство многоэтажных домов

на территориях исторически сложившихся жилых кварталов, без одобрения 2/3 жителей прилегающих территорий [10, с. 118].

В отношении малых и средних городов России интересен труд В. П. Макаренко и Д. В. Жучкова «Современные проблемы озеленения малых и средних городов России». В нем авторы, проанализировав ряд других научных исследований, составили «перечень препятствий», возникающих в осуществлении и урегулировании озеленения указанных территорий. Например, выделяется исторический аспект, согласно которому многие малые и средние города России создавались еще задолго до появления норм в области озеленения территорий, в связи с чем застройка, уже сформировавшаяся в городском поселении, затрудняет работы в данной сфере. Также интересно то, что авторы указывают на акции, связанные с привлечением граждан под лозунгом «Посади дерево», как на определенную проблему [11, с. 66]. Действительно, на первый взгляд можно подумать о том, что это очень полезное мероприятие, способствующее поддержанию гражданской активности населения, повышению его экологического самосознания и прочие позитивные аспекты. Но если посмотреть на данную ситуацию «под другим углом», то можно сделать вывод о том, что, «хаотичность в наборе видов и мест посадки не улучшает систему озеленения в городе в целом» [11, с. 66]. Именно поэтому, по нашему мнению, стоит подходить к данным акциям с должной долей внимания. Например, органы и организации, которые их проводят, могут установить конкретные места посадки деревьев, определенные виды семян, а также направлять на территории акции волонтеров, которые могли бы помочь гражданам высадить деревья не только правильно, но и красиво.

Проанализировав всё вышесказанное, следует сделать вывод, о том, что термин «озеленение» включает в себя целый функциональный комплекс. Именно поэтому к решению проблемы озеленения городов в Российской Федерации нужно подходить с позиции многоаспектного правового регулирования: начиная с терминологии, заканчивая должной организацией мероприятий с участием граждан.

Литература:

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 N 190-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. 2023. № 32 (Часть I), ст. 15931.
2. Приказ Минстроя России от 29.12.2021 N 1042/пр «Об утверждении методических рекомендаций по разработке норм и правил по благоустройству территорий муниципальных образований» // СПС КонсультантПлюс/(дата обращения: 20.11.2023).
3. Потапова, Е. В. Озеленение поселений — особенности и проблемы/Е. В. Потапова, О. Е. Соколова // Аэкономика: экономика и сельское хозяйство: электрон. научн. журн. — 2016. — № 4 (12). — с. 1-7.
4. ГОСТ 28329-89 Озеленение городов. Термины и определения. Дата введения 01.01.91. — Москва: Изд-во стандартов, 1990. — 10 с.
5. Соколова, О. Е. Рекомендации по классификации озеленённых территорий поселений/О. Е. Соколова, Е. В. Потапова // Наука без границ. — 2018. — № 2 (19). — С. 76-78.
6. Борисов, М. В. Нормативно-техническое регулирование в области озеленения городской среды/М. В. Борисов, Н. В. Бакаев, И. В. Черняев // Вестник МГСУ. — 2020. — № 2. — С. 212-222.

7. Конституция Российской Федерации. Принята на всенародном голосовании 1993 г.// Собрание законодательства РФ. 2020. № 27, ст. 4196.
8. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. Число муниципальных образований по субъектам Российской Федерации на 1 января 2023 года. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Mun.st.htm>.
9. Миллер, Е.М. Основные проблемы рекреационных зон в структуре города // Современные инновации. — 2016. — № 12 (14). — с. 98-99.
10. Васькова, О.А. Уплотнительная застройка в крупнейших городах России как форма реализации градостроительной политики: основные тенденции/О.А. Васькова, А.Ю. Демидов, А.С. Бусыгин // Научный журнал. — 2017. — № 5 (18). — С. 116-118.
11. Макаренко, В.П. Современные проблемы озеленения малых и средних городов России/Макаренко В.П., Жучков Д.В. // Вестник ПГУ им. Шолом-Алейхема. — 2022. — № 1 (46). — с. 62-78.

Использование земельных участков не по целевому назначению.

Причины регулирования и контроля землепользования со стороны государства

Шебалкин Владимир Дмитриевич, студент

Научный руководитель: Сорокина Юлия Викторовна, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

В статье исследуется законодательство в сфере распределения земельных участков на категории по их целевому назначению, раскрывается понятие целевого использования на примере земель сельскохозяйственного назначения. Особое внимание уделено способам воздействия и причинам регулирования данных отношений со стороны законодателя. Сделан вывод относительно необходимости регулирования данной сферы государством.

Ключевые слова: земельное право, категории земель, целевое назначение, землепользование.

Многие собственники земельных участков полагают, что имеют право использовать принадлежащую им землю по собственному усмотрению, но это не так, законодательством предусмотрено распределение всей земли в границах РФ на категории, в зависимости от их целевого назначения, и более того, предусмотрена ответственность за использование земельного участка вне целевого назначения. Но для чего законодателю было необходимо делить всю землю по категориям и устанавливать для каждой целевое назначение? Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к законодательной базе, регулирующей земельные отношения.

Основным нормативно правовым актом, регулирующим землепользование является Земельный Кодекс Российской Федерации [3] (далее — ЗК РФ), федеральное законодательство, принимаемые в соответствии с ним нормативно-правовые акты субъектов РФ, и муниципальные правовые акты, изданные органами местного самоуправления.

Как уже было сказано выше, в Российской Федерации существует несколько категорий земель, в зависимости от их целевого назначения, все они перечислены в п. 1 ст. 7 ЗК РФ, а именно выделено 7 категорий земель, первым четырем в ЗК РФ посвящены отдельные главы, а именно для земель сельскохозяйственного назначения, земель населенных пунктов, земель промышленности и др., земель

особо охраняемых территорий и объектов, для земель лесного, водного фонда и земель запаса предусмотрены только отдельные статьи. Что, вероятно, говорит о выделении большего приоритета со стороны законодателя в сторону первых четырех категории. Также важную особенность имеет категория земель запаса, в соответствии с п. 2 ст. 103 ЗК РФ использование данной категории земель возможно только после их перевода в другую категорию, за исключением случаев, когда они являются частью охотничьих угодий или в случае пользования недрами на таких землях.

Рассмотрим целевое назначение на примере земель сельскохозяйственного назначения. Определение земель сельскохозяйственного назначения дается в 14 главе ЗК РФ, которая полностью посвящена данной категории, а именно в п. 1 ст. 77 земли сельскохозяйственного назначения определяются как земли, находящиеся за границами населенного пункта и предоставленные для нужд сельского хозяйства, а также предназначенные для этих целей, в п. 2 указан конкретный состав земель сельскохозяйственного назначения.

Также необходимо уточнить, что понимается под целевым использованием, также на примере земель сельскохозяйственного назначения. В п. 1 ст. 78 сказано, что земли сельскохозяйственного назначения могут использоваться для ведения сельскохозяйственного произ-

водства, создания мелиоративных защитных лесных насаждений, научно-исследовательских, учебных и иных связанных с сельскохозяйственным производством целей, а также для целей аквакультуры (рыбоводства). Из этого можно сделать вывод, что использование данного типа земель любым другим образом будет признано использованием их не по целевому назначению и подлежит наказанию.

Конкретное же наказание за использование сельскохозяйственных земель по нецелевому назначению предусмотрено ст. 8.8 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации [5]. Статьей предусматривается наложение штрафа на нарушителя в размере, зависящем от субъекта правоотношений и кадастровой стоимости участка. Также, в соответствии со ст. 284 Гражданского Кодекса Российской Федерации [2], земельный участок, который предназначен для жилищного или иного строительства, в случае его использования не по целевому назначению в течение трёх лет может быть изъят, однако, в это время не включается срок, необходимый для освоения сельскохозяйственного участка, или когда он не могу использоваться из-за стихийных бедствий или иных обстоятельств, исключающих использование.

Стоит сказать, что законодатель не только наказывает за нарушения законодательства в части целевого использования земель, но и стимулирует граждан к законопослушному поведению пониженной налоговой ставкой, что учтено в п. 1 ст. 394 Налогового Кодекса Российской Федерации [4].

Теперь, после рассмотрения правовой базы, можно вернуться к изначальному вопросу: в чем необходимость законодателя ограничивать собственника в правах на возможные способы пользования земельным участком? Для ответа на данный вопрос стоит вернуться к истокам формирования данного механизма.

Начало деления земель на категории было положено Земельным кодексом РСФСР 1922 г., но изначально, такое понятие как «целевое использование» не применялось, в силу неразвитости терминологии и появилось только в ЗК РСФСР 1970 г., а в ЗК РСФСР 1991 г. [1] уже были закреплены 7 категорий земель.

Необходимость регулирования возможностей использования земель встала ещё более остро в России с раз-

витием рыночных отношений. Именно наличие частных собственников, имеющих возможность по своему усмотрению определять способ извлечения дохода из земельного участка, создало проблему нецелевого использования угодий. Так, деление земель на категории, определяющие их целевое назначение перешло и в ЗК РФ, принятом в 2001 году.

Как видим, развитие данного механизма прошло уже довольно долгий путь, и всё ещё не теряет своей актуальности, ведь и сейчас целевое использование земли является одним из принципов земельного права.

Среди причин деления земель на категории по целевому назначению выделяют, в случае земли сельскохозяйственного назначения — самоценность земли как ресурса, на котором можно выращивать культуры, пасти скот, ведь в случае нецелевого использования верхний плодородный слой земли может быть поврежден или совсем уничтожен, в данном случае, наравне с нецелевым использованием, правонарушение будет регулироваться ст. 8.6 КоАП РФ, закрепляющей ответственность за порчу земли. Ещё одной из причин можно выделить охрану здоровья людей, в случае с выделением в отдельную категорию земель промышленного назначения. Так, в ст. 87 ЗК РФ указывается, что земли данной категории находятся за пределами населенных пунктов и являются федеральной собственностью, что позволяет государству осуществлять более эффективный контроль за их деятельностью.

Также стоит сказать, что в соответствии с ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» от 21.12.2004 N 172-ФЗ [6], предусмотрена возможность изменения категории земельного участка. Но этот механизм также строго контролируется государством, что не позволяет говорить о легкости перевода участка из одной категории в другую, в очередной раз указывая на жесткость механизма контроля за целевым использованием земель.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о наличии в современной России обширной правовой базы, устанавливающей нормы и регулирующие использование земли по целевому назначению, также можно говорить и о важности регулирования и контроля землепользования со стороны государства в силу множества причин.

Литература:

1. Нарышева, Н. Г. Юридическое значение деления земель на категории по целевому назначению/Н. Г. Нарышева — Текст: непосредственный // Экологическое право. 2015. № 6. С 1-3.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья. Федер. Закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 05 мая 2021 года) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
3. Земельный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 25 окт. 2001 года № 136-ФЗ (ред. от 02 авг. 2019 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 44. — Ст. 4147.
4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 27.11.2018) // Собрание законодательства РФ. — № 31. — 03.08.1998. — ст. 3824.

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства РФ. — 07.01.2002. — № 1 (ч. 1). — ст. 1.
6. Федеральный Закон «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» от 21.12.2004 N 172-ФЗ // Собрание Законодательства РФ. — 2004. — № 52. — Ст. 5276

Бюджетные меры принуждения: актуальные проблемы реализации бюджетно-правовой ответственности

Шершнева Анна Анатольевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В данной статье рассматривается действующее законодательство РФ, регулирующее институт бюджетно-правовой ответственности. По итогам исследования делается вывод о необходимости пересмотра федерального законодательства, а также об учете предлагаемых изменений в проекте новой редакции Бюджетного кодекса РФ.

Ключевые слова: бюджетное законодательство, бюджетное нарушение, бюджетные меры принуждения, бюджетно-правовая ответственность.

Budgetary coercive measures: actual problems of implementation of budgetary and legal responsibility

Shershneva Anna Anatolyevna, student master's degree
Moscow University of Finance and Law

This article examines the current legislation of the Russian Federation regulating the institution of budgetary and legal liability. Based on the results of the study, it is concluded that there is a need to revise federal legislation, as well as to take into account the proposed changes in the draft of the new edition of the Budget Code of the Russian Federation.

Keywords: budget legislation, budget violation, budget enforcement measures, budget and legal responsibility.

Понятие «нарушение бюджетного законодательства» значительно шире понятия «бюджетное нарушение», а бюджетно-правовая ответственность — особый вид юридической ответственности, применяемый за допущенные участниками бюджетного процесса нарушения. Причем сфера применения бюджетно-правовой ответственности ограничивается межбюджетными отношениями (отношениями по предоставлению межбюджетных трансфертов и межбюджетных кредитов) — именно об этом свидетельствуют составы бюджетных нарушений, предусмотренные главой 30 Бюджетного кодекса Российской Федерации. Участники бюджетного процесса, независимо от наличия статуса юридического лица, в рамках межбюджетных отношений действуют от имени соответствующего публично-правового образования (ст. 125 ГК РФ, ст. 6 БК РФ).

В отличие от административной и уголовной ответственности, бюджетно-правовая ответственность Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования обеспечивается за счет имущества, находящегося в публичной государственной или муниципальной собственности. Институт бюджет-

но-правовой ответственности в настоящее время сформирован с учетом необходимости максимальной защиты государственных денежных средств в целях гарантии соблюдения имущественных прав большинства членов общества. Поэтому бюджетные меры принуждения являются способом защиты нарушенных прав одного публично-правового образования перед другим в случаях предоставления одним бюджетом бюджетной системы Российской Федерации другому бюджету бюджетной системы Российской Федерации межбюджетных трансфертов или бюджетных кредитов.

В данной статье рассмотрены особенности реализации бюджетно-правовой ответственности с учетом положений 29 и 30 Главы Бюджетного кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 26 июля 2019 г. N 199-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части совершенствования государственного (муниципального) финансового контроля, внутреннего финансового контроля и внутреннего финансового аудита».

Одна из таких особенностей — отсутствие единообразного подхода к срокам реализации бюджетных мер при-

нуждения. Законодатель ставит сроки реализации мер бюджетно-правовой ответственности при предоставлении межбюджетных трансфертов в зависимости от того, каким из органов государственного (муниципального) финансового контроля выявлено допущенное бюджетное нарушение. Так, возможность направления уведомления о применении бюджетных мер принуждения при выявлении бюджетных нарушений, предусмотренных главой 30 Бюджетного кодекса Российской Федерации, в ходе контрольного мероприятия, проведенного органом внешнего государственного (муниципального) финансового контроля, не ставится в зависимость от исполнения представления и (или) предписания контрольного органа — уведомление направляется не позднее 30 календарных дней со дня окончания контрольного мероприятия. На практике такой порядок позволяет применить бюджетные меры принуждения независимо от реализации объектом контроля права на обращении в суд с иском о признании представления или предписания органа внешнего государственного (муниципального) финансового контроля недействительным (см., например, постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 16 октября 2023 г. N Ф07–12196/23 по делу N А05–14380/2022, Решение Арбитражного суда Архангельской области от 21 октября 2022 г. по делу N А05–6696/2022). Для органов внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля возможность направления уведомления о применении бюджетных мер принуждения поставлена в зависимость не от срока окончания контрольного мероприятия, а от факта устранения объектом контроля бюджетного нарушения, указанного в предписании [1, ст. 306.2 п. 5]. Соответственно, у объекта контроля, допустившего бюджетное нарушение, выявленное органом внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля, имеется возможность для признания недействительным представления, одновременно заявив ходатайство о приостановлении его действия [2, ст. 198]. Именно так зачастую и поступают объекты внутреннего государственного финансового контроля (см., в частности, постановления Двадцать первого арбитражного апелляционного суда от 9 декабря 2022 г. N 21АП–1596/22 по делу N А84–1748/2022 и Арбитражного суда Дальневосточного округа от 23 ноября 2022 г. N Ф03–5548/22 по делу N А51–483/2022). И даже в том случае, если судом будет отказано в удовлетворении требований объекта контроля о признании представления органа внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля недействительным, сроки реализации предусмотренной главой 30 БК РФ бюджетно-правовой ответственности (восстановления нарушенного права) при выявлении нецелевого использования средств предоставленного межбюджетного трансферта значительно возрастают. Очевидно, что отсутствие единого подхода к срокам направления уведомления о применении бюджетных мер принуждения органами государственного (муниципального) финансового контроля в должной степени не обеспечивает эффек-

тивного функционирования института бюджетно-правовой ответственности.

Нецелевое использование бюджетных средств — наиболее распространенное бюджетное нарушение. Однако случаи применения бюджетных мер принуждения при выявлении фактов нецелевого использования бюджетных средств единичны. Так, по данным Портала государственного и муниципального финансового аудита в 2023 году Федеральным казначейством было направлено всего лишь два уведомления о применении бюджетных мер принуждения [6]. Причем решение о применении бюджетных мер принуждения было принято в одном из двух случаев. В 2022 году Федеральным казначейством в адрес финансовых органов было направлено пять уведомлений о применении бюджетных мер принуждения. Решение о бесспорном взыскании средств было принято в четырех случаях. В 2021 году из восьми случаев направления уведомлений о применении бюджетных мер принуждения решение о применении таких мер в виде бесспорного взыскания средств бюджета было принято в четырех случаях. Решение о приостановлении (сокращении) предоставления межбюджетных трансфертов (за исключением субвенций) на федеральном уровне в период 2021–2023 годов в случаях выявления органами Федерального казначейства нецелевого использования бюджетных средств не принимались.

Практика применения бюджетных мер принуждения по результатам контрольных мероприятий, проведенных региональными органами государственного финансового контроля в отношении муниципальных образований, широко распространена. Причем в большинстве случаев региональные финансовые органы принимают решение о применении такой меры принуждения как приостановление (сокращение) предоставления межбюджетных трансфертов (за исключением субвенций) (см., например, решения Арбитражного суда Иркутской области от 5 октября 2023 г. по делу N А19–27785/2022, Арбитражного суда Республики Саха от 16 августа 2023 г. по делу N А58–3441/2023, Арбитражного суда Мурманской области от 14 июля 2023 г. по делу N А42–2527/2023, постановления Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 7 августа 2023 г. N 18АП–9481/23 по делу N А07–6838/2023, Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 25 июля 2023 г. N Ф08–6749/23 по делу N А53–17769/2022).

Альтернативным способом восстановления нарушенного права — возмещения ущерба, причиненного публично-правовому образованию, из бюджета которого предоставлялись межбюджетные трансферты, — в случае неисполнения представления является направление органом государственного (муниципального) финансового контроля в адрес объекта контроля предписания [1, ст. 270.2 п. 2]. Указанные в предписании требования о возмещении ущерба, причиненного публично-правовому образованию, считаются исполненными после зачисления в полном объеме средств возмещения ущерба на единый счет соответствующего бюджета бюджетной системы Рос-

сийской Федерации [3, п. 14]. Неисполнение предписаний органа внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля является основанием для обращения уполномоченного органа в суд с исковыми заявлениями о возмещении ущерба, причиненного Российской Федерации, субъекту Российской Федерации, муниципальному образованию (ст. 270.2 БК РФ). Такой способ восстановления нарушенного права требует еще более длительных сроков. Однако правоприменительная практика указывает на то, что органы внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля применяют подобный подход даже в том случае, когда виновным в допущенном при использовании средств межбюджетных трансфертов нарушении является участник бюджетного процесса. Представляется, что предпочтение его уведомлению о применении бюджетных мер принуждения, обусловлено отсутствием единых критериев для квалификации нецелевого использования бюджетных средств в качестве бюджетного нарушения.

Так, орган Федерального казначейства не усматривает в оплате получателем бюджетных средств денежных обязательств в завышенном размере признаков состава бюджетного нарушения, тем не менее предъявляя к объекту контроля требования о принятии мер по возмещению ущерба (см., в частности, постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 27 октября 2023 г. N Ф03–4854/23 по делу N А04–10246/2021). Оплата невыполненных работ в результате ненадлежащего осуществления контроля муниципальным заказчиком при приемке результатов исполнения обязательств также не квалифицируется органами Федерального казначейства в качестве бюджетного нарушения, несмотря на требование о принятии мер по возмещению ущерба (см., в частности, Решение Арбитражного суда Смоленской области от 11 октября 2023 г. по делу N А62–3185/2023). Вместе с тем, и Высший Арбитражный Суд РФ в определениях от 13 августа 2012 г. N ВАС–9686/12 и от 10 января 2012 г. N ВАС–17558/11, и Верховный Суд Российской Федерации в определениях от 21 июля 2017 г. N 307–КГ17–5593 по делу N А56–85065/2015 и от 5 июня 2017 г. N 307–КГ17–5569 по делу N А56–65556/2015 усматривают в оплате подрядчику стоимости работ в завышенных объемах, материалов по завышенной стоимости, а также при оплате фактически не выполненных работ нецелевое использование бюджетных средств. Причем в настоящее время судебные инстанции соглашались с выводами органов государственного (муниципального) контроля при квалификации оплаты фактически невыполненных работ в качестве бюджетного нарушения, являющегося основанием для применения бюджетных мер принуждения (см., в частности, постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 16 октября 2023 г. N Ф07–12196/23 по делу N А05–14380/2022). Таким образом, одной из проблем реализации бюджетно-правовой ответственности является отсутствие единообразного подхода к квалификации нецелевого использования бюджетных средств в качестве бюджетного нарушения.

В ряде случаев судебные инстанции прямо указывают, что принцип адресности и целевого характера означает необходимость соблюдения законодательства РФ при осуществлении конкретных расходов, соглашаясь с выводами органов государственного (муниципального) контроля при квалификации ими незаконных расходов в качестве нецелевого использования бюджетных средств (см., например, постановление Пятнадцатого ААС от 14 августа 2023 г. N 15АП–11606/23 по делу N А32–16107/2023, постановление Пятнадцатого ААС от 29 июля 2023 г. N 15АП–10745/23 по делу N А32–29502/2021). Подобный подход в полной мере согласуется с положениями ст. 6 Бюджетного кодекса Российской Федерации, согласно которым бюджет — форма образования и расходования денежных средств, предназначенных для финансового обеспечения задач и функций государства и местного самоуправления. Расходы, осуществленные с нарушением требований законодательства РФ, не могут отвечать публичным интересам, поскольку могут стать причиной недофинансирования государственных функций, то есть повлечь за собой ущемление финансовых прав и ухудшение имущественного положения граждан, основой доход которых составляют бюджетные выплаты (заработная плата, пенсия, социальные пособия и т. д.).

Еще один проблемный аспект реализации бюджетно-правовой ответственности — неопределенность в части применения бюджетных мер принуждения в отношении публично-правового образования, которое не являлось стороной соглашения о предоставлении межбюджетного трансферта. Так, источником предоставления муниципальному образованию межбюджетного трансферта в виде субсидий могут являться средства межбюджетного трансферта, предоставленного субъекту Российской Федерации из федерального бюджета. Софинансирование расходных обязательств местного бюджета за счет межбюджетных трансфертов является основанием для проведения федеральным органом государственного финансового контроля (органом Федерального казначейства или Счетной палатой Российской Федерации) контрольных мероприятий в отношении участников бюджетного процесса местного бюджета [1, ст. 266.1 п. 2.1]. Однако возможность применения бюджетных мер принуждения органом государственного финансового контроля федерального уровня по результатам контрольного мероприятия, объектом контроля являлись участники бюджетного процесса муниципального уровня, в настоящее время не предусмотрена. При выявлении допущенного участником бюджетного процесса бюджетного нарушения применение к нарушителю (публично-правовому образованию) гражданско-правовой ответственности возможно с учетом положений статьи 239 Бюджетного кодекса Российской Федерации, устанавливающий правовой режим, при котором обращение взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации возможно исключительно на основании судебного акта. Основанием для обращения уполномочен-

ного органа в суд с исковыми заявлениями о возмещении ущерба, причиненного Российской Федерации, субъекту Российской Федерации, муниципальному образованию является неисполнение объектом контроля предписания, направленного в его адрес органом государственного (муниципального) финансового контроля. Таким образом, предусмотренный Бюджетным кодексом Российской Федерации механизм восстановления нарушенного права требует довольно длительных сроков и дополнительных процедур.

Формулировка п. 2 ст. 306.2 БК РФ указывает на то, что бюджетные меры принуждения применяются к участнику бюджетного процесса. Вместе с тем, все из перечисленных в пункте 2.1 статьи 266.1 БК РФ участников бюджетного процесса, являясь юридическим лицом, выступает в бюджетных правоотношениях от имени публично-правового образования. Находясь на полном бюджетном финансировании, субъект публичной власти не может претерпевать меры принуждения имущественного характера таким же образом, каким их претерпевают юридические лица частного права. Бюджетные меры принуждения применяются не в отношении конкретного органа власти (местного самоуправления), либо подведомственного ему казенного учреждения, а в отношении публично-правового образования. Конструкция нормы п. 2 ст. 306.2 БК РФ, на наш взгляд, несовершенна. п. 2 ст. 306.2 БК РФ, поскольку указывая на то, что за допущенное бюджетное нарушение ответственность в соответствии с законодательством РФ должна быть возложена на должностных лиц участников бюджетного процесса, она позволяет избежать применения бюджетных мер принуждения в том случае, если орган государственного (муниципального) финансового контроля ошибся с выбором объекта контроля, в адрес которого было направлено уведомление о применении бюджетных мер принуждения (см., например, Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14 декабря 2017 г. N 301-КГ17-18513).

Невозврат либо несвоевременный возврат бюджетного кредита является самостоятельным составом в перечне бюджетных нарушений, которые являются основаниями для применения бюджетных мер принуждения. При этом каких-либо особенностей для принятия решения о применении бюджетных мер принуждения за несвоевременный возврат или невозврат бюджетного кредита главой 29 Бюджетного кодекса Российской Федерации в настоящее время не предусмотрено. Это означает, что при выявлении такого бюджетного нарушения

решение о применении бюджетных мер принуждения принимается уполномоченным органом на основании уведомления о применении бюджетных мер принуждения. Отдельного порядка направления уведомления о применении бюджетных мер принуждения, под которым понимается документ органа государственного (муниципального) финансового контроля, при выявлении бюджетного нарушения, состав которого определен ст. 306.5, Бюджетный кодекс Российской Федерации не содержит. Вместе с тем, финансовые органы субъектов Российской Федерации и муниципальных районов (городских округов с внутригородским делением) устанавливают в соответствии с общими требованиями, определяемыми Министерством финансов Российской Федерации, порядок взыскания остатков непогашенных кредитов, включая проценты, штрафы и пени [1, ст. 93.3 п. 4]. При этом Общими требованиями не установлено условие о направлении уведомления о применении бюджетных мер принуждения в качестве обязательных [4]. Перечень документов, необходимых для осуществления процедуры взыскания, а также сроки подготовки и доведения их до заинтересованных органов государственной власти и органов местного самоуправления, устанавливаются порядком взыскания остатков непогашенных кредитов, устанавливаемым финансовым органом субъекта Российской Федерации (муниципального района, городского округа с внутригородским делением). Одновременно Правила принятия финансовыми органами решений о применении бюджетных мер принуждения не исключают бюджетные нарушения, состав которого определен ст. 306.5 БК РФ, из перечня бюджетных нарушений, выявление которых является основанием для применения мер принуждения в соответствии с положениями ст. 306.2 БК РФ [5, п. 4]. Таким образом, предусмотренный Главой 30 Бюджетного кодекса Российской Федерации механизм применения бюджетных мер принуждения за невозврат либо несвоевременный возврат бюджетного кредита содержит в себе признаки «мертвой нормы права», поскольку при наличии у финансового органа права на принятие решения о взыскании остатков непогашенных кредитов, включая проценты, штрафы и пени в соответствии с положениями п. 4 ст. 93.3 БК РФ позволяет восстановить нарушенное право без проведения контрольных мероприятий органом государственного (муниципального) финансового контроля, то есть без применения бюджетных мер принуждения и в максимально короткие сроки.

Литература:

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 г. N 145-ФЗ (в ред. от 04.08.2023 г.) // СПС «Гарант».
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. N 95-ФЗ (в ред. от 18.03.2023 г.) // СПС «Гарант».
3. Постановление Правительства РФ от 23 июля 2020 г. N 1095 «Об утверждении федерального стандарта внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля «Реализация результатов проверок, ревизий и обследований» (в ред. от 09.12.2022) // СПС «Гарант».

4. Приказ Минфина России от 13 апреля 2020 г. N 67н «Об утверждении Общих требований к порядку взыскания остатков непогашенных кредитов, предоставленных из бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов» (в ред. от 16.03.2022 г.) // СПС «Гарант».
5. Постановление Правительства РФ от 7 февраля 2019 г. N 91 «Об утверждении Правил принятия финансовыми органами решений о применении бюджетных мер принуждения, решений об изменении решений о применении бюджетных мер принуждения, решений об отмене решений о применении бюджетных мер принуждения или решений об отказе в применении бюджетных мер принуждения» (в ред. от 04.12.2019 г.) // СПС «Гарант».
6. Портал государственного и муниципального финансового аудита (<https://portal.audit.gov.ru/#/budget-enforcement-supervisor>, дата обращения 29.10.2023 г.).

К вопросу о становлении муниципальной службы в РФ

Шидловская Виктория Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Ткаченко Анна Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент

Международный инновационный университет (г. Сочи)

В статье анализируются точки зрения различных авторов по вопросам становления и развития муниципальной службы в РФ. Проведенный анализ позволил выявить тенденции развития муниципальной службы.

«Муниципальная служба» — относительно новое понятие для российского законодательства. Это напрямую связано с пониманием и правовым установлением местного самоуправления в России и системы его органов.

Вопросы организации местного самоуправления давно волнуют исследователей. Этой теме посвящены научные работы, в том числе диссертационные исследования.

Трудно не согласиться с утверждением, что «...богатейшие традиции самоуправления, которые накоплены народами, нужно возродить и использовать в деле государственного строительства. Самый лучший и самый понятный приемлемый опыт — это опыт своего народа, своего Отечества. Ведь в конечном итоге местное самоуправление — это приближение задач государства к местному сообществу, к каждому человеку, его ответственное подключение к управлению делами в обществе» [5, 41].

Местное самоуправление возникло еще в древности. «Основную ячейку общественного устройства Руси составляла соседская, территориальная община ~ орган местного крестьянского самоуправления — «мир» или «вервь» (от слова «вервие» — веревка, которой измеряли участок земли)» [2, 65].

Область нашего исследования ограничивается становлением и развитием муниципальной службы в Российской Федерации, поэтому обратимся к проблемам местного самоуправления в конце 1980-х годов.

Вопрос местного самоуправления получил интенсивное развитие в 1980-е годы. По вопросам самоуправления написано большое количество работ, проанализировано понятие местного самоуправления, рассмотрены теоретические аспекты и практика реализации принципов самоуправления в СССР. Однако в то время не было необходимого нормативного и законодательного потенциала для создания настоящего местного самоуправления.

Во времена существования Советского Союза вопрос муниципальной службы практически не обсуждался. На уровне местного самоуправления в то время существовали государственные служащие, выполнявшие конкретные функции и не имевшие специального наименования, то есть являвшиеся государственными служащими в органах местного самоуправления.

После принятия в 1990-е годы законов, устанавливающих систему местного самоуправления, встал вопрос и о сотрудниках, работающих в органах местного самоуправления, об их правовом статусе и особенностях их службы.

Как показывает исследование, до перехода к организации местного самоуправления на основе самоуправления и становления местного самоуправления как самостоятельной формы осуществления власти понятие «муниципальная служба» в законодательстве не использовалось, поскольку не существовало необходимости в этом. Сотрудники органов местного самоуправления, местных советов и исполнительных комитетов являлись государственными служащими. Государственный служащий и муниципальный служащий считались равноценными понятиями [3, 143]. Согласно этой точке зрения, муниципальный служащий — это государственный служащий, работающий в органе местного самоуправления.

Создание муниципальной службы как нового вида государственной службы произошло в связи с созданием в России местного самоуправления. Это означает, что власть передается народу на местном уровне. Однако первые законы о местном самоуправлении не говорили о «муниципальной службе» и не вносили каких-либо серьезных изменений в правовой статус местных чиновников. В этих законах не упоминались должностные лица, работающие в органах местного самоуправления, и не было конкретных правил об их правовом статусе.

Сначала предполагалось, что работа в местном самоуправлении — это часть государственной службы. Д. Н. Бахрах [1, 89], определяя государственную службу, отметил, что используемые им понятия «государственная служба» и «государственный служащий» понимаются широко, по-старому: как государственная и муниципальная служба, государственные и муниципальные служащие. Поэтому Д. Н. Бахрах приходит к важному для понимания природы местного самоуправления выводу о механизме публичной власти как совокупности государственных и муниципальных органов, который позволяет ставить вопрос о двух основных формах публичной власти, власти народа: государственной власти и власти муниципальной (местном самоуправлении), имеющих свою специфику, свои отличительные признаки [1, 102].

Однако специальное регулирование труда служащих местных органов власти не осуществлялось, поскольку служба в органах местного самоуправления не рассматривалась как особый вид общественных отношений. Слово «местный» означало лишь территорию, в которой они находились, а не какие-то особые юридические правила.

Следующая стадия исследования проблем, связанных с процессом становления и развития органов муниципальной власти в нашей стране, после принятия союзного Закона «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР», который способствовал конкретному изменению системы местной власти. Там формулировалась, как должны формироваться местные органы власти и их основные функции. Но даже несмотря на то, что этот Закон закрепил основы организации власти на местах в соответствии с общепризнанными принципами местного самоуправления, двойное подчинение исполнительных органов было сохранено. Так же указанный Закон к системе местного самоуправления относил Советы и органы общественного самоуправления. Рассматриваемый Закон не вывел местные Советы из системы органов государственной власти.

В марте 1991 года был образован «Союз городов России». Его целью стало создание в России правового пространства, которое могло бы позволять функционировать деятельности местного самоуправления

24 мая 1991 года были внесены некоторые изменения в Конституцией РСФСР. Одним из изменений стало название раздела VII «Местные органы государственной власти и управления в РСФСР» было изменено — «Местное самоуправление в РСФСР», а в название главы 17 «Местные Советы народных депутатов» были введены слова «и органы территориального общественного самоуправления».

Часть 1 статьи 138 гласит, что «местное самоуправление в районах, городах, поселках, сельских населенных пунктах осуществляется населением через соответствующие Советы народных депутатов как главное звено системы местного самоуправления, органы территориального общественного самоуправления населения, а также местные референдумы, собрания, сходы граждан, иные формы непосредственной демократии».

Закон РСФСР «О местном самоуправлении в РСФСР» закреплял за руководителем местного самоуправления большие полномочия. Данный законодательный акт более четко разделял функции местных представительных и исполнительных органов на основе разграничения их полномочий в основных сферах деятельности и установления в их взаимоотношениях системы «сдержек и противовесов».

Указанный закон установил за местными Советами довольно широкий круг компетенций в сферах местной жизни: утверждение бюджета, планов и программ социально-экономического развития и отчетов об их исполнении, образование внебюджетных и валютных фондов, определение их статуса и целевого назначения, установление местных налогов и сборов, цен и тарифов на товары и услуги, производимые и оказываемые муниципальными предприятиями, установление порядка назначения на должность и освобождения от нее руководителей муниципальных предприятий, учреждений и организаций, определение льгот и преимуществ, в том числе налоговых, в целях стимулирования отдельных видов предпринимательской деятельности, определение порядка предоставления и изъятия земельных участков, утверждение правил учета граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, и др.

Анализируя данный Закон, исследователи отмечают, что «...он отразил ряд общемировых стандартов местного самоуправления. Была сделана попытка развести полномочия Совета как представительного органа власти и как органа местной администрации» [3, 45]. Однако только в 1992 году на конституционном уровне состоялось разделение государственной власти и местного самоуправления [8, 76]. В статье 85 Конституции РСФСР была включена часть 2, согласно которой «местные Советы народных депутатов — районные, городские, районные в городах, поселковые, сельские — входят в систему местного самоуправления». Раздел VII получил новое название — «Местное самоуправление в Российской Федерации».

В октябре 1993 года Президент Российской Федерации подписывает сразу два Указа: Указ № 1617 «О реформе представительных органов местного самоуправления в Российской Федерации» и Указ № 1760 «О реформе местного самоуправления в Российской Федерации». Эти указы сыграли особую роль в процессе российских преобразований в области местного самоуправления. Данными указами была прекращена деятельность городских и районных советов народных депутатов, а их функции были переданы представительным органам местного самоуправления.

Указом Президента Российской Федерации было утверждено Положение «Об основах организации местного самоуправления в Российской Федерации на период поэтапной конституционной реформы», в котором подчеркивалось: «Органами местного самоуправления в городах, сельских поселениях, других населенных пунктах являются выборные и другие органы местного самоуправления — собрание представителей (дума, муниципальный комитет и т. п.), глава местного самоуправления (глава администрации, мэр, староста и т. п.)»....

В Конституции Российской Федерации, принятой 12 декабря 1993 года, местное самоуправление заняло свое законное место. Согласно Конституции Российской Федерации «народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления» (ч. 2 ст. 3).

Значительную роль в установлении правовых гарантий местного самоуправления сыграл Указ Президента Российской Федерации от 22 декабря 1993 года «О гарантиях местного самоуправления в Российской Федерации». В этом указе затрагивался вопрос муниципальной собственности и судебной защиты ее прав. Он наделял органы местного самоуправления полномочиями самостоятельно утверждать перечень муниципального имущества, предусмотренный Постановлением Верховного Совета РФ от 27 декабря 1991 года. Кроме того, он предусматривал, что для передачи муниципального имущества в государственную собственность необходимо согласия органов местного самоуправления или решения суда. Впоследствии, 28 августа 1995 года, был принят Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Этот закон часто называют первым «законом о власти в рамках действующей Конституции» и призван заложить основы российского государства, начиная с местного уровня самоуправления.

По мнению И.И. Овчинников, «...с принятием нового законодательства, в частности Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», проблема гарантированности прав местного самоуправления приобретает особое значение, ибо гарантии местного самоуправления являются важнейшим, необходимым условием полного и эффективного осуществления его задач и функций» [7, 303].

Оценивая основные результаты реформ конца 1980-х и начала 1990-х годов, ученые отмечают, что единственным ощутимым достижением предыдущего периода реформирования местной власти было создание правовой и административной базы для местной самоуправления. К сожалению, основные конституционные гарантии местного самоуправления не были реализованы, что привело к недостаточному использованию конструктивных возможностей местного самоуправления.

Законодательная база местного самоуправления претерпела значительные изменения в конце 1990-х годов. Наряду с Федеральным законом «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации» был принят Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 8-ФЗ «Об основах муниципальной службы в Российской Федерации», которыми были установлены принципы муниципальной службы и правовой статус муниципальных служащих. Этим должностным лицам были предоставлены полномочия по решению вопросов местного значения на основании занятия ими муниципальной должности, как это разъяснено частью первой статьи 2 вышеупомянутого Закона. Однако этот закон имел широкую сферу применения и позволял субъектам Федерации самостоятельно регулировать отдельные

фундаментальные отношения. Следовательно, аналогичные юридические вопросы решались по-разному в разных субъектах без какого-либо видимого обоснования.

В 2003 году был принят Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации», который потребовал внесения изменений в законодательство о муниципальной службе. Статья 42 этого Закона подготовила почву для нового подхода к регулированию этих отношений. Кроме того, новаторское включение принципа взаимосвязи государственной гражданской и муниципальной службы еще раз подчеркнуло необходимость усиления правового регулирования в этой сфере.

2 марта 2007 года был принят знаменитый Федеральный закон № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации», преследующий цель разрешить множество сложных проблем, связанных с совершенствованием муниципальной службы и её соответствия государственной службе. В этом Законе присутствовал набор гарантий, аналогичных тем, которые предоставляются гражданским служащим, а также порядок определения стажа муниципальной службы, приравненного к стажу государственной службы.

Новейшая законодательная база обеспечивает тщательное регулирование муниципальной службы на основе Федерального закона. Однако федеральному законодательному органу еще предстоит четко сформулировать свою позицию относительно объема полномочий, возложенных на федерацию, ее субъектов, а затем и на местные органы власти. Следовательно, формирование законодательства субъектами федерации сталкивается с различными проблемами, возникающими из-за отсутствия четкого разграничения полномочий между субъектами и федеральной властью по регулированию отношений в сфере муниципальной службы.

Стоит отметить, что, как и Закон о государственной службе, Закон о муниципальной службе практически лишен положений, позволяющих эффективно реализовать систему ротации кадров между государственной и муниципальной службой. Это имеет большое значение с учетом изменившихся принципов местного самоуправления и трансформировавшегося федеративного устройства России.

По нашей оценке, Закон должен быть дополнен положениями, направленными на борьбу с коррупцией в органах местного самоуправления. Несомненно, реализация этих мер требует внедрения сложных правовых механизмов. Тем не менее, вполне возможно включить некоторые положения, например, предоставляющие право раскрывать финансовые и имущественные обязательства муниципальных чиновников, исполняющих обязанности глав местных администраций, региональным СМИ.

Вопросы, выходящие за рамки Закона о муниципальной службе и других федеральных законов, должны решаться через законодательство отдельных регионов РФ. Это связано с тем, что в областях, где юрисдикция федерального правительства и региональных властей является общей, регионы имеют право регулировать правовые вопросы, которые не регулируются федеральными законами,

если эти полномочия прямо предоставлены Федеральным законом № 131-ФЗ, в котором изложены основополагающие принципы местного самоуправления в России.

Таким образом, принятие Федерального закона от 2 марта 2007 года № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» позволяет:

— во-первых, установить фундаментальную структуру правовой базы муниципальной службы, а также заложить основу для ее последующего развития;

— во-вторых, муниципальным служащим приобрести паритет с государственными федеральными служащими

и государственными служащими субъектов Федерации в сфере служебных обязанностей и реализации социальных прав;

— в-третьих, «расширить» узкие места в правоприменительной практике. Речь идет о том, что в практической деятельности возникают проблемы, которые невозможно решить без наличия правовой базы муниципальной службы, создание которой находится в компетенции государственных органов Российской Федерации.

Литература:

1. Бахрах, Д. Н. Административное право: Учебник для студентов юридических вузов/Д. Н. Бахрах. — 4-е изд. — Москва: Бек, 2007. — 456 с.;
2. История государственного управления в России. Учебник для вузов/Под ред. проф. А. Н. Марковой — Москва, 2007. — 456 с.;
3. Казаков, С. А. Правовые вопросы функционирования муниципальной службы в субъектах Российской Федерации: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук/Казаков С. А. — Саратов, 2007. — 210 с.;
4. Козбаненко, В. А. Правовое обеспечение статуса государственных служащих (теоретико-административные аспекты): автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук/Козбаненко В. А. — Москва, 2003. — 176 с.;
5. Мансуров, Т. Д. Регионализм: главная тенденция правовой эволюции/Т. Д. Мансуров. // Журнал российского права. — 2011. — № 4. — с. 18-32;
6. Муниципальное право России: Отв. ред. Г. Н. Чеботарев. — Москва 2017. — 389 с.;
7. Овчинников, И. И. Муниципальное право России/И. И. Овчинников. — Москва 2017. — 406 с.;
8. Цейтлин, Р. С. История государственного управления и муниципального самоуправления в России. Учебное пособие/Р. С. Цейтлин, Сергеев, А. С. — 2-е изд. — Москва 2013. — 324 с.

Договор оказания платных медицинских услуг

Шмидт Ольга Ивановна, студент

Научный руководитель: Лебедева Юлия Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск)

В статье рассматривается сущность договора оказания платных медицинских услуг. Автором указываются основные признаки данного договора. Также были рассмотрены основные проблемы договора оказания платных медицинских услуг.

Ключевые слова: договор, договор оказания платных медицинских услуг, возмездный договор, публичный договор, медицинские услуги.

Contract for the provision of paid medical services

Shmidt Olga Ivanovna, student

Scientific advisor: Lebedeva Yulia Nikolaevna, candidate of legal sciences, associate professor
Pacific State University (Khabarovsk)

The article discusses the essence of the contract for the provision of paid medical services. The author indicates the main features of this agreement. The main problems of the contract for the provision of paid medical services were also considered.

Keywords: contract, contract for the provision of paid medical services, paid contract, public contract, medical services.

Значительную часть гражданского права составляет институт договора. В Гражданском кодексе Российской

Федерации договорам посвящена вторая часть. Гражданско-правовые договоры разнообразны по своей правовой

природе и регулируют различные отношения между субъектами гражданского оборота. Одним из договоров, который выделяется законодателем, является договор возмездного оказания услуг. В частности, данный вид договора охватывает отношения по оказанию платных медицинских услуг. Об этом свидетельствует положение п. 2 ст. 779 ГК РФ [2]. Указанный договор не с проста занимает самостоятельное место в системе гражданско-правовых договоров. Его отличают специфические отношения между сторонами, предмет, права и обязанности сторон и т. д. Кроме того, получение платной медицинской помощи является правом любого гражданина за счёт его личных средств, средств работодателя и иных средств [3].

Таким образом, договор оказания платных медицинских услуг — это соглашение между медицинской организацией, оказывающими медицинские услуги, и пациентом (или его законным представителем), который обращается за медицинской помощью.

По своей правовой природе договор оказания платных медицинских услуг является:

1) консенсуальным. Это договор, который считается заключенным с момента достижения сторонами соглашения (по всем существенным условиям договора) [7, с. 14]. Консенсуальность договора оказания платных медицинских услуг заключается в том, что после согласования пациентом и медицинской организацией всех существенных условий, договор будет считаться заключённым;

2) двусторонне обязывающим. Пациент берёт на себя обязательство по оплате услуг, которые оказывает ему лечащий врач. В свою очередь, врач обязуется совершить определённые действия для пациента, которые непосредственно связаны с оказанием конкретных медицинских услуг;

3) возмездным. Возмездность договора также указывается в самом юридическом понятии. Пациент обязуется оплатить услуги, предоставляемой медицинской организацией [5, с. 3].

Стоит отметить, что договор оказания платных медицинских услуг является публичным договором. Публичным договор признаётся договор, заключённый лицом, осуществляющим предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, и устанавливающий его обязанности по продаже товаров, выполнению работ либо оказанию услуг, которые такое лицо по характеру своей деятельности должно осуществлять в отношении каждого, кто к нему обратится [1]. Это означает, что медицинская организация не вправе отказывать пациенту в заключении договора или оказывать в предпочтении одному лицу перед другим лицом. Нарушение этих положений, даёт право гражданину обратиться в суд.

Важно понимать, что при заключении договора должны быть согласованы все существенные условия. Существенные условия — это основные и необходимые условия, которые должны быть обязательно предусмотрены в договоре для его заключения и дальнейшего исполнения. Если эти условия не соблюдаются, договор может быть признан недействительным. Такими условиями являются:

1) предмет договора: конкретная медицинская услуга или перечень медицинских услуг, которые будут оказываться пациенту;

2) цена договора — размер оплаты за конкретную медицинскую услугу или за комплекс услуг, порядок оплаты;

3) сроки оказания медицинских услуг.

Однако, помимо существенных условий, в договоре платных медицинских услуг могут быть указаны и другие важные условия, например, обязательства сторон, порядок расторжения договора, ответственность сторон и т. д. Договор составляется в двух экземплярах [4].

Медицинская услуга — это предоставление медицинской помощи пациенту, включающей в себя вмешательство, направленное на поддержание, восстановление или улучшение здоровья. Медицинские услуги могут включать в себя различные вмешательства, такие как:

1) консультации и обследования, направленные на установление диагноза заболевания или определение состояния здоровья;

2) предоставление медикаментов, включая рецептурные и безрецептурные препараты;

3) манипуляции, включая инъекции, проведение медицинских процедур и т. д.;

4) проведение операций, как плановых, так и неотложных;

5) реабилитационные мероприятия, направленные на восстановление здоровья после заболевания или травмы;

6) предоставление медицинских услуг на дому.

Медицинские услуги оказываются медицинскими организациями, врачами-специалистами, фельдшерами-акушерками, средним и младшим медицинским персоналом. Оказание медицинских услуг должно соответствовать медицинским стандартам:

1) Медицинские услуги должны предоставляться высококвалифицированным медицинским персоналом, имеющим соответствующее образование и опыт работы.

2) Медицинские организации, предоставляющие платные услуги, должны иметь современное оборудование и использовать только высококачественные материалы.

3) Конфиденциальность (врачебная тайна). Вся информация, связанная с здоровьем пациента, должна оставаться конфиденциальной, и доступ к ней имеет только медицинский персонал, предоставляющий услуги.

4) Медицинские организации, предоставляющие платные медицинские услуги, несут ответственность за качество оказываемых услуг и обязаны компенсировать любой вред, причиненный пациенту в результате ошибок медицинского персонала или несоответствия стандартам.

5) Медицинские организации должны соблюдать этические и профессиональные стандарты.

6) Безопасность. Потребитель медицинских услуг должен быть информирован о наличии противопоказаний при применении медикаментозных средств, изделий медицинского назначения или определенных методов диагностики и лечения [5].

Договор оказания платных медицинских услуг может столкнуться с рядом проблем, которые влияют на качество оказываемых услуг и удовлетворенность потребителя. Это может быть непрозрачное ценообразование. Не все медицинские организации предоставляют полную информацию о стоимости услуг, что может привести к непониманию пациентов. Для решения подобной проблемы медицинская организация обязана ознакомливать пациента с примерной стоимостью медицинских услуг.

Одной из основных проблем является несоответствие качества услуг ожиданиям пациента. В случае, если качество оказываемых услуг не соответствует ожиданиям пациента, это может привести к недоверию и негативным отзывам о медицинской организации. В этом случае меди-

цинская организация должна иметь механизм контроля качества услуг и обратной связи от пациентов.

Ещё одной проблемой может стать отсутствие механизмов решения споров. Если в договоре не предусмотрен механизм решения споров между пациентом и медицинской организацией, то это может привести к затяжному судебному разбирательству. Для этого стоит предусматривать порядок решения споров между пациентом и медицинской организацией.

В целом, решение проблем, связанных с договором оказания платных медицинских услуг, требует взаимодействия между пациентами, медицинскими организациями и государственными органами, а также регулярного мониторинга и анализа ситуации на рынке медицинских услуг.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. — № 32. — 05.12.1994. — ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. — № 5. — 29.01.96. — ст. 410.
3. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. — № 48. — 28.11.2011. — ст. 6724.
4. Постановление Правительства РФ от 04.10.2012 № 1006 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг» // Собрание законодательства Российской Федерации. — № 41. — 08.10.2012. — ст. 5628.
5. Плотнокова, А. В. Понятие и юридическая характеристика договора возмездного оказания медицинских услуг // Концепт. — 2019. — № 1. — с. 1 —
6. Торубаров, П. Договор на оказание платных медицинских услуг [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.dirklinik.ru/article/126-dogovor-na-platnye-meditsinskie-uslugi-2020#d4> (дата обращения: 05.03.2023).
7. Шаблова, Е. Г. Гражданское право. Гражданско-правовые договоры: учеб. пособие; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. — 2018. — 174 с.

Расторжение трудового договора в результате совершения виновных действий, повлекших утрату доверия со стороны работодателя: особенности правового регулирования и судебная практика

Шорин Дмитрий Сергеевич, студент магистратуры

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург)

Перечень оснований для расторжения трудового договора регулируется главой 13 Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ), в частности, работодатель выделяет три группы оснований для прекращения трудовых отношений:

- 1) по инициативе работника (по собственному желанию; ст. 80 ТК РФ);
- 2) по инициативе работодателя (ст. 81 ТК РФ);
- 3) по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон (ст. 83 ТК РФ).

Расторжение трудового договора в результате совершения виновных действий работником, непосредственно обслуживающим денежные или товарные ценности, если эти действия дают основание для утраты доверия к нему со стороны работодателя, предусмотрено п. 7 ч. 1 ст. 81 ТК РФ.

Для начала стоит разобраться, какие квалифицирующие признаки, исходя из формально-юридического толкования нормы права, выделяет законодатель.

Во-первых, из рассматриваемой статьи следует, что действие должно быть «виновным». Сам по себе термин «виновное действие» встречается в Кодексе об административных правонарушениях (КоАП) и Уголовном кодексе (УК).

Так, согласно ч. 1 ст. 2.1 КоАП РФ, административным правонарушением признается противоправное, **виновное действие** (бездействие) физического или юридического лица, за которое настоящим Кодексом или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность.

В ч. 1 ст. 14 УК РФ раскрывается содержание понятия преступления, согласно которому преступление — это **виновно совершенное** общественно опасное **деяние**, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания.

Из вышеуказанных положений УК и КоАП можно заключить, что под виновным действием законодатель понимает действие (бездействие), подпадающее под состав административного правонарушения или же преступление. Однако такой подход, по нашему мнению, на норму трудового законодательства распространяться не может, поскольку, как таковых, составов каких-либо преступлений или правонарушений Трудовой кодекс не содержит.

В настоящий момент законодатель посредством нормативно-правовых актов не разъясняет и не устанавливает, какие действия являются виновными и, соответственно, подходящими в качестве основания для увольнения по п. 7 ч. 1 ст. 81 ТК РФ, а какие нет.

Предполагается, что сущность, которую хотел заложить законодатель в данный термин, состоит в том, что виновным действием является ситуация, когда субъект (работник) осознает противоправность совершаемого действия, т. е. действует умышленно.

Следует также учесть, что законодатель не связывает конкретный результат совершенного действия и сам факт его совершения, т. е. для применения рассматриваемого основания само последствие может и не приносить какого-либо вреда работодателю. Аналогичной позиции придерживается и Роструд (приказ от 11.11.2022 г. № 253).

Во-вторых, для применения рассматриваемого основания трудовая функция работника должна быть непосредственно связана с обслуживанием денежных средств или товарно-материальных ценностей. Самым простым примером на практике являются такие должности, как: кассиры, работники гардеробов, перевозчики грузов и другие.

Сам по себе перечень должностей, непосредственно связанных с обслуживанием денежных средств или товарно-материальных ценностей, законодателем никак не установлен, в связи с чем носит открытый характер.

Более того, из формулировок положений п. 7 ч. 1 ст. 81 ТК РФ также не следует, что работник обязательно должен быть материально ответственным лицом.

Несмотря на то что, казалось бы, на практике несложно определить, кто из работников занимается обслуживанием денежных средств и материальных ценностей, это не всегда верно с формально-юридической точки зрения.

Так, например, на практике произошла одна интересная ситуация. Работодателем был вынесен приказ о расторжении трудового договора на основании п. 7 ч. 1 ст. 81 ТК РФ. Свои действия он мотивировал тем, что главным бухгалтером при расчете заработных плат и иных выплат работникам были совершены арифметические ошибки. Более того, данные действия совершались работником в течение продолжительного периода — более 5 лет. Впоследствии, обнаружив свои ошибки, работник пытался их скрыть путем составления неверных отчетных документов организации.

Примечательно, что для определения того, что рассматриваемая должность является должностью, непосредственно связанной с обслуживанием денежных средств или товарно-материальных ценностей, суд руководствовался постановлением Минтруда от 31.12.2002 г. № 85, которым утвержден перечень должностей, по которым может быть заключен договор о полной материальной ответственности, несмотря на то что Роструд не связывает применение данного основания с наличием у работника статуса материально ответственного лица.

Частично удовлетворяя иски требования, суд первой инстанции руководствовался тем, что по условиям заключенного с истцом трудового договора и должностной инструкции главного бухгалтера непосредственное обслуживание денежных и товарных ценностей не входило в должностные обязанности главного бухгалтера (истца). Более того, с истцом не было заключено договора о полной материальной ответственности. Исходя из вышеуказанных обстоятельств, несмотря на допущенные истцом нарушения, главный бухгалтер не могла быть уволена на основании п. 7 ч. 1 ст. 81 ТК РФ, поскольку не относится к числу работников, с которыми трудовой договор может быть расторгнут по данному основанию.

Не согласившись с данным решением, суд апелляционной инстанции данное решение отменил, а формулировку (основания) увольнения поменял на «расторжение трудового договора по инициативе работодателя, в связи с совершением виновных действий работником, непосредственно обслуживающим денежные ценности, что дало основание для утраты доверия к нему со стороны работодателя, пункт 7 части 1 статьи 81 Трудового кодекса РФ». С данным подходом согласился и суд кассационной инстанции (Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 19.01.2022 г. № 88-2082/2022).

Из данного примера следует, что не всегда на практике возможно установить, соответствует ли работник рассматриваемому критерию для увольнения (связана ли его трудовая обязанность с обслуживанием денежных средств или товарно-материальных ценностей) по п. 7 ч. 1 ст. 81 ТК РФ. Что наиболее важно, на практике также отсутствуют какие-либо критерии, по которым можно было бы усмотреть взаимосвязь трудовой функции с указанным основанием.

В практике встречались и другие примеры, когда в связи с утратой доверия ошибочно увольняли:

— гендиректора, который отражал неверные сведения в бухучете и налоговой отчетности, начислял зарплату фиктивно трудоустроенным (Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 27.02.2023 г. № 88-5610/2023);

— заместителя директора по арендным отношениям, который среди прочего не оформлял с некоторыми клиентами договоры и брал от них оплату наличными себе (Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 13.01.2022 г. № 88-1892/2022);

— водителя автотранспортного цеха, который расходовал топливо не в служебных целях (Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19.01.2023 г. № 88-1459/2023).

В-третьих, для применения основания для увольнения по п. 7 ч. 1 ст. 81 ТК РФ это действие должно послужить основанием для утраты доверия работодателя.

Сам термин «утрата доверия» носит исключительно оценочный характер, и что для одного работодателя является нормой и «бытовой» ситуацией, для другого будет «основанием для увольнения». В настоящий момент законодатель никак не регулирует данную терминологию, сам термин нигде не закреплён, а судебная практика не сказать что выработала какие-либо общие подходы (признаки) для квалификации действий, повлекших утрату доверия.

Однако тем не менее из наиболее часто встречающихся ситуаций можно заключить, что для утраты доверия могут послужить основанием такие действия, как:

— хищение, растрата, уничтожение имущества работодателя, даже если по данным действиям не проводились оперативно-розыскные мероприятия;

— нарушение кассовой дисциплины, под которой обычно понимают соблюдения локально-нормативных актов организации;

— фиктивное списание материальных ценностей;

— мошенничество либо действия, свидетельствующие о намерении совершить мошеннические действия;

— привлечение работника к административной или уголовной ответственности (однако в этом случае между трудовой функцией и составом преступления/правонарушения должна быть взаимосвязь — это декларируется судебной практикой).

Примечательно, что для квалификации действий как действий, повлекших утрату доверия, они не обязательно должны быть совершены по мету работы, т.е. даже в случае, когда такие поступки совершены вне рабочего места, они все равно могут быть квалифицированы как таковые. Аналогичного подхода придерживается и Верховный суд РФ (п. 47 постановления Пленума № 2 от 17.03.2002 г.).

Резюмируя вышеизложенное, стоит отметить, что в настоящий момент законодательство по увольнению на ос-

новании п. 7 ч. 1 ст. 81 ТК РФ является, очевидно, несовершенным, незаконченным и требующим доработок.

Так, обоснованными, с формально-юридической точки зрения, являлись бы изменения или дополнения п. 7 ч. 1 ст. 81 ТК РФ, в которых отражались бы такие моменты, как:

— указание на то, какое действие является «виновным» и какие квалифицирующие признаки свидетельствовали бы об этом. Из этих положений должно следовать, будет ли являться действие «виновным», если оно совершено неумышленно (без прямого или косвенного умысла), а также взаимосвязь применяемого основания с результатом этих действий. Считаю важным отметить, что, по нашему мнению, в случае, когда действия работника не повлекли для работодателя негативных последствий, применение п. 7 ч. 1 ст. 81 ТК РФ является недопустимым. На практике распространено явление, когда работодатель дает неверную оценку, с формальной юридической точки зрения, действий работника, что влечет неправомерное применение п. 7 ч. 1 ст. 81 ТК РФ. Более того, это также соответствовало бы сущности трудового законодательства, согласно которому работник в рассматриваемых отношениях априори является наиболее слабой и уязвимой стороной;

— указание конкретного перечня или квалифицирующих признаков на то, какие должности подпадают под категорию должностей, непосредственно связанных с обслуживанием денежных средств или товарно-материальных ценностей (п. 7 ч. 1 ст. 81 ТК РФ). На практике некоторые работники и их трудовые обязательства с формальной стороны завязаны на взаимодействии с денежными и материальными ценностями, однако в силу специфики трудовых обязательств не имеют к этим ценностям фактического отношения;

— формулирование квалифицирующих признаков, определяющих квалификацию действия как действия, способствующего «утрате доверия со стороны работодателя». В настоящий момент законодатель оставляет квалификацию таких действий на правоприменителей — судебные и административные органы (ГИТ), работодателя. Расплывчатость данного термина позволяет работодателю превратить рассматриваемое основание увольнения в инструмент воздействия на работника, тем самым злоупотребляя своими правами.

Предлагается внести в Трудовой кодекс РФ статью 1.1 под названием «Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе», которая детально раскроет понятия: «действия, способствующие утрате доверия со стороны работодателя», «должности, непосредственно связанные с обслуживанием денежных средств или товарно-материальных ценностей», «виновные действия работника».

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // «Собрание законодательства РФ». 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

2. Кузнецов, А.А., Смирнов А.Е., Аграфонов М.Ю. О совершенствовании процессуальных норм по использованию формулировки «утрата доверия» для увольнения сотрудников ОВД // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2015. № 1. с. 48-55.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 (ред. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // «Бюллетень Верховного Суда РФ». 2004. № 6;
4. Степанова, Е. Увольнение по причине утраты доверия: при каких обстоятельствах оно возможно? // Трудовое право. 2014. № 9. с. 71-78;
5. Постановление Минтруда РФ от 31.12.2002 № 85 «Об утверждении перечней должностей и работ, замещаемых или выполняемых работниками, с которыми работодатель может заключать письменные договоры о полной индивидуальной или коллективной (бригадной) материальной ответственности, а также типовых форм договоров о полной материальной ответственности» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 03.02.2003 № 4171);
6. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 19.01.2022 № 88-2082/2022;
7. Приказ Роструда от 11.11.2022 № 253 «Об утверждении Руководства по соблюдению обязательных требований трудового законодательства».

Компенсация морального вреда за укус безнадзорной собакой

Шпакова Екатерина Алексеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Левушкин Анатолий Николаевич, доктор юридических наук, профессор

Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье автор исследует институт взыскания морального вреда с публичного образования.

Ключевые слова: моральный вред, публичное образование, безнадзорные животные.

Постановлении Пленума Верховного Суда России от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» было принято, чтобы обеспечить единство практики применения судами норм о компенсации морального вреда (далее — Пленум ВС № 33) [3].

При этом одновременно признаны утратившими силу старые разъяснения ВС по моральному вреду, который он давал в давнишнем постановлении Пленума от 20.12.1994 № 10.

Отметим, что Пленум ВС № 33 содержит более 68 правовых позиций по вопросам компенсации морального вреда. Он затрагивает как общие, так и отдельные условия возложения такой обязанности.

Пункты с 37 по 38 посвящены вопросам компенсаций за моральный вред, причиненный действиями государственных и муниципальных органов, а также их должностных лиц.

На основании п. 1 ст. 151 Гражданского кодекса Российской Федерации суд вправе удовлетворить требование о компенсации морального вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц этих органов, нарушающими личные неимущественные права гражданина либо посягающими на принадлежащие ему нематериальные блага [1].

Моральный вред, причиненный гражданину в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления и их долж-

ностных лиц, нарушающих имущественные права гражданина, исходя из норм ст. 1069 и п. 2 ст. 1099 Гражданского кодекса Российской Федерации, рассматриваемых во взаимосвязи, компенсации не подлежит [2]. В то же время, моральный вред может быть компенсирован в случае, если оспариваемые действия (или бездействие) привели к нарушению личных неимущественных прав граждан.

Исходя из значимых для данной темы пунктов закона и его трактовочного акта, нынешнее законодательство позволяет возместить моральный вред, причиненный в результате противоправных деяний (бездействия) государственных и муниципальных органов, а также их должностных лиц, которые нарушили личные нематериальные права или блага граждан. Для этого необходимо установить вину указанных государственных органов и их должностных лиц в совершении незаконных действий или бездействия.

Конституционное право на охрану здоровья является одним из основных. От состояния своего здоровья у человека зависит продуктивность во всех сферах жизни, эмоциональное состояние и желание иметь активную гражданскую позицию. Таким образом, государство стремится обеспечить надлежащий уровень охраны здоровья и защиту от возможных посягательств. Один из способов защиты гражданских прав в случае причинения вреда здоровью — это компенсация морального вреда в денежном эквиваленте.

Анализируя практику судов общей юрисдикции с участием публичного образования — государственных и му-

ниципальных органов, большое внимание на сегодняшний день уделяется взысканию морального вреда связи с укусом безнадзорного животного.

Развитие данного вопроса началось активно с принятием Федерального закона от 27.12.2018 № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4].

К полномочиям органов государственной власти субъектов РФ в области обращения с животными относятся:

- установление порядка организации деятельности приютов для животных и норм содержания животных в них в соответствии с утвержденными Правительством РФ методическими указаниями по организации деятельности приютов для животных и нормами содержания животных в них;
- установление порядка осуществления деятельности по обращению с животными без владельцев в соответствии с утвержденными Правительством РФ методическими указаниями по осуществлению деятельности по обращению с животными без владельцев;
- утверждение положения о региональном государственном контроле (надзоре) в области обращения с животными;
- организация мероприятий при осуществлении деятельности по обращению с животными без владельцев;
- иные полномочия, предусмотренные законодательством в области обращения с животными [4].

Органы государственной власти субъектов РФ вправе законодательным актом устанавливать порядок осуществления деятельности по обращению с животными без владельцев и определять перечень мероприятий при осуществлении такой деятельности (п. 4 ст. 7 Закона об ответственном обращении с животными) [4].

Органы местного самоуправления городского, сельского поселения, а также муниципального округа, городского округа, городского округа с внутригородским делением имеют право на осуществление деятельности по обращению с животными без владельцев, обитающими на соответствующей территории (п. 14 ч. 1 ст. 14.1, п. 15 ч. 1 ст. 16.1 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее — Закон о местном самоуправлении)) [5].

Отлов безнадзорных животных не является обязательной функцией органов местного самоуправления, однако может быть отнесен к их полномочиям решением субъекта РФ (ст. 19, 20 Закона о местном самоуправлении).

На основании ст. 1069 ГК РФ вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, в том числе в результате издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежит возмещению. Вред возмещается за счет

соответственно казны РФ, казны субъекта РФ или казны муниципального образования [2].

Из Определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 18.04.2017 № 72-КГ17-1 следует, что органы государственной власти субъекта РФ должны осуществлять мероприятия по отлову безнадзорных животных, а в случае неисполнения такого обязательства — нести ответственность.

В Определении Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 22.03.2023 по делу № 88-11329/2023 отмечается: ответственность за вред, причиненный укусом безнадзорного животного, в соответствии с положениями ст. ст. 125, 1069, 1071 ГК РФ должна быть возложена на администрацию муниципального образования, поскольку именно данный ответчик в силу действующего законодательства является заказчиком по заключенным контрактам на оказание услуг по отлову безнадзорных животных, а также распорядителем перечисленных на ее счет денежных средств из областного бюджета.

Аналогичный вывод содержится в Определении Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 10.03.2022 № 88-8338/2022.

Следовательно, ответственность за укус безнадзорного животного несут соответствующие органы власти, на которые возложена обязанность по осуществлению мероприятий по отлову безнадзорных животных.

Кроме того, органы власти, на которые возложена обязанность по осуществлению мероприятий по отлову безнадзорных животных, на основании положений ст. ст. 16 и 1069 ГК РФ несут ответственность за иной материальный вред, причиненный безнадзорными животными [1] [2].

Рассмотрим судебную практику относительно размера взысканных денежных средств в возмещение морального вреда в разных регионах страны.

Определением Первого кассационного суда общей юрисдикции от 19.07.2023 № 88-17744/2023 поддержал нижестоящие суды. За укушенные раны правого бедра и левой голени было взыскано 30000 рублей.

Так же своим постановлением от 21.06.2023 № 88-16678/2023 Первый кассационный суд подтвердил, что моральный вред в размере 30000 рублей является разумным и справедливым.

Судебная коллегия по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции в определении от 29.06.2023 по делу № 88-20617/2023 оставило решение Волжского городского суда Волгоградской области и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Волгоградского областного суда без изменения — 30000 рублей.

Ж. обратилась в суд с исковыми требованиями к администрации Добрянского городского округа, Государственной ветеринарной инспекции Пермского края о взыскании компенсации морального вреда в размере 500000 руб. Апелляция и кассация поддержали решение первой инстанции, в котором было присуждено 20000 рублей.

Восьмой и Девятый кассационный суд поддерживают решение судов первых инстанций, в которых взыскивается моральный вред в размере 50000-60000 рублей (Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 07.07.2022 № 88-6066/2022, Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 02.02.2023 № 88-157/2023 по делу № 2-2856/2022).

Проанализированы были судебные постановления кассационных судов 2022-2023 гг. для понимания, какой размер взысканной суммы является разумным для различных территорий Российской Федерации, в которых есть различия в экономической сфере, климатических особенностях и культурной уникальности.

Литература:

1. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 16 апреля 2022 г.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2022. № 16. Ст. 2601.
2. Часть вторая Гражданского кодекса Российской Федерации от 26 января 1996 г. № 51-ФЗ (в ред. от 25 июля 2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Бюллетень ВС РФ. 2023. № 2.
4. Федеральный закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 24.07.2023) // СПС КонсультантПлюс.
5. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 02.11.2023) // СПС КонсультантПлюс.

Толкование договора в гражданском праве России

Яковлева Юлия Валерьевна, студент магистратуры
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

В статье приводятся теоретические вопросы, связанные с толкованием гражданско-правового договора.

Ключевые слова: договор, право, гражданско-правовой договор.

Для того чтобы иметь полное представление об определении понятия «толкование гражданско-правового договора» первоначально нужно определиться с тем, что представляет собой собственно толкование, а затем, применительно к теме работы, вывести конкретное определение непосредственно «толкования гражданско-правового договора». Нужно выяснить, что является причинами возникновения необходимости в толковании гражданско-правового договора, в чем она проявляется, кто является субъектом, а что объектом толкования.

Само по себе понятие «толкование» имеет несколько значений. В широком смысле слова, «под толкованием понимают весь познавательный процесс, целью которого является объяснение объективных явлений окружающей действительности, в том числе общественных явлений» [1, с. 21]. Из узкого понимания толкования следует, что оно является средством к объяснению выражений, символов, формул, то есть знаков естественного или искусственного языка, преимущественно текстов.

Исходя из канонов юридической техники, которые должны соблюдаться всеми сопричастными к договору, он должен цело и всесторонне фиксировать содержание всех прав и обязанностей, которые согласованы сторонами, а термины и определения, содержащиеся в нем, должны

быть четко и ясно сформулированы и доступны для понимания. Наряду с этим, субъекты какого бы то ни было договора зачастую тяготеют к лаконичности юридического текста, его сокращению и использованию абстракций, дабы избежать волокиты и затягивания процесса еще на стадии заключения, но, не продумав и не уточнив на начальном этапе все тонкости, стороны рискуют в последствие столкнуться со спорным пониманием некоторых условий, а то и вовсе целого договора. Оценочные понятия, специальная терминология и витиеватые выражения, используемые в тексте договора, могут послужить объективными предпосылками к возникновению неопределенности, не исключены также случаи, когда ситуация может стать неурегулированной, и образуется пробел.

Как правило, это наступает на стадии исполнения договора, в это время цена ошибочного понимания когда-то упущенного из виду условия уже достаточно велика.

Стороны, вступающие в договор, в своих намерениях нацелены на наступление определенного правового результата, таким образом, внутренняя воля стороны, внешне выраженная в волеизъявлении и согласованная с такой же волей и волеизъявлением другой стороны, порождает правовой результат, являющийся составным элементом договора [3, с. 452]. Законом пред-

усмотрена презумпция, согласно которой предполагается, что при заключении договора воля и волеизъявление сторон совпадают, то есть внутренняя воля соответствует волеизъявлению как у стороны-заявителя, так и у стороны адресата [4, с. 53]. В связи с этим необходимо, чтобы стороны выбирали для оформления договора такие слова и выражения, которые бы ясно и недвусмысленно свидетельствовали об их согласованных намерениях. В большинстве случаев договор не вызывает у сторон никаких разногласий и стороны приступают к исполнению его условий. Однако на практике, как правило, бывают исключительные случаи, как известно, «всякое выражение мысли в своем проявлении не всегда целиком и полностью соответствует действительному содержанию, так же, как и то или иное условие договора не всегда выражает то, что думала и хотела сказать та или иная сторона договора» [5, с. 12]. «Порой внешнее выражение дает неполное представление о внутреннем содержании мысли, иногда же, наоборот, оно вызывает предположение, что сказано гораздо больше, чем предполагалось» [5, с. 12].

Толкование призвано решать подобного рода проблемы.

Толкование, в свою очередь, определяется через «действенность, направленную на установление содержания этого договора, раскрытие его внутреннего смысла через внешнюю форму выражения общей воли сторон в договоре» [5, с. 13].

Толкованию изначально подлежит весь договор целиком, такое толкование происходит всегда при ознакомлении с договором, тем самым сторона договора воспринимает его содержание, уясняет прежде всего для самого себя его смысл, а также может разъяснить для других понятую для себя информацию. От правильного истолкования договора стороной зависит надлежащее исполнение договорного обязательства. Но это толкование является неофициальным и лишено юридической силы, так как оно вытекает не из спора и не осуществлено его единственным, уполномоченным на вынесение официального толкования субъектом — судом. В тех случаях, когда обнаруживается, что стороны расходятся в своих представлениях о содержании договора и неодинаково трактуют его условия, и из-за этого исполнить договор соответствующим образом не получается, возникает правовой спор, и так как сторонам в таких случаях чаще всего не удается прийти к компромиссу, стороны обращаются в суд. Уже внутри этого спора, когда суд приходит к выводу, что содержащиеся в договоре условия являются неясными, то для правильного разрешения дела суд переходит к их толкованию, тут то и возникает такая правовая конструкция как «толкование гражданско-правового договора». Таким образом, нужно разобраться, что же является объектом толкования гражданско-правовой договор, который сам по себе, при применении к нему института толкования, является многосоставным, так, объектом может выступать либо весь договор целиком, либо не-

сколько из его условий, либо лишь одно условие. Так или иначе, все эти составные элементы являются содержанием гражданско-правового договора, они включены в его текст и являются неотъемлемой его частью, поэтому, вне зависимости от того, толкование чего конкретно происходит, объектом всегда будет выступать содержание гражданско-правового договора. Следует сразу отметить, что «поскольку толкованию подлежит содержание гражданско-правовых договоров, а облечены они, как правило, в словесную форму, в подавляющем большинстве случаев — письменную, то предметом исследования в основном является письменный текст» [6] «В данном случае, имеются в виду прямо выраженные условия — договорные положения, грамматические предложения (словесные формулировки), определяющие взаимные права и обязанности сторон» [7, с. 124].

Как мы уже выяснили из предыдущего абзаца, толкование договора, которое будет носить официальное значение, составляет функцию суда, которая заключается в разрешении возникшего спора по существу. Это означает, что, уяснив содержание спорного условия или всего договора в целом, а также сделав вывод о его правовой природе, суд вправе принять то или иное решение в зависимости от сложившегося понимания, но с обязательным условием его последующего разъяснения в тексте судебного решения [1, с. 22].

Уяснение и разъяснение условий договора в процессе толкования удовлетворяют право на судебную защиту прав и законных интересов физических и юридических лиц, предотвращают ошибки в судебных решениях и играют важную роль в обеспечении справедливых и обоснованных решений.

Таким образом, одну из задач толкования можно определить как устранение неясностей в понимании текста путем уяснения и разъяснения его содержания [8, с. 158].

Толкование-уяснение представляет собой внутренний мыслительный процесс познания, целью которого является формирование понимания исковых требований. Этот процесс основан на применении ряда логических приемов и методов для всестороннего, полного и объективного рассмотрения дела [8, с. 158].

Толкование-разъяснение объясняет мотивы, по которым оно применяет знания, полученные в процессе уяснения. Если есть противоречия — указывает мотивы, по которым они отвергаются полностью или частично [8, с. 158].

В то же время толкование-уяснение и толкование-разъяснение являются одним и тем же правовым феноменом, и их результаты совпадают по объективным обстоятельствам.

Успешное выполнение судом его функции по разрешению спора по существу опосредуется использованием судом соответствующих методов толкования неясных условий, с целью выявить то, на что направлена истинная воля сторон, какое содержание договор имеет и вытекающие из него права и обязанности сторон.

В конечном итоге, суд выносит судебный акт по конкретному делу, который обладает статусом официального толкования, в нем в том числе содержится результат толкования и указание на основания, по которым в связи с обстоятельствами рассматриваемого дела, приоритет был отдан соответствующим методам толкования условий договора [9]. Перечень таких методов предусмотрен ст. 431 ГК РФ. Этому вопросу посвящена отдельная глава данной работы.

Как следствие, для целей настоящей работы под толкованием договора следует понимать деятельность суда по установлению значения неясного волеизъявления, выраженного в условиях договора, с целью определения содержания правоотношений сторон и дальнейшего разрешения дела по существу.

Таким образом, были рассмотрены необходимые элементы, при наличии которых суд может перейти непосредственно к основному этапу — этапу толкования гражданско-правового договора.

Однако, при всей обозначенной важности, за институтом толкования договора закреплён его факультативный характер, поэтому «необходимость в установлении значения спорного условия не может являться самостоятельной целью обращения в суд, а требование об истолковании договора судом самостоятельным способом защиты прав» [10, с. 46].

Особую роль института толкования договора ещё раз подчеркивает то, что «он выполняет не только познавательную, но и социальную функцию, так как его применение позволяет учитывать степень профессионализма сторон, характер распределения взаимных прав и обязанностей между ними, что в свою очередь способствует реализации основных начал гражданского законодательства» [11, с. 17].

Толкование условий договора требуется, когда стороны согласны с тем, что написано в договоре, но не с тем, что означает отраженный в договоре текст [12]. Например, вследствие нечеткости формулировок, содержащихся в договоре [13] Либо в случае, если непонятно выражение воли, или если ее смысл неясен или вызывает сомнения [14, с. 39].

А. К. Байрамкулов указывает [15], что спор о толковании возникает по поводу смыслового содержания положений заключенного сторонами договора. Неопределенность договора часто связана с тем, что у слов есть несколько значений. Поэтому стороны договора могут по-разному понять значение используемых слов, исходя из контекста. Неопределенность договора следует рассматривать как проблему распознавания волеизъявления сторон.

Цель толкования договора состоит в определении содержания прав и обязанностей сторон, заключивших договор [15]. Практическая задача толкования в том, чтобы суд разрешил возникший между сторонами спор. Следовательно, толкование договора — это функция суда, предполагающая разрешения спора по существу. Поэтому оно носит вспомогательный характер.

Какова же основная задача толкования? По мнению одних ученых, под задачей понимается вычленение воли и нахождения предшествующей мысли законодателя в тексте закона. Нахождении того замысла, того определяющего события, которое вынудило законодателя обратить мысли в текст. Иные полагают, что важно понять смысл закона, не опираясь при этом на надобность понимать внутренний порыв и волю законодателя.

Возникает вопрос, при всей сложности законодательной процедуры, когда в разработке закона принимает участие не один человек, разве можно установить их общую волю? Законодатель должен воплотить свою мысль зачастую в очень кратком объеме. Ведь того, чего нет на бумаге, независимо от мыслей законодателя, юридически не существует.

Главная задача законодателя, думается, подобрать максимально точное, полное и емкое выражение для регулирования общественных отношений. И. В. Михайловский считал, что «толкование юридической нормы заключается в раскрытии смысла нормы, насколько он выразился в тексте» [16, с. 705]. Прежде всего, необходимо уразуметь словесный смысл закона, т.н. грамматическое, словесное толкование. «Толкователь должен установить смысл каждого слова нормы в отдельности, выяснить синтаксическое строение нормы и логическую связь между ее частями, принять в расчет стиль автора и затем, основываясь на полученных результатах, определить смысл того сочетания всех разобранных элементов, какое дано в толкуемой норме» [17, с. 41].

Вторая стадия — разъяснение смысла нормы для дальнейшего применения, которое является итогом уяснения и выражается субъектами толкования в соответствующих формах.

Правила толкования договора содержатся в статье 431 Гражданского кодекса Российской Федерации. Со времени принятия ГК РФ законодатель изменил эту статью только косметически. Согласно статье 431 ГК РФ, суды должны исходить из буквального толкования договора. В случае неясности условий — суды могут начать устанавливать общую волю сторон с учетом цели договора.

Однако в конце 2018 года Пленум Верховного суда Российской Федерации в постановлении от 25.12.2018 № 49 [18] (далее — Пленум № 49) описал в пунктах 43-46, какие способы толкования могут быть использованы судами. При этом не указал, как данные способы должны сочетаться с правилами статьи 431 ГК РФ — должна ли быть иерархия способов толкования или суды вправе применять любой способ толкования из указанных в Пленуме № 49 вне зависимости от положений статьи 431 ГК РФ.

В итоге Верховный суд предоставил судам нижестоящих инстанций простор в применении способов толкования. Они получили в том числе возможность применять не поименованные в законе и Пленуме № 49 способы толкования.

Толкование условий гражданско-правовых договоров необходимо давать в духе принципов действующего права.

Верховный суд в своем недавнем Постановлении Пленума в пункте 43 главы, посвященной толкованию договора подчеркнул: «условия договора подлежат толкованию в системной взаимосвязи с основными началами гражданского законодательства, закрепленными в статье 1 ГК РФ, другими положениями ГК РФ, законов и иных актов, содержащих нормы гражданского права (статьи 3, 422 ГК РФ)» [18].

Чтобы выяснить подлинный смысл условия, подлежащего толкованию, должны быть выведены некие универсальные, единые требования, которым институт толкования должен подчиняться.

Такие требования можно представить в виде принципов, которым суд неукоснительно следует, также они лежат в основе у методов толкования. Принцип (лат. *principium* — основа, первоначало) — основное правило поведения, направление для уяснения смысла текста.

Толкование должно осуществляться исходя из принципов добросовестности, разумности и справедливости.

Существование данных принципов, как представляется, выводится из ряда положений ГК РФ, например таких статей как 1, 6, 10, 178, 179, 314, 333, 401, 424, 426, 428, 451 и другие.

Их значимость была провозглашена еще актами времен Российской империи, аналогичные принципы были предусмотрены в главе IX проекта Гражданского уложения: «Договоры должны быть изъясняемы по точному их смыслу, доброй совести и намерению лиц, их заключивших».

Условия договора подлежат толкованию таким образом, чтобы не позволить какой-либо стороне договора извлекать преимущество из ее незаконного или недобросовестного поведения (пункт 4 статьи 1 ГК РФ)» [19, с. 125], — таким образом, закрепленный в Гражданском кодексе в качестве исходного начала принцип добросовестности в последующем конкретизируется в Постановлении Пленума ВС, тем самым официально подтверждая действие принципа добросовестности применительно именно к сфере института толкования гражданско-правового договора. Под добросовестностью толкования подразумевается, что «гражданско-правовой договор должен толковаться честно, исправно и тщательно, исходя из общего смысла намерений, выраженных сторонами в содержании договора» [20, с. 108]. В этом смысле добросовестность является «стандартом поведения, который применяется ко всему процессу толкования, включая проверку текста договора, его контекста и последующей практики применения [21, с. 134], кроме того, полученный результат должен добросовестно оцениваться, иначе говоря, добросовестность представляет собой объективный критерий применительно к конкретным обстоятельствам, а не абстрактную идею». Приведенные ниже правила помогут точнее раскрыть сущность действия принципа добросовестности при осуществлении толкования:

а) презумпция добросовестности сторон при заключении гражданско-правового договора.

Такой вывод следует из положений закона и Постановления Пленума: «...значение условий определяется с учетом их общепринятого употребления любым участником гражданского оборота, действующим разумно и добросовестно (пункт 5 статьи 10, пункт 3 статьи 307 ГК РФ), если иное значение не следует из деловой практики сторон и иных обстоятельств дела» [18].

б) толкование с позиции добросовестного третьего лица.

Между тем, перед судом стоит задача: не оценить поведение сторон, а определить меру их должного или возможного поведения, причем так, чтобы само содержание прав и обязанностей сторон соответствовало принципу добросовестности и ни одна из сторон не могла бы злоупотребить своим правом, опираясь на букву договора. Необходимо сначала спросить себя, как поступило бы абстрактное третье лицо, действующее добросовестно, а затем сопоставить это с поведением сторон. Только в этом случае принцип добросовестности обеспечивает объективность толкования, привносит во внутреннюю мыслительную деятельность внешний ориентир. В связи с этим и сам институт толкования приобретает более глубокий смысл и выходит по своему значению далеко за пределы отдельных договоров, касаясь всего гражданского оборота в целом. С помощью толкования можно не только претворять этот принцип в жизнь, способствуя добросовестному поведению сторон, но и повышать правовую культуру в обществе [22].

Этот принцип «таит в себе такие элементы, как знание о другом, о его интересах; знание, связанное с известным доброжелательством; элемент доверия, уверенность, что нравственные основы оборота принимаются во внимание, что от них исходит каждый в своем поведении» [23, с. 272]. В определенной степени этого схоже с понятием «разумного лица», о котором говорят международные правовые акты, посвященные толкованию договора.

в) Недобросовестность корыстных намерений.

Надлежит считать недобросовестным поведение, когда одна из сторон договора настаивает на текстуальном выполнении требований договора противоположной стороной из соображений собственной выгоды, то же самое относится и к тексту, содержащему очевидную ошибку, которая ставит одну из сторон в выгодное положение и эта сторона им пользуется. Как можно заметить, данный принцип настаивает на выяснении действительной воли сторон, следующей из договора, и не требует всегда полагаться лишь на буквальную интерпретацию положений договора.

Как отмечал еще И. С. Перетерский, добросовестность в толковании — это «искреннее стремление в отыскании смысла договора, закрепленного в его тексте», что выражается, в частности, в правиле о том, что «при толковании следует руководствоваться тем пониманием, которое сложилось у второй стороны, и учитывать то значение, которое ей было (или должно было быть) известно» [24, с. 15].

Итак, применительно к толкованию договоров, принцип добросовестности можно сформулировать следующим образом: «о каких бы способах волеизъявления стороны (письменных, устных, конклюдентных, молчании) ни шла речь, другая сторона вправе руководствоваться обычным пониманием такого изъяснения, принятым в соответствующей отрасли деятельности, рассчитывать на такое понимание и действовать сообразно ему, если между сторонами прямо либо в результате сложившейся между ними практики не принято иное» [25, с. 93]. В случае, если другая сторона, видя ошибку в понимании своего контрагента, не указывает на его ошибку, а равно в случае, если специально вводит его в заблуждение, она признается недобросовестной и несет соответствующие неблагоприятные последствия.

Принцип разумности предполагает, что при осуществлении судом толкования он должен соразмерно корректировать волю и поведение одной стороны с учетом интересов другой. Такая корректировка проводится, отталкиваясь от эталонного поведения, которое должно быть присуще стороне как носителю здравого смысла, обладающему общими представлениями о предусмотрительности и экономической целесообразности, правами и охраняемыми законом интересами других участников гражданского оборота.

Как отмечает В. И. Емельянов, «разумность... это основанный на добросовестности баланс своих и чужих интересов, то есть справедливость действующего субъекта по отношению к другому лицу» [26, с. 78].

На необходимость применения наряду с принципом добросовестности принципа разумности неоднократно указывал Конституционный Суд РФ. В качестве эталона разумности используется психическая или физическая деятельность абстрактного разумного человека, обладающего той же квалификацией и знаниями и помещенного в те же обстоятельства, которые существовали при заключении договора сторонами. При этом, также как и добросовестность, разумность участников гражданского оборота презюмируется [27, с. 15].

Требование разумности при толковании относится, прежде всего, к результатам толкования и проявляется в следующих правилах [24, с. 15]:

а) толкование должно осуществляться таким образом, чтобы договор оставался действительным, а не терял силу.

В Определении ВАС от 8 декабря 2010 г. № ВАС-13970/10 судом подтверждается приверженность данному правилу на практике, в нем речь идет о том, что в тех случаях, когда имеет место быть спор о заключенности договора, суду, при условии учета и оценки всех обстоятельств и доказательств в целом и при наличии возможности и достаточных оснований, следует сохранить, а не аннулировать обязательства, следующие из договора [28]. Такое правило действует по отношению не только к договору, но и к каждому из его условий. В литературе высказывалось предложение по поводу наделения суда правом унавивать значение спорного условия, с учетом соблю-

дения баланса интересов и руководствуясь принципами справедливости и разумности, в требующих того случаях, например, когда стороны не могут достигнуть определенности и ясности того или иного условия договора. Также данное правило закреплено в пункте 44 постановления Пленума № 49: «При наличии спора о действительности или заключенности договора суд, пока не доказано иное, исходит из заключенности и действительности договора и учитывает установленную в пункте 5 статьи 10 ГК РФ презумпцию разумности и добросовестности участников гражданских правоотношений. Если условие договора допускает несколько разных вариантов толкования, один из которых приводит к недействительности договора или к признанию его незаключенным, а другой не приводит к таким последствиям, по общему правилу приоритет отдается тому варианту толкования, при котором договор сохраняет силу» [18].

б) при толковании неясных положений должен быть избран тот смысл, который не является бесполезным.

Е. В. Васьковский в своих трудах выступает за идею избрания для спорного условия того смысла, который бы был в большей степени целесообразным в контексте отношений, урегулированных данным договором. И саму «целесообразность измерять на момент, когда возник спор, а не на момент, когда договор был на стадии заключения» [29].

Истоки данного правила были заложены еще в Древнем Риме, и они гласили: «закон не требует невозможного и закон не предписывает бесполезное» [29].

В постановлении данное правило также прописано: «Толкование договора не должно приводить к такому пониманию условия договора, которое стороны с очевидностью не могли иметь в виду».

в) заявления и иное поведение стороны должны толковаться в соответствии с тем пониманием, которое имело бы разумное лицо, действующее в том же качестве, что и другая сторона при аналогичных обстоятельствах [30, с. 51].

Данное правило и так называемая фикция разумного лица для оценки судом спорных условий более популярны на международном уровне, но сама идея так или иначе имеет свое воплощение во многих правовых системах, в том числе и в российском. Конструкция разумного лица вводится при толковании с целью обоснования позиции с объективной стороны некоего третьего лица со стандартным пониманием и поведением, имеющего достаточный опыт и знания для того, чтобы истолковать условие наиболее вероятным образом [31, с. 10].

Принцип справедливости при толковании гражданско-правового договора выражается в том, чтобы судом мог быть обеспечен оптимальный баланс прав и законных интересов сторон договора и всех к нему причастных лиц, принимая действия и решения, которые характеризуются соразмерностью и пропорциональностью.

«Говоря о принципе справедливости, следует помнить, что справедливость — это категория морали, справед-

ливо то, что воспринимается как должное, сопричастное добру» [32, с. 78].

На основании вышеизложенного можно сформулировать некоторые правила применения принципа справедливости при толковании гражданско-правовых договоров

а) результаты толкования не должны односторонне ущемлять законные интересы одной из сторон.

Официальное закрепление данному принципу дает постановление Пленума № 49: «Условия договора подлежат толкованию таким образом, чтобы не позволить какой-либо стороне договора извлекать преимущество из ее незаконного или недобросовестного поведения (пункт 4 статьи 1 ГК РФ)».

Можно однозначно утверждать, что реализация принципа свободы гражданско-правового договора невозможна без сопутствующей реализации других коррелирующих с ней принципов, таких как равенство, автономия и согласование воли сторон договора. В случаях, когда в возникшем между сторонами споре решается вопрос о толковании и стороны данного договора неравны в своем профессиональном, экономическом или ином другом положении, то, как пояснил Конституционный Суд, равенство будет обеспечено предоставлением преимуществ экономически более слабой и зависимой стороне [33].

Что касается установления стороны, являющейся более слабой, то суд берет в расчет любые формы зависимости одной стороны от другой. А. Ю. Бушев для выявления такой стороны предлагает в качестве критерия зависимости исходить из наличия контроля и степени его распространения, таким образом, кто наделен большим контролем, тот и является сильной стороной в данных договорных отношениях. Наделяя слабую сторону определенными преимуществами, суд не должен переусердствовать и нарушать запрет ущемления прав другой стороны, важно не выходить за рамки достижения цели восстановления баланса интересов [34, с. 45].

Действительно, по-настоящему сильная сторона, может быть, не слишком пострадает, но вред, причиненный справедливости, пагубно отразится на конституционном порядке в целом, на гражданственности и достоинстве многих участников конституционно-правового общения».

Не будет лишним примечание, что суду требуется не столько выяснить справедливо ли условие или нет, сколько являлось ли оно результатом согласованных волей сторон и не было ли навязано слабой стороне. Проще говоря, в том случае если у слабой стороны имелась возможность скорректировать, изменить либо любым другим образом оказать влияние на выработку содержания условий и вытекающие из них обязательства, то считать интересы данной стороны нарушенными будет неправильно.

Гражданский кодекс РФ наделяет присоединившуюся сторону правом требовать изменения или расторжения договора, если такой договор содержит явно обременительные для стороны условия, которые она, исходя из своих разумно понимаемых интересов, не приняла бы

при наличии у нее возможности участвовать в определении условий договора.

б) условия об установлении/ограничении/исключении ответственности расширительному толкованию не подлежат.

Иными словами, условие, касающееся ответственности, должно быть сформулировано таким образом, чтобы не могло быть сомнений в том, что оно применимо к данной конкретной ситуации. Предполагается, что сторона, установившая такие ограничения, имела возможность и должна была настолько четко сформулировать данные условия, чтобы не могло возникнуть никаких сомнений в их применимости. Условия об исключении ответственности должно быть «выражено прямо и недвусмысленно, т.е. закреплено непосредственно. При возникновении каких-либо сомнений в формулировке ограничительного условия оно будет истолковано в ущерб той стороне, которая на него ссылается [34, с. 45].

в) *Contra proferentem*

Главный смысл данного правила заключается в том, что условия должны толковаться против стороны, их представившей [35, с. 5]. Римские юристы полагали следующее: «слова договора следует толковать самым строгим образом против того, кто предложил договор». «В ходе применения данного правила необходимо выяснить от какой стороны исходит предложение и осуществляется профессиональная деятельность, та сторона и будет претерпевает невыгоду толкования в пользу пассивной принимающей стороны» [36, с. 703].

Отечественное законодательство не осталось в стороне и ввиду участвовавшей практики применения данного принципа закрепила его в современном российском праве пунктом 45 Пленума № 49: «По смыслу абзаца второго статьи 431 ГК РФ при неясности условий договора и невозможности установить действительную общую волю сторон иным образом толкование условий договора осуществляется в пользу контрагента стороны, которая подготовила проект договора либо предложила формулировку соответствующего условия. Пока не доказано иное, предполагается, что такой стороной было лицо, профессионально осуществляющее деятельность в соответствующей сфере, требующей специальных познаний (например, банк по договору кредита, лизингодатель по договору лизинга, страховщик по договору страхования и т.п.)» [18].

Применяя данное правило необходимо придерживаться принципа добросовестности и оценивать поведение стороны с той точки зрения, что она проявила разумную осмотрительность при заключении договора. Если сторона такой осмотрительности и заботливости не проявила, а ее положение и статус к этому располагают, то она не может рассчитывать на применение в ее.

г) Толкование сомнений в пользу обязанного лица.

Данное правило известно еще со времен римских юристов. Правило довольно похоже на предыдущее правило *contra proferentem*, поэтому правильным будет их разграничить. Итак, правило толкования в пользу мень-

шего объема обязательств в первую очередь направлено на определение существа обязанностей сторон, а необходимость в правиле *contra proferentem* возникает при оспаривании договора, когда сторона, наделенная большим опытом и знаниями в сфере заключения договора, что делает ее сильной стороной по отношению, например, к присоединяющейся стороне или потребителю, пытается злоупотребить своими правами. По сфере применения правило *contra proferentem* охватывает наиболее обширный круг распространения.

Для правила *contra proferentem* требуется определить сторону, которая настояла на внесении в договор условия, по поводу которого в дальнейшем возникли разногласия из-за его неясности, для правила толкования в пользу меньшего объема обязательств выявление такой стороны вовсе не вызывает необходимости, так как изначально обе стороны находятся в равном положении. Данное правило нацелено на предотвращение случаев обязывания одной из сторон к излишнему исполнению, а *contra proferentem* скорее стремится к применению достаточно жестких мер, таких как наказание за злоупотребление правом со стороны более опытного контрагента.

Схожесть правил наблюдается в том, что они оба могут применяться только лишь после исчерпания всех иных инструментов толкования. Речь идет прежде всего о методах, если их использование не привело к разрешению противоречий сторон, то данные правила могут быть задействованы судом.

Рассмотренные нами принципы должны лежать в основе применения всех остальных методологических инструментов такого правового института как толкование гражданско-правового договора. Они придают всему процессу толкования особую значимость и вне зависимости от того, какие методы и правила суды используют чтобы осуществить этот процесс, руководство основополагающими принципами должно подкреплять каждый проводимый этап и каждое действие суда.

В тех случаях, когда обнаруживается, что стороны договора неодинаково трактовали его условия, практически неминуема ситуация, что исход при принятии какой-либо из предложенных трактовок поставит стороны в неравное положение. Для одной стороны ситуация разрешится благоприятным образом, в то же время другая сторона будет не согласна, так как выдвинутый ей вариант толкования не был принят.

В этих случаях перед судом встает вопрос о методах толкования договора, они закреплены в единственной посвященной этому вопросу статье 431 ГК РФ. При применении данной нормы суд придерживаемся неких последовательно расположенных методов, которые помогают прояснить истинный смысл договора. Методы применяются судом для того, чтобы понять и объяснить спорное правоотношение и разрешить возникший спор.

Выявление подлинного смысла волеизъявления путем судебного толкования условий конкретного договора осуществляется в два этапа. Сначала используются методы ч.

1 ст. 431 ГК РФ, а при невозможности с их помощью устранить неясность и определить содержание договора необходимо установить действительную общую волю сторон с учетом цели договора с применением методов ч. 2 ст. 431 ГК РФ [37, с. 50].

Если суд посчитает правильным избрать для неясного условия смысл соответствующий воле лишь одной из сторон, то интересы другой стороны могут быть ущемлены таким решением, а в глобальном плане, если суды будут действовать так на постоянной основе, это может пагубно сказаться на гражданском обороте в целом. Иная ситуация происходит, когда суд отдает приоритет волеизъявлению, руководствуется исключительно изложенным в договоре текстом и на основе его содержания определяет права и обязанности сторон без обращения к их воле, осуществляя толкование таким формалистским образом суд запросто может поставить в затруднительное положение более слабую или добросовестно заблуждающуюся сторону. В связи с этим, чтобы защитить интересы слабой стороны и имущественного оборота, закон предписывает суду выяснять общую согласованную волю сторон договора.

Но, прежде чем переходить к выяснению общей воли, согласно пункту 1 статьи 431 ГК РФ суду изначально нужно попытаться установить буквальное значение условия договора, если это удалось, то выяснять действительную общую волю сторон нет необходимости: содержание договора признается соответствующим буквальному значению.

Установление буквального значения слов и словосочетаний представляет собой метод толкования договора, при котором объектом толкования является только текст договора. Такой метод ограничивает суд в исследовании доказательств содержания спорного условия, которые подтверждают обстоятельства, прямо не связанные с текстом договора.

Чтобы перейти к использованию следующего метода, суду нужно убедиться в том, что «буквальное толкование не приносит ясности в установление определенного значения условия договора и дабы этого добиться, суд, путем сопоставления неясного условия с другими условиями и смыслом договора в целом осуществляет системное толкование, являющееся вторым методом толкования гражданско-правового договора» [38, с. 17].

Если же и в этом случае не удастся определить содержание договора, то суд переходит к третьему методу толкования, который направлен на выяснение действительной общей воли сторон с учетом цели договора. При этом принимаются во внимание все соответствующие обстоятельства, включая предшествующие договору переговоры и переписку, практику, установившуюся во взаимных отношениях сторон, обычаи, последующее поведение сторон.

«Подытоживая, можно еще раз проследить, что статья 431 Гражданского кодекса предписывает многоступенчатую иерархичную систему толкования, когда задается

приоритетный метод толкования, а далее предписывается «лестница» субсидиарных инструментов толкования, использование каждого из которых допускается при сохранении неясности условия после использования более приоритетного метода» [39, с. 42]. Согласно данной статье, на вершине этой иерархии находится буквальное толкование договора с опорой на прямой, буквальный смысл использованных в договоре слов и выражений. Вторым после него выступает метод толкования с учетом текстуального контекста. При неясности буквального значения толкуемого условия суду разрешается обратиться к его анализу в текстуальном контексте «путем сопоставления с другими условиями и смысла договора в целом». Но часто ни буквальное толкование использованных сторонами в толкуемом условии слов и выражений, ни обращение к текстуальному контексту не позволяет суду выявить однозначный смысл условия [40, с. 17].

Проблема включения в договор условий, которые при интерпретации можно понять в двух, а то и более различных значениях, является крайне распространенной, это можно понять из анализа судебной практики. Причин этому достаточно много, например, заключая договор с компанией, как правило, составление договора будет, скорее всего, основано на типизированной технике выработки договоров. Такому подходу придерживаются не везде, но исключения лишь подтверждают его существование. Так, на контрасте, те компании, которые качественно прорабатывают все договорные нюансы под каждого контрагента персонально, выделяются из ряда тех, кто придерживается «оперативного и универсального» подхода и составляет один шаблон на всех, лишь от случая к случаю подставляя нужные данные, но очень часто сталкивается с последствиями в виде споров, возникающих из-за разного понимания условий сторонами договора. Редко когда можно встретить договор, который бы включал в себя пояснительный глоссарий со значениями встречающихся в тексте терминов, сокращений и др. Кроме того, на практике порой бывают случаи, когда сторона не просто не посодействовала грамотной разработке договорных условий, а вложила в и так неясные договорные условия умышленные для себя выгоды. Используя такой ход, разработчик этих условий вводит контрагента в заблуждение путем намеренного затуманивания содержания условий, чтобы их истинное значение было трудно определить не только другой стороне, но и суду. В итоге российские суды очень часто сталкиваются с необходимостью интерпретивного выбора, не имея возможности механически применять закрепленную в тексте договора волю сторон [40, с. 17].

Законом для такого положения дел предусмотрен метод телеологического толкования, который закреплен в ч. 2 ст. 431 ГК РФ. Он направлен на выявление судом действительной общей воли сторон, которая по каким-то причинам была не полностью либо неточно отражена в договоре. Суд выявляет такую волю посредством приобщения

к исследованию выходящих за рамки договора внешних носителей. Ими могут выступать, как гласит ч. 2 ст. 431 ГК РФ: «предшествующие договору переговоры, переписки, практика, установившаяся во взаимных отношениях сторон, обычаи делового оборота и последующее поведение сторон». Стоит заметить, что выявить в точности действительную волю сторон было бы крайне затруднительно, если не сказать больше, это потребовало бы значительных процессуальных затрат и не факт, что могло бы привести к однозначному результату, суду целесообразнее направить усилия на конструирование наиболее вероятной общей воли сторон. Законодатель пришел к такому выводу исходя из того, что если даже с помощью буквального метода толкования и непосредственного текста договора суду сложно установить ясное содержание его условий и подлинные намерения сторон, то было бы как минимум странно утверждать, что обычаи оборота или последующее поведение могли бы привести суд к более точному пониманию того, что стороны пытались отразить в установленных ими условиях, нежели чем сам договор. Эти дополнительные источники информации, косвенно относящиеся к фактическому тексту договора, могут позволить суду реконструировать наиболее вероятную волю сторон, которая в действительности не всегда совпадает с тем, что на самом деле имели в виду стороны [41, с. 97]. Сама по себе эта замена не является чем-то неприемлемым, по крайней мере, в той степени, в которой суд действительно пытается выяснить, что стороны, скорее всего, имели в виду. Ретроспективное проникновение в сознание договаривающихся сторон в принципе невозможно [42, с. 2].

Но проблема состоит в том, что во многих случаях крайне трудно определить истинную или хотя бы наиболее вероятную субъективную волю сторон, трудности зачастую возникают на этапе доказывания. Но ст. 431 ГК РФ не дает ответа на вопрос, что должен делать суд в такой ситуации. Другими словами, предписанная в этой статье «лестница» методов толкования обрывается, часто не доводя суд до однозначного решения вопроса о смысле договора.

В случае исчерпания всех трех методов толкования, которые не привели к установлению ясного смысла договора, суд основывает свое решение на основании ранее упомянутых правил *contra proferentem* или в пользу обязанного лица.

На основании изложенного, можно сделать вывод, что как правило, под толкованием договора понимается деятельность суда по установлению смысла и значения условий договора, а также определения прав и обязанностей сторон для разрешения спора. Толкование всегда носит дополнительный и вспомогательный характер.

Цель толкования договора состоит в определении содержания прав и обязанностей сторон, заключивших договор. Практическая задача толкования в том, чтобы суд разрешил возникший между сторонами спор. Следовательно, толкование договора — это функция суда, пред-

полагающая разрешения спора по существу. Поэтому оно носит вспомогательный характер.

Толкование договора, которое будет носить официальное значение, составляет функцию суда, которая заключается в разрешении возникшего спора по существу. Это означает, что, уяснив содержание спорного условия или всего договора в целом, а также сделав вывод о его правовой природе, суд вправе принять то или иное решение в зависимости от сложившегося понимания, но с обязательным условием его последующего разъяснения в тексте судебного решения.

Правила толкования договора содержатся в статье 431 Гражданского кодекса Российской Федерации. Со времени принятия ГК РФ законодатель изменил эту статью только косметически. Согласно статье 431 ГК РФ, суды должны исходить из буквального толкования договора. В случае

неясности условий — суды могут начать устанавливать общую волю сторон с учетом цели договора. Но также толкование договора осуществляется на основании положений Пленума Верховного суда Российской Федерации в постановлении от 25.12.2018 № 49. В ходе исследования было установлено, что несмотря на то, что и в России правила ст. 431 ГК РФ адресованы суду, следует расширительно толковать данную норму. Представляется разумным решением наделение публично-правовых субъектов, которые решают споры и чьи решения как решения судов обязательны к исполнению, правом толковать договоры.

Статья 431 ГК РФ устанавливает понятную иерархию методов толкования. Если метод толкования не проясняет условие, то следует переходить к другому методу. Тем самым установлен метод «скольжения».

Литература:

1. Данилова, Е. С. К вопросу о толковании гражданско-правового договора // Научный поиск. — М., 2017. с. 21
2. Ожегов, С. И. Словарь русского языка/Под ред. Н. Ю. Шведовой — М., 2006. с. 653
3. Брагинский, М. И. Договорное право: монография // М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. — Москва: Статут, 2001.-с. 452
4. Давыдова, М. Л., Иваненко О. С. Толкование договора как теоретико-правовая проблема // Вестник Евразийской академии административных наук. — Волгоград, 2019. — № 4. — с. 53
5. Степанюк, Н. В. Толкование гражданско-правового договора: проблемы теории и практики // ИНФРА-М. — М., 2018. с. 12
6. Костикова, А. В. Толкование юридических текстов и основные подходы к толкованию // URL: <https://ppt.ni/news/36362#1>
7. Сосипатрова, Н. Е., Бузова А. Ю. Толкование гражданско-правовых договоров в зарубежной и российской правовых системах // Вестник Нижегородского Университета им. Н. И. Лобачевского. — Нижний Новгород, 2018. с. 124
8. Болонин СЮ. Толкование условий договора и правовых норм, регулирующих договорные отношения // Актуальные проблемы экономики и права. — 2009. — № 1. — с. 158
9. Решение Смоленского районного суда Алтайского края от 20 февраля 2019 г. по делу N 2-45/2019
10. Байрамкулов, А. К. Особенности толкования договора в Российском гражданском праве: дис.... канд. юр. Наук: 12.00.03/Байрамкулов Алан Кемалович. — Москва, 2015. с. 46
11. Степанюк, Н. В. Толкование гражданско-правового договора: проблемы теории и практики // ИНФРА-М. — М., 2018. с. 17
12. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая (постатейный): учебно-практический комментарий/под ред. А. П. Сергеева. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Проспект, 2019. — URL: <http://ebs.prospekt.org/book/40398>
13. Гражданское право: учебник. В 2 томах. Том 3/под редакцией Б. М. Гонгало. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Статут, 2018. — URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=CMB&n=18662&dst=1000000001&>
14. Сарбаш, С. В. Некоторые тенденции развития института толкования договора // Государство и право. 1997. № 2. с. 39.
15. Байрамкулов, А. К. Толкование договора в российском и зарубежном праве. — Москва: Статут, 2016. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=CMB&n=18094&dst=100001&>
16. Хропанюк, В. Н. Теория государства и права. Хрестоматия. М., 1998. 944 с.
17. Васильковский, Е. В. Руководство к толкованию и применению законов. М., 1997. 128 с.
18. Пленум Верховного суда Российской Федерации в постановлении от 25.12.2018 № 49
19. Костикова, А. В. Толкование юридических текстов и основные подходы к толкованию // Анатомия закона. — 2006. — № 2. — с. 125
20. Трунин, А. А. Добросовестность как предпонимание на примере толкования договора // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — Санкт-Петербург, 2015. — № 4. — с. 108.

21. Симонова, Н. С. Добросовестность толкования международных договорных обязательств как элемент механизма обеспечения их выполнения // Сибирский юридический вестник. — Иркутск, 2015. с. 134
22. Степанюк, Н. В. Принцип добросовестности при толковании гражданско-правового договора // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. N 9.
23. Андреева, В. Д. Понимание содержания принципа добросовестности в гражданском праве // Новая наука: проблемы и перспективы. — 2016. — № 8. — с. 272.
24. Костикова, А. В. Значение принципов добросовестности и разумности при толковании предпринимательского договора // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Право. — СПб., 2013. — с. 15.
25. Полдников, Д. Ю. Толкование судом договора и значения слов: опыт общего права // Российское правосудие. — 2010. — № 4. — с. 93.
26. Дорохина, И. Н. Проблемы буквального толкования договора // Цивилист. — М., 2011. с. 78
27. Костикова, А. В. Толкование предпринимательского договора: дис.... канд. юр. наук: 12.00.03/Костикова Анжела Валерьевна. — Санкт-Петербург, 2013
28. Определение ВАС РФ от 08.12.2010 № ВАС-13970/10 по делу № А46-18723/2008 // [Электронный ресурс]: Справочная правовая система «КонсультантПлюс». — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
29. Костикова, А. В. Толкование юридических текстов и основные подходы к толкованию // URL: <https://ppt.ni/news/36362#1>
30. Аксенов, А. Г. Договор международной купли-продажи товаров между субъектами предпринимательской деятельности стран СНГ //Инфотропик Медиа. — М., 2012
31. Байрамкулов, А. К. Толкование договора // Юридический институт «М-Логос» 10 дек. 2015. Тез. докл. — М., 2015. с. 10.
32. Дорохина, И. Н. Проблемы буквального толкования договора // Цивилист. — М., 2011. с. 78.
33. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.02.99 № 4ВП»По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 29 Федерального закона от 03.02.96 «О банках и банковской деятельности» в связи с жалобами граждан» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс
34. Костикова, А. В. Принцип справедливости при толковании предпринимательского договора // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Право. — СПб., 2013. с. 45
35. Карапетов, А. Г. Contra proferentem как метод толкования договора/А. Г. Карапетов // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. — 2013. — № 7. — с. 5.
36. Кузьмина, А. В. Формирование доктрины защиты слабой стороны в договорном праве // Вестник Пермского Университета. — Пермь, 2019. — № 46. — с. 703.
37. Богданов, Д. Е., Богданова С. Г. Способы толкования договора в судебной практике // Вестник арбитражной практики. — Москва, 2018. — № 2. — с. 50.
38. Жижина, М. В. Толкование условий гражданско-правового договора и судебно-лингвистическая экспертиза: от теории к практике // Право и экономика. N1. 2010. С. 17.
39. Сарбаш С. В. Некоторые тенденции развития института толкования договора // Государство и право. 1997. N 2. с. 42.
40. Карапетов, А. Г. Contra proferentem как метод толкования договора // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 7. — с. 17.
41. Логинов, А. С. Концепция толкования договора // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — Краснодар, 2019. — № 2. — с. 97.
42. Карапетов, А. Г. Contra proferentem как метод толкования договора/А. Г. Карапетов // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. — 2013. — № 7. — с. 2.

ИСТОРИЯ

Краткое описание помощи Ганьсу советскими специалистами в период 1950-1960-х гг.

Вэнь Сяо Цин, студент магистратуры
Северо-западный педагогический университет (г. Ланьчжоу, Китай)

Незадолго до основания Китайской Народной Республики, по просьбе Коммунистической партии Китая (КПК), Советский Союз начал направлять технических экспертов для оказания помощи Китаю. Советские специалисты были особой группой в Китае в 1950-х годах, оказывая помощь Китаю в течение более чем 10 лет. Хотя время оказания помощи было небольшим, ее влияние на Китай было продолжительным и глубоким, а предприятия, построенные с помощью Советского Союза, до сих пор можно увидеть в Китае, и даже сейчас они продолжают занимать важное место в промышленности. В 1950-х годах быстрое развитие экономики Ганьсу в основном зависело от движущей силы тяжелой промышленности, и советские специалисты сыграли важную роль в закладке фундамента тяжелой промышленности Ганьсу. В данной статье мы рассмотрим историю помощи Ганьсу со стороны советских специалистов в период 1950-1960 годов, проанализируем влияние советских проектов помощи на экономику и общество Ганьсу в то время, а также изучим последующее влияние этой помощи на провинцию Ганьсу.

Ключевые слова: советская помощь, провинция Ганьсу, 1950-1960 гг.

Brief description help Gansu by Soviet specialists in the period from 1950 to 1960

Wen Xiao Qing, student master's degree
Northwestern Pedagogical University (Lanzhou, China)

Shortly before the founding of the People's Republic of China, at the request of the Communist Party of China (CPC), the Soviet Union began sending technical experts to assist China. Soviet experts were a special group in China in the 1950s, assisting China for more than 10 years. Although the time of the assistance was short, its impact on China was lasting and profound, and the enterprises built with the help of the Soviet Union can still be seen in China, and even now they continue to occupy an important place in industry. In the 1950s, the rapid development of Gansu's economy mainly depended on the driving force of heavy industry, and Soviet experts played an important role in laying the foundation of Gansu's heavy industry. In this paper, we will review the history of Soviet experts' assistance to Gansu from 1950-1960, analyze the impact of Soviet aid projects on Gansu's economy and society at that time, and study the subsequent impact of this assistance on Gansu Province.

Keywords: Soviet aid, Gansu Province, 1950-1960.

I. Контекст помощи

1. Международный контекст

В конце 1940-х — начале 1960-х годов отношения между СССР и Китаем стали тесными в связи с изменением ситуации в мире и усилением «холодной войны». После образования Нового Китая промышленная база была слабой, а экономическое развитие сталкивалось с большими трудностями, поэтому как можно быстрее возобновить развитие национальной экономики и поднять уровень промышленного производства стало насущной проблемой, требующей решения. В этот период Советский Союз оказал

Китаю большую экономическую и техническую помощь. Активное возведение новых и модернизация старых промышленных объектов на Северо-западных территориях КНР после подписания соглашения между СССР и КНР о совместной реализации 156 проектов. «156 проектов» — это условное количество промышленных объектов, возводимых в Китае с поддержкой СССР в период первой пятилетки. В действительности было реализовано лишь 150.

2. Причины выбора провинции Ганьсу

2.1 Ганьсу занимает важное стратегическое положение. Ганьсу расположена в северо-западной части

родины, а Ланьчжоу, столица провинции, находится в центре страны и в северо-западной части страны, и является важным транспортным узлом в северо-западной части страны. Ганьсу малонаселен, а через город Ланьчжоу проходит Желтая река, поэтому здесь имеются благоприятные условия для строительства крупных проектов. Стратегическая необходимость заключалась в том, чтобы строить заводы в тылу, вдали от военных действий. Поэтому именно с этой целью в Ганьсу было организовано больше проектов.

2.2 Ганьсу обладает относительно богатыми минеральными ресурсами. Запасы серебра и других разведанных рудников цветных металлов, особенно меди, занимают важное положение в стране, поэтому создание серебряного завода цветных металлов имеет уникальное преимущество. Нефтяное месторождение Юмэнь в Ганьсу, освобожденное в начале национальной разведки нефти, показало, что извлекаемые запасы нефти составляют почти одну треть национального производства сырой нефти в то время, поэтому нефтеперерабатывающий завод в Ланьчжоу также находится недалеко от завода. Строительство заводов на основе ресурсов было принципом промышленного строительства того времени.

2.3 Ганьсу была экономически отсталой страной, и строительство крупных объектов в отсталых районах способствовало развитию экономики в этих районах.

3. «156 проектов»

3.1. Процесс формирования проекта

Создание «156 проектов» проходило в три этапа: с 1950 по 1952 год было определено 50 приоритетных проектов; с августа 1952 по май 1953 года был определен 91 приоритетный проект; и в 1953 году было принято соглашение «5.15». После заключения соглашения «5.15» в 1953 году, к концу 1954 года, после слияния, отмены и добавления новых проектов, было официально определено 156 ключевых проектов.

В конце 1949 г. Мао Цзэдун возглавил свою первую делегацию в СССР. На первом этапе он провел переговоры на высшем уровне с советским правительством, сделав экономическую помощь наиболее важным вопросом, и подписал соглашение о предоставлении кредитов, технологий, материалов и оборудования для помощи китайской стороне в строительстве. Впоследствии, после большой подготовительной работы, к концу 1952 г. было достигнуто соглашение о том, что Советский Союз окажет помощь Китаю в строительстве и реконструкции 50 ключевых проектов, в основном в таких отраслях, как электроэнергетика, угольные шахты, машиностроение, химическая промышленность, национальная оборона и сырьевые ресурсы.

В августе 1952 г. китайская сторона направила делегацию Центрального Комитета во главе с Премьером Чжоу Эньлаем в Москву для участия во втором этапе встреч с СССР, чтобы узнать мнение советской стороны о Первом пятилетнем плане и обратиться с просьбой о помощи. 15 мая 1953 г. правительства двух стран подписали

Соглашение о помощи Правительства Союза Советских Социалистических Республик Центральному Народному Правительству Китайской Народной Республики в развитии народного хозяйства Китая, основное содержание которого заключалось в том, что правительство СССР в течение последующих шести лет окажет китайской стороне помощь в виде экономической и материальной поддержки 91 ключевого проекта, включая 1 нефтяную промышленность, 12 угольных отраслей, 10 отраслей электроэнергетики, 8 отраслей цветной металлургии, 2 отрасли цветной металлургии и 2 отрасли цветной металлургии. 8 отраслей цветной металлургии, 2 фармацевтические и 1 пищевая промышленность, 7 химических отраслей, 2 отрасли черной металлургии, 16 отраслей машиностроения и 32 оборонные отрасли. Вместе с 50 ключевыми проектами до 1953 г. их было 141.

12 октября 1954 г. китайское и советское правительства достигли соглашения о дальнейшей помощи, добавив в приложение к соглашению третью партию из 15 проектов, таких как энергетика и сырьевая промышленность. К этому времени общее количество проектов помощи, подписанных с Советским Союзом, достигло 156, отсюда и название «156 проектов».

3.2. Основные компоненты проекта

Что касается промышленного состава «156 проектов», то 150 фактически реализованных проектов включали 44 отрасли военной промышленности и 106 отраслей гражданской промышленности, распределенных между 14 отраслями, конкретно разделенными на пять разделов: 44 отрасли военной промышленности, 20 отраслей металлургической промышленности, 52 отрасли энергетической промышленности, 24 отрасли машиностроения и 10 отраслей химической и легкой промышленности. Легкая промышленность 10 позиций. Военная промышленность включает 12 позиций в авиационной промышленности, 10 позиций в электронной промышленности, 16 позиций в оружейной промышленности, 2 позиции в аэрокосмической промышленности и 4 позиции в судостроительной промышленности; металлургическая промышленность включает 7 позиций в черной металлургии, 13 позиций в цветной металлургии, 7 позиций в химической промышленности и 24 позиции в машиностроительной промышленности; энергетическая промышленность включает 25 позиций в угольной промышленности, 25 позиций в электроэнергетике и 2 позиции в нефтяной промышленности; 2 позиции в фармацевтической промышленности и 1 позицию в легкой промышленности.

II. Влияние советской помощи на провинцию Ганьсу

1. Содействие развитию промышленности Ганьсу

Провинция Ганьсу, как важная провинция на Северо-западных территориях КНР, также воспользовалась этой помощью. Из «156 проектов» 8 построены в Ганьсу, плюс вспомогательные и другие промышленные предприятия в общей сложности 16. Тяжелая промышленность, транспорт, городское планирование, оборонная и военная промышленность, инженерное строительство,

сельское хозяйство, водохранилище, высшее образование и другие аспекты Ганьсу были всесторонне развиты при содействии советских специалистов, что заложило прочный фундамент для успешного завершения «Первой пятилетки» в Ганьсу. Реализация этих проектов также заложила прочный фундамент для экономического и социального развития провинции Ганьсу.

Провинция Ганьсу является «Первой пятилеткой» плана национального строительства ключевых районов. Эти национальные ключевые проекты сыграли решающую роль в изменении крайне отсталого промышленного статуса в Ганьсу и даже в Северо-Западном Китае и способствовали экономическому развитию Ганьсу. В то же время, они также создали основу современной промышленности в Ганьсу, превратив Ганьсу в уникальную провинцию тяжелой промышленности с нефтехимией, электроэнергетикой, производством строительных материалов, машиностроением, цветной металлургией, национальной обороной и военной промышленностью и другими дисциплинами. Почти все известные сегодня предприятия тяжелой промышленности в Ганьсу были построены при участии советских специалистов в 50-х гг. Например, сегодняшнее нефтяное месторождение Юмэнь, нефтехимическая компания ПетроЧайна Ланьчжоу, компания Байинь Групп компаний цветных металлов Лимитед и центр запуска спутников Цзюцюань были созданы на основе предшественников, которые были построены при участии советских специалистов.

2. Улучшение транспортной ситуации в Ганьсу

Транспортная ситуация в Ганьсу в то время также была относительно отсталой. Только с 1955 по конец 1958 года Советский Союз направил в Китай 29 экспертов для оказания помощи Первому проектному институту и Первому инженерному бюро Министерства железных дорог. Советские железнодорожные эксперты, приехавшие в Ганьсу, оказали техническую помощь в области общего проектирования строительства железных дорог, мостов и тоннелей, инженерной геологии, геологии водохранилищ, дорожного полотна, станций, водоснабжения и водоотведения, организации строительства, связи и сигнализации, электрификации, электроразведки, гидрологической реализации, организации движения поездов и механического обслуживания. Конкретные железнодорожные линии, задействованные в строительстве, включают: Железная дорога Тяньлань, Железная дорога Баолан, Железная дорога Ланьсин, Железная дорога Ланьцини т.д. С помощью этих проектов транспортная ситуация в Ганьсу была значительно улучшена, что оказало важную поддержку экономическому и социальному развитию Ганьсу.

3. Повышение уровня образования в Ганьсу

С помощью этих проектов уровень образования в Ганьсу был значительно повышен. Советские специалисты также привнесли в высшее образование Ганьсу самый передовой научно-технический опыт и информацию, читая лекции, проводя эксперименты и организуя учебную и исследовательскую деятельность. В Ланьчжоу-

уском университете, Северо-западном нормальном колледже (ныне Северо-западный нормальный университет), Ланьчжоуском медицинском колледже и других колледжах и университетах работало небольшое количество советских специалистов. Например, в Ланьчжоуском университете эксперт Балфенов преподавал курсы для всех преподавателей учебно-исследовательской группы магнетизма, регулярно выступал с докладами на семинарах, проводил дискуссии в классе, руководил студентами при прохождении производственной практики, написании дипломных работ и т.д. Эксперт также лично руководил лекциями для преподавателей повышения квалификации и преподавателей по написанию дипломных работ. Эксперт также лично разрабатывает темы исследований для преподавателей повышения квалификации и аспирантов, которым эксперт дает непосредственные указания.

III. Заключение

Согласно данным «Китайско-советской дружбы в Ганьсу», составленным Ассоциацией китайско-советской дружбы в 1959 году, в 1959 году в Ланьчжоу, столице провинции Ганьсу, находилось в общей сложности 24 советских специалиста, а именно: специалист по гражданскому строительству Ланьчжоуского нефтеперерабатывающего завода Егоров, специалист по монтажу Закинов, специалисты цеха каталитического крекинга: Гиряцев, Недбайлюк, Коробанов, Шешеков, техник по азотной кислоте Ланьчжоуского химического завода Васильев, механики Ланьчжоуского химического завода: Соловьев, Романов, Червенко, специалист по экспериментам с каучуком Койлышко, Ланьчжоуский химический завод: Соловьев, Романов, Червенко, специалист по экспериментам с резиной Койлышко; Ланьчжоуский завод нефтехимического оборудования: Митвitev, Попов, Наумов, Мугунов; Ланьчжоуский завод водоснабжения: Маргайс, Митвitev, специалисты по строительству и проектированию: Семенович Сергей Васильевич, специалист по электрике Ильич; Сигунская ТЭС: Васильев, руководитель группы: Шинко Вич, специалист по котлам: Змаил Земалиев, Виши, специалист по котлам: Змалески, специалист по сварке: Чевичелов. Это лишь небольшая часть советских специалистов, помогавших в строительстве Ланьчжоу в 1959 г., которые были учтены в пропагандистских материалах китайско-советской дружбы в Ганьсу в 1959 г., а советских специалистов, помогавших в строительстве Ланьчжоу, было гораздо больше, чем этих.

Советская помощь Ганьсу в период 1949-1960 гг. была важной частью дружеских и кооперативных отношений между Китаем и Советским Союзом. Хотя в начале 1960-х гг. советская помощь Ганьсу постепенно сократилась, ее влияние на экономическое и социальное развитие Ганьсу было далеко идущим. Во-первых, проекты, построенные за счет советской помощи, заложили прочный фундамент для экономического и социального развития Ганьсу. Эти проекты не только повысили уровень промышленности, транспорта и образования в Ганьсу, но и обеспечили важную поддержку

для последующего развития. Во-вторых, проекты, осуществленные при советской поддержке, оказали положительное влияние на политическую и социальную стабильность Ганьсу. Реализация этих проектов облегчила существовавшие в то время в обществе проблемы нехватки рабочих мест и материальных средств, а также помогла сохранить социальную стабильность и способствовать экономическому развитию. Наконец, советские проекты помощи оказали положительное влияние на последующее развитие международных отношений. Реали-

зация этих проектов способствовала углублению дружеских отношений и отношений сотрудничества между Китаем и Советским Союзом, а также послужила важной поддержкой и ориентиром для последующих международных обменов и сотрудничества. Поэтому мы должны в полной мере оценить важность и ценность такой помощи, чтобы лучше содействовать экономическому и социальному развитию Ганьсу, а также дружественным и кооперативным отношениям между Китаем и Советским Союзом.

Литература:

1. 杜亮亮. 1952–1964年苏联援助建设兰州工程研究 [D]. 西北师范大学, 2015.
2. 冯志萍. 苏联专家在甘肃工作的真实记录 [J]. 档案, 2007, (04): 34–35.
3. 牟慧芬. 甘肃工业的奠基之举 — 浅谈“一五”时期甘肃重点工程建设 [J]. 社科纵横, 2008, (3): 37–40.
4. 唐相龙. 苏联专家指导的兰州首轮总规编制历史回顾及要点解读 [J]. 建筑与文化, 2017, (03): 104–107.
5. 王虎. 苏联专家援甘研究 (1950–1960年) [D]. 西北师范大学, 2020.
6. Александрова Мария Викторовна. «Экономика Северо-Восточного Китая и советская помощь КНР в 50-х годах XX века» Китай в мировой и региональной политике. История и современность, vol. 18, no. 18, 2013, pp. 326–348.
7. Макеева Светлана Борисовна. «История и современное состояние региональных промышленно-производственных объектов северо-востока КНР, реализованных при помощи СССР в 1950-е годы» Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения, vol. 19, no. 3, 2019, pp. 349–355.
8. Расулов Ровшен. «156 ключевых промышленных проектов КНР» Вестник науки и образования, no. 14-3 (92), 2020, pp. 35–37.

Историография народов Северного Кавказа в первой половине XVIII века

Касумян Анастасия Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Федина Ирина Михайловна, кандидат исторических наук, доцент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Данная статья посвящена истории Северного Кавказа — уникального во многих отношениях региона России, представляющего особый интерес для иностранных исследователей, путешественников и ученых. Важность предлагаемой темы вытекает из особенностей изучаемого региона и определяется как разнообразием естественно-географических, геополитических условий, так и многонациональным и поликонфессиональным составом населения.

Ключевые слова: Северный Кавказ, народности, иностранные путешественники и ученые

Особым периодом в истории становления кавказоведческой науки является 1724 год — указом Петра I учреждена Петербургская академия наук. Со времени основания высшего научного учреждения в Российской империи начинаются комплексные разработки экспедиционных мероприятий. Период активных научных исследований территории Кавказ приходится на вторую половину XVIII и до XIX в. В 1747 г. в академии был создан раздел «истории и древности». Основное внимание было направлено на сбор и публикацию исторических источников, организацию «научных путешествий» для получения сведений о народах и регионах страны.

Северо-Западный Кавказский регион из покон веков являлся объектом пристального изучения по нескольким причинам. Прежде всего географическое расположение

Кавказа позволяло связывать Ближний и Средний Восток с Юго-Восточной Европой. Через просторы Кавказа проходил один из ключевых и важных торговых путей — Великий шелковый путь, который брал начало в Китае, далее простирался через всю Среднюю Азию, проходил по территории Нижнего Поволжья, Северному Кавказу и Закавказью и оканчивался в Восточной Римской империи — Византии. Стоит отметить, что торговые каналы Кавказа всегда обладали военно-стратегическим статусом, и активно использовались в контексте международной политики на Ближнем Востоке.

Но XVIII веке международная обстановка между тремя крупнейшими державами Россией, Персией и Турцией обостряется. В петровскую эпоху начинается процесс присоединения кавказских земель к Российской империи.

Безусловно частичное вхождение земель требовало планомерной политики интеграции автохтонных кавказских народов в общероссийское политическое пространство, с последующей адаптацией в культурное пространство.

XVIII век характеризуется количественным увеличением путешественников, исследователей на территорию Северного Кавказа. В XVIII веке кавказский регион становится объектом повышенного интереса западноевропейских государств. Соответственно увеличивается качественный объем трудов, написанных иностранными авторами о северокавказских народах. Изучением не только Северного Кавказа, но в целом России занимались ученые, военные, государственные деятели, путешественники, дипломаты, землеустроители, миссионеры и др. В их числе на русской службе состояло некоторое количество иностранных лиц.

Кавказовед М. О. Косвен считал, что петровское время «было началом организованного и систематического изучения Кавказа и его народов» [5]. XVIII век — это возможность более широкого ознакомления почти со всеми народами Северного Кавказа, но как и в предыдущие периоды центральной темой для многих европейцев остаются адыгские племена.

В XVIII веке среди западноевропейских путешественников и ученых качественно и количественно преобладали французские авторы. Это связано с активизацией колониальной политики на Ближнем Востоке. В начале XVIII века значение итальянской торговой политики в черноморском регионе приходит в упадок. Итальянское государство не имеет возможности более поддерживать конкуренцию с Англией и Францией. Франция имела прочные связи с Османской империей и Крымским ханством. Следовательно, преобладающее большинство западноевропейских авторов, имевших возможность собрать информацию о кавказских народах, были французы, в том числе Ферран, французские консулы Ксаверио Главани и Карл Пейсонель.

Ферран, по национальности считался французом, но на сегодняшний день о нем сведений представлено сравнительно мало. Его труд «Путешествие из Крыма в Черкесию, через земли ногайских татар, в 1709 году», опубликованный в России в 1842 году в «Русском вестнике» № 4, представляет путевые заметки, составленные бегло и несистематично, но историки не исключают их научной ценности на сегодняшний день и являются объектом исследования многих кавказоведов. Большую часть работы Ферран уделяет общественно-политическому строю черкесов, взаимоотношениям черкесских князей и крымского хана. Ферран сам отмечал в своих записях, что его путешествие организовано из любопытства. Особенно автора привлекал вопрос обращения и распространения католичества среди северокавказских народов. Описание Черкесии Ферраном по своему содержанию на сегодняшний день является достаточно ценным дополнением к трудам К. Главани и де ла Мотрэ.

Французский консул и первый врач крымского хана — Ксаверио Главани, по национальности был итальянцем, с такой же подробностью и рассудительностью, как и Интериано описывает адыгов в своей работе «Описание Черкесии», скорее всего труд был написан на итальянском языке, опубликованном в 1724 году в г. Бахчисарае. Служебное положение Главани позволяло ему пользоваться официальными документами о Черкесии, в канцелярии крымского хана, а также проводить беседы с крымскими чиновниками, не раз посещавшими Черкесию и хорошо знавших черкесские дела. Также обстоятельно Главани лично беседовал с черкесскими беями, расспрашивая их об интересующих автора вопросах, некоторые встречи были организованы благодаря содействию крымского хана, например, беседа с кубанским ногайцем, который по мнению хана мог сообщить интересующую Главани информацию. Стоит обратить внимание, что в своем труде Главани упоминает также о ногайцах, абазинах, карачаевцах, осетинах, ингушах и других народах Северного Кавказа.

Из представителей французской исследовательской традиции необходимо выделить французского дворянина и дипломата А. де ла Мотрэ. На Северном Кавказе Мотрэ оказался случайно, поскольку его целью было Крымское ханство для выполнения дипломатического поручения короля Карла XII. В 1724 году выходит в свет труд Мотрэ «Путешествие господина А. де ла Матрэ в Европу, Азию и Африку...», изданный в двух томах и посвященный английскому королю Георгу I. Также работа переиздана в Гааге уже с дополнениями и исправлениями на французском языке.

В период с 1701 по 1707 годы по Кавказским территориям путешествовал живописец голландского происхождения Корнес де Брейн, после своего путешествия он оставил подробные путевые заметки, а также зарисовки на листах бумаги и холстах, описывающих памятники древности, исторические сведения и бытовые наблюдения сделанные по дороге следования по Кавказу.

В период персидских походов начинается первая волна научных описаний Северо-Восточного Кавказа. Одним из его участников был немец по происхождению, капитан русской артиллерии Иоганн-Густав Гербер. В период с 1726 по 1729 гг. он являлся членом комиссии по установлению русско-турецкой границы. Четыре поездки Гербера в разные районы Северного Кавказа позволили собрать интересный, разнообразный и довольно подробный для своего времени материал по истории и этнографии народов, населяющих этот регион. Личные наблюдения и впечатления, а также привлеченные письменные источники легли в основу его сочинения «Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря, между Астраханью и рекой Курой, народах и землях и об их состоянии в 1728 году». Полный текст сочинения был издан Берлинской Академией наук на французском языке в 1756 г., в редакции Г.-Ф. Миллера на немецком и русском языках в 1760 г. Следующее его издание состоялось лишь в 1958 г.

Труд Гербера является ценнейшим источником по социально-экономической и политической истории горских народов, истории их взаимоотношений друг с другом, с Россией, Ираном и Турцией. Он, по справедливой оценке, кавказоведа В. Г. Гаджиева, занимает особое место среди источников первой трети XVIII в. по истории народов Северного Кавказа как по широте охватываемых периодов, так и по достоверности [1]. Одновременно с текстом сочинения Гербером была составлена «Карта земель и народов по западному берегу Каспийского моря между Астраханью и Курой» (отпечатана в 1736 г.). Это была одна из первых в русской картографии составленных карт данных территорий.

Сочинения Гербера — еще и важный историографический источник. Это первая в отечественной исторической литературе работа, в которой сообщаются сведения о древнем городище Маджары, дается его обстоятельное описание. Учитывая, что остатки города постепенно исчезали, разрушаясь под воздействием времени и хозяйственной деятельности новых поселенцев, Гербер был одним из тех, кто застал руины Маджар, как напишет позже Клапрот, в их «наилучшей сохранности», «в особенности потому, что никто из его последователей не обнаружил их в столь совершенном состоянии, в коем он их увидел». С именем Гербера связано и появление в историографии ошибочной точки зрения о происхождении Маджара. Жителями города, по его мнению, были «основатели королевства Венгрии родом из этого края».

Перечень исследователей, путешественников, любителей, посещавших Северный Кавказ обширен. В работе приведены лишь некоторые из них, по подсчетам кавказоведа М. А. Полиевктова, в XVIII веке более ста только европейских путешественников проезжали через кавказский регион, большая часть трудов путешественников представляется достаточно ценной, и представляет собой содержательные источники по истории народов Кавказа [6].

М. А. Полиевктот отмечает, что, работая с этими источниками, во-первых, необходимо учитывать тот факт, что они были созданы людьми, попавшими в новую для них «природную и культурную среду», в результате чего «повышалась впечатлительность и обострялось желание в той или другой степени зафиксировать свои впечатления и наблюдения». Во-вторых, «всякое путешествие в другие страны почти всегда прямо или косвенно есть определенный социально-политический заказ», что накладывало своеобразный отпечаток на характер исторических трудов, отбор и фиксацию материала, конкретных исторических фактов [6].

При анализе трудов исследователей XVIII в. следует учитывать и те изменения, которые произошли в развитии науки, в том числе истории, археологии, этнографии. Именно в это время проявляется интерес к памятникам, начинается сбор археологических сведений и этнографических материалов. Еще нет четкого определения предмета и задач кавказоведения как науки, однако уже видна общая тенденция понимания учеными значения материалов для исторического исследования.

Литература:

1. Гаджиев, Г. В. Мастера отечественного кавказоведения —
2. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2005. — 664 с.
3. Главани, К. Описание Черкессии. Тифлис, 1893. — 44 с.
4. Дегоев, В. Кавказ в трудах европейских авторов XVIII века/В. В. Дегоев // Известия СОИГСИ. — Владикавказ, 2018. — с. 96-110.
5. Клапрот, Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах по приказанию русского правительства Юлиусом фон Клапротом, придворным советником Его Величества императора России, членом Академии Санкт-Петербурга. — Нальчик: Издательство «Эль-Фа», 2008. — 77 с.
6. Косвен, М. О. Материалы по истории и этнографии Кавказа в русской науке. — Москва: Издательство восточной литературы, 1961. — 263 с.
7. Полиевктот, М. А. Европейские путешественники XIII-XVIII вв. по Кавказу. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 184 с.
8. Сталь, К. Ф., Этнографический очерк черкесского народа // К. С. Т. 21. Тифлис, 1900.

Постсоветский историографический период исследования казачества 1930-х гг.

Клименко Константин Максимович, студент магистратуры

Научный руководитель: Матвеев Олег Владимирович, доктор исторических наук, профессор

Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье автором рассматриваются постсоветские историографические проблемы изучения социально-экономической жизни и деятельности казачьих сообществ Юга России в 1930-е гг. Цель данной работы обусловлена необходимостью изучения истории казачества на основе принципов объективности и историзма в условиях ограниченности источниковой базы и литературы. Кубанское, Донское и Терское казачество в условиях сталинской модернизации 1930-х гг. — уникальный период отечественной истории, аспекты и суть которого изучены и вовсе очень мало. Требуется многополярно и объективно проанализировать историографию выбранного периода и использовать материал и литературу в новых условиях, чтобы сформировать независимое от сторонних факторов представление о жизни южного казачества. Неоднозначность, многообразие мнений и форм освещения деятельности казаков в 1930-е гг. сказываются на восприятии данной группы населения и в современной социальной жизни.

Ключевые слова: постсоветский период, сталинский режим, советское время, казачество, историография, Кубань, Дон, Терек.

Постсоветский (реформационный) период историографии жизнедеятельности казачества третьего десятилетия XX века, начало которому было положено развернутой в СССР во второй половине 1980-х гг. «перестройкой» (а затем и крушением советской системы в начале 1990-х гг.), существенно отличается от двух предшествующих периодов. Причем, отличия эти не столько количественные, сколько качественные. Точнее, качественные отличия постсоветского периода историографии от двух советских намного более заметны и впечатляющи, по сравнению с отличиями количественными.

Говоря о количественных различиях между выявленными нами периодами историографии, мы имеем в виду, прежде всего, объем источниковой базы, численность научных исследований по конкретной исторической проблеме (в данном случае — по проблеме социального положения и развития казачьих сообществ Юга России в конкретно-исторических условиях советской общественной системы 1930-х гг.), перечень вопросов, детально рассмотренных в этих исследованиях в рамках определенного концептуального подхода, и т.д. В постсоветский (реформационный) период научного осмысления рассматриваемой нами темы изменения количественного характера, безусловно, не только имели (и имеют) место, но и являются весьма существенными. В связи с возросшей открытостью архивов заметно расширился круг документов и материалов, вовлеченных исследователями в научный оборот (а это, в свою очередь, является одним из условий углубления научного анализа и детализации в освещении тех или иных аспектов минувшей реальности). Многократно возросла численность научных исследований по истории российского казачества. В этом легко убедиться, просмотрев приведенный в энциклопедии «Казачество» (Москва, 2008 г.) список диссертаций по указанной тематике, защищенных в советское время и в постсоветский период [1, с. 698].

Но, сколь бы ни были впечатляющи произошедшие во второй половине 1980-х — начале 2000-х гг. количественные сдвиги в процессе научного осмысления истории российского казачества (и, в частности, такого ее этапа, как 1930-е гг.), качественные изменения не только еще более заметны, но и гораздо более важны. Дело в том, что в ходе радикальных общественно-политических преобразований конца 1980-х — 1990-х гг. был разрушен диктат марксистской моноидеологии и ученые получили уже не декларированную, а действительную свободу научного творчества. Впервые за десятки лет исследователи смогли приступить к анализу наиболее острых, и потому ранее табуированных, вопросов истории российского (в том числе и южно-российского) казачества конца 1920-х — 1930-х гг. Впервые была проведена работа по закрытию пробелов, образовавшихся в советскую эпоху в историографии жизни и деятельности казачества России 1930-х гг. Причем, работа эта велась с привлечением значительного (и с каждым годом все более увеличивающегося) массива прежде засекреченных архивных материалов, анализ которых позволял специалистам с большей полнотой и отчетливостью отобразить всю сложность и неоднозначность так называемых «социалистических» преобразований в жизни казачества, осуществленных сталинским режимом — на протяжении третьего десятилетия XX века. Введение в научный оборот значительного объема новых источников не только являлось необходимым условием заполнения «белых пятен», но и способствовало существенной корректировке и переосмыслению прежних суждений, оценок и выводов относительно судьбы и жизнедеятельности казаков (в том числе донцов, кубанцев, терцев) в 1930-х гг. В данном случае количественные изменения в процессе научного осмысления рассматриваемой нами темы вполне закономерно перерастали в изменения качественные, гносеологически значимые для историографии.

Можно выделить ряд специфических характеристик и тенденций, присущих в постсоветский период южнороссийской региональной историографии положения и жизнедеятельности казачества Кубани, Дона, Терека 1930-х гг. Следует, впрочем, оговориться, что эти характеристики и тенденции носят не региональный, но темпоральный характер. Они отличают сформированный в постсоветский период комплекс научных исследований о «колхозном казачестве» Юга России от работ на ту же тему, выходивших в советское время, но практически не выделяют его на фоне общероссийской историографии коллективизации. Разумеется, говоря о схожести в постсоветский период региональной и общероссийской историографии коллективизации и жизнедеятельности колхозной деревни 1930-х гг. (в том числе коллективизированных сел и станиц Юга России), мы имеем в виду подходы к пониманию минувшей реальности и методы исторического исследования, а не тематику работ. Ведь о кубанских, донских, терских казаках, об их судьбе в период «колхозного строительства» пишут, как правило, ученые Дона, Кубани, Ставрополя и Терека, а не других регионов нашей страны.

Переходя к рассмотрению вышеозначенных специфических характеристик, и тенденций, присущих южнороссийской региональной историографии «колхозного казачества», стоит отметить следующее. Во-первых, во второй половине 1980-х — начале 2000-х гг. на Юге России возрастает количество работ, в которых казаки советского времени (как правило, 1917-1945 гг.) либо являлись предметом научного анализа, либо же вопросы истории казачества 1930-х гг. затрагивались здесь в той или иной мере при освещении иных проблем. Тем самым, удалось преодолеть присущую советской историографии тенденцию, заключавшуюся либо в прямом замалчивании казачьей проблематики, либо в недостатке внимания к ней (едва ли единственным исключением являлась кампания «за советское казачество», когда исследовательский интерес к жизни и деятельности коллективизированных казачьих сообществ Дона, Кубани и Терека был стимулирован правительственными органами Советского Союза).

Во-вторых, в постсоветский (реформационный) период южно-российские исследователи сосредоточили внимание на наиболее острых и болезненных аспектах казачьей истории 1930-х гг. — антиказачьих акциях периода коллективизации, сопротивлении казаков давлению власти, Великом голоде 1932-1933 гг., и т.п. В данном случае качественные различия между советскими и постсоветскими периодами историографии проявляются весьма ярко, так как вплоть до конца 1980-х гг. исследователи не имели возможности анализировать вышеперечисленные вопросы, вследствие чего в научной литературе образовались внушительные исторические пробелы.

В-третьих, в конце 1980-х — начале 2000-х гг., в связи с ликвидацией примата марксистской моноидеологии и появлением ряда совершенно новых исследовательских подходов к осмыслению прошлого, южно-российскими исследователями были предприняты попытки выбраться

из достаточно изученной в советской историографии колеи и рассматривать не только социально-экономические или общественно-политические процессы в казачьих станицах и районах, а и трансформации быта, культуры, менталитета казаков в условиях «колхозного строительства». Численность работ, в которых повседневность и ментальность южнороссийского казачества 1930-х гг. являются предметом исследования, нельзя назвать значительной. Тем не менее, внушает оптимизм уже тот факт, что учеными Юга России не оставлено без внимания это, весьма перспективное, направление научного поиска.

В постсоветский период, как и ранее, вопросы положения и жизнедеятельности казачества Юга России в 1930-х гг. нередко затрагивались в работах, посвященных коллективизации, формированию сталинского режима, взаимоотношениям советского общества (точнее, регионального южно-российского сообщества) и партийно-советских органов, аграрной политике большевиков в конце 1920-х — 1930-х гг. [2, с. 84]. Но, если в работах 1930-х — первой половины 1980-х гг. внимание в основном акцентировалось на проколхозной и просоветской активности казаков, то в постсоветский период освещались репрессивные акции сталинского режима, направленные против крестьян и казаков, протест сельских жителей против модернизации «по-сталински», нарастание негативных тенденций в социально-экономической сфере в период коллективизации, приведших к голоду 1932-1933 гг., и т.п. [3, с. 87]. И хотя специальные работы по нашей проблеме отсутствуют, но есть исследования, которые начинают постепенный пересмотр позиций советской историографии.

Прежде всего, необходимо отметить монографии А.В. Баранова, в которых был осуществлен детальный анализ таких вопросов, как развертывание политики «чрезвычайщины» в Северо-Кавказском крае в конце 1920-х гг., нарастание административно-налогового давления на крестьянские и казачьи хозяйства и протестная реакция сельских жителей, в том числе и казаков [4, с. 32]. Определенное внимание положению казачьих сообществ Северо-Кавказского края в конце 1920-х гг. уделила и Н.А. Токарева, анализирувшая процессы слома нэпа в южнороссийской деревне [5, с. 103].

В ряде исследований, в которых предметом научного анализа выступали репрессивно-караательные акции сталинского режима, затрагивались вопросы взаимоотношений советской власти и казачества на протяжении 1930-х гг. [6, с. 210]. Отдельного упоминания заслуживают работы Е.Н. Осколкова, в которых впервые в южно-российской историографии был осуществлен взвешенный научный анализ Великого голода 1932-1933 гг. (поразившего и казачьи регионы) и депортации жителей «чернодосочных» станиц, населенных, как правило, в основном казаками. Основные суждения и выводы Е.Н. Осколкова впоследствии оказались подкреплены в публикациях других исследователей [7, с. 223].

Необходимо также выделить одну из последних при жизни монографий известного ростовского исто-

рика А.И. Козлова, основанную на ранее закрытых материалах архивов ФСБ. Здесь, в частности, обстоятельно рассмотрен процесс формирования тайной организации А.С. Сенина (прототипа есаула Половцева из «Поднятой целины») — одной из первых законспирированных казачьих организаций, направленных против насильственной коллективизации, против непомерного административно-экономического давления сталинского режима на советскую деревню.

Поскольку в постсоветский период неизмеримо возрос исследовательский интерес к «человеческой» истории, к исторической повседневности, на Юге России появился целый ряд работ, посвященных отдельным населенным пунктам или районам, в том числе таким, в которых в 1930-х гг. наличествовали или преобладали казачьи сообщества [8, с. 67]. Причем, в процессе реконструкции исторического прошлого этих станиц и районов исследователи делают упор на освещении не социально-экономического развития (как это было в советский период, когда краеведческие очерки нередко превращались в нечто, напоминающее статистические описания), а на жизни простых людей и на том влиянии, какое оказывали на нее грандиозные преобразования 1930-х гг., и, в первую очередь — сплошная форсированная коллективизация. Несомненным достоинством такого рода исследований является то, что они построены преимущественно на воспоминаниях очевидцев и современников событий; следовательно, они содержат информацию, дефицит которой остро ощущается в таких, например, важных источниках, как архивные документы и материалы. Данные работы, несмотря на присущую им описательность и некритическое отношение к свидетельствам современников «колхозного строительства», в определенной мере позволяют детализировать наши представления о процессе осуществления коллективизации в казачьих станицах Кубани, Дона и Терека, о действиях представителей власти и «активистов» в 1930-х гг., о реакции казаков на «социалистические» преобразования, об изменениях казачьей повседневности, и т. д.

Наконец, следует обосновать приведенное выше утверждение о том, что в постсоветский период на Юге России заметно возросла численность научных работ, специально посвященных осмыслению советского этапа исторического пути кубанского, донского, терского казачьих сообществ. Можно назвать целый ряд монографий и коллективных трудов, а также различных публикаций, в которых анализировалось советское прошлое донцов, кубанцев, терцев, причем на основе новых теоретико-методологических подходов и с привлечением значительного массива новых документов и материалов.

Нередко в тех или иных работах рассматривались вопросы истории казачества 1930-х гг., начало освещению которых было положено еще в советскую эпоху. Однако анализ различных аспектов жизнедеятельности «колхозного казачества» и его сложных взаимоотношений с властью, осуществлявшийся в постсоветский период, отли-

чался большей глубиной и объективностью, вследствие снятия идеологических запретов и ограничений. Так, Г.Л. Воскобойников детально рассмотрел процесс вовлечения казачества в Красную Армию, выявил специфику военной службы казаков, охарактеризовал казачьи подразделения в составе вооруженных сил Советского Союза. И.Я. Куценко, стремясь более подробно проанализировать кампанию «за советское казачество», предпринял попытку установить, в чем именно заключались ограничения по службе казаков в РККА, устраненные апрельским (1936 г.) постановлением ЦИК СССР.

Наряду с этим, исследовались и те вопросы казачьей истории, которые в советский период относились к числу табуированных, поставленных за пределы внимания, как ученых, так и общества. Как правило, внимание специалистов акцентировалось на репрессивно-карательных мерах сталинского режима в отношении казаков и на сопротивлении последних государственному насилию в период «колхозного строительства». Такие вопросы затрагивались и анализировались едва ли не во всех указанных выше статьях и монографиях И.И. Алексеенко, В.А. Бондарева, И.Я. Куценко, Т.И. Славко, в коллективной монографии «Донские казаки в прошлом и настоящем», и т. д.

Следует констатировать, что на протяжении постсоветского периода в южно-российской региональной историографии проблемы жизнедеятельности казачества в 1930-х гг. наблюдаются заметные позитивные сдвиги, выразившиеся в освещении специалистами целого ряда вопросов, ранее практически не привлекавших внимания исследователей или находившихся под прямым запретом. Все это способствует детализации наших представлений о таком драматичном и противоречивом этапе истории донского, кубанского, терского казачества, как третье десятилетие XX века.

Вместе с тем, в постсоветский период, так же, как и в советскую эпоху, во многих работах наблюдалась неоправданная поляризация оценок положения и жизнедеятельности казачества в условиях «колхозного строительства». Но, если в советский период внимание историков фиксировалось преимущественно на позитивных изменениях в казачьих станицах по итогам коллективизации, то в постсоветский период возобладала уже прямо противоположная тенденция. В этой связи ростовский историк П.Г. Чернопицкий справедливо отмечал, что «на волне интереса к возрождению казачества ряд авторов настойчиво внедряют в обыденное сознание мысль о том, что Советская власть все время проводила по отношению ко всему казачеству только одну, репрессивную политику» [9, с. 277]. Этому утверждению нельзя отказать в справедливости. Действительно, в подавляющем большинстве научных и околону научных работ о судьбе казачьих сообществ в Советской России, издававшихся в конце 1980-х — начале 2000-х гг., акцентировалось внимание на антиказачьих акциях большевиков, проводившихся ими в условиях Гражданской войны и во время коллективизации. Напротив, проказачьи мероприятия партийно-советских

органов, осуществлявшиеся в 1920-х — 1930-х гг. с целью интеграции казаков в советское общество и использования в интересах СССР военно-патриотического потенциала казачества, чаще всего либо вовсе не рассматривались, либо упоминались лишь мельком, как частный сюжет.

В результате в глазах ученых и публицистов, исповедовавших такой негативистский подход, казачество как бы растворялось в однородной массе колхозников и исчезало с исторической арены к середине 1930-х гг., возникая вновь лишь в связи с началом Великой Отечественной войны. Очередное свидетельство устойчивости такого подхода, самым существенным образом обедняющего наши представления о казаках советского времени, содержится в весьма представительном и информативном сборнике документов «Ростовской области — 70 лет (1937-2007 гг.)», изданном в Ростове-на-Дону в 2008 г. Сборник, в который вошло значительное количество документов и материалов из ведущих архивных хранилищ Дона, представляет собой, по меткому замечанию его составителей, «своеобразный отчет о социально-экономическом и культурном развитии области с момента ее создания» [10, с. 5]. В нем содержится массив интереснейшей и нередко уникальной информации об административном оформлении Ростовской области, о ее экономическом, социальном, культурном развитии, общественно-политической жизни и, помимо прочего, — о донском казачестве. Составители сборника посвятили специально казачеству

один из его разделов, и этот факт нельзя расценить иначе, как положительно. Но вот содержание раздела рождает закономерные недоуменные вопросы, так как в нем сосредоточены документы, отражающие историю казачьего сообщества Дона лишь с 1990 г.; в предисловии к разделу также идет речь исключительно о постсоветском этапе исторического существования донцов. Подобный подбор материала вряд ли можно признать обоснованным и правомерным. Ведь Ростовская область была создана постановлением ЦИК СССР 13 сентября 1937 г., а еще в феврале 1936 г. официально стартовала кампания «за советское казачество», в ходе которой партийно-советские органы и пресса, до этого лишь изредка упоминавшие о казаках, стали писать и говорить о них если не регулярно, то достаточно часто.

Говоря в целом о постсоветском периоде историографии, можно выделить две тенденции. С одной стороны, в связи с распадом Советского Союза наметились позитивные сдвиги в плане освещения вопросов жизни казачества 1930-х гг., которые ранее не затрагивались, из-за диктата в научной сфере марксистской моноидеологии. С другой стороны, во многих работах наблюдалась неоправданная поляризация оценок положения и жизнедеятельности казачества в условиях «колхозного строительства». Однако в деле корректировки и пересмотра советских трактовок жизнедеятельности казачества в условиях «колхозного строительства» южнороссийскими исследователями были сделаны лишь первые шаги.

Литература:

1. Казачество. Энциклопедия/гл. ред. А.П. Федотов. — М.: Энциклопедия, 2008. — 720 с. — Текст: непосредственный.
2. Кущетеров, Р.М. Советское крестьянство в условиях тоталитаризма/Р.М. Кущетеров. — Черкесск: Пул, 1995. — 216 с. — Текст: непосредственный.
3. Шаповалов, В.А. Аграрная политика советского государства на Ставрополье в середине 30-х годов/В.А. Шаповалов, А.В. Игонин. — Текст: непосредственный // Ставропольская земля в прошлом и настоящем: Материалы научной конференции.. — 1998. — № 2. — с. 82-88.
4. Баранов, А.В. Социальное и политическое развитие Северного Кавказа в условиях новой экономической политики: (1921-1929 гг.)/А.В. Баранов. — СПб: Нестор, 1996. — 354 с. — Текст: непосредственный.
5. Токарева, Н.А. Деформация социально-экономических отношений в станицах и сёлах Северо-Кавказского края в 1928-1929 гг.: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук/Токарева Наталья Александровна; Ростовский государственный университет. — Ростов/нД., 1994. — 19 с. — Текст: непосредственный.
6. Алексеенко, И.И. Репрессии на Кубани и Северном Кавказе./И.И. Алексеенко. — Краснодар: КубГУ, 1993. — 114 с. — Текст: непосредственный.
7. Кокунько, Г.В. «Черные доски»/Г.В. Кокунько. — Текст: непосредственный // Кубанский сборник: сборник научных статей по истории края. — Краснодар: Под ред. О.В. Матвеева, 2006. — с. 207-218.
8. Харченко, А. Между Илем и Шебшем/А. Харченко, В. Харченко, А. Кистерев. — Краснодар: Книжное изд-во, 1998. — 166 с. — Текст: непосредственный.
9. Чернопицкий, П.Г. Об одном историческом мифе/П.Г. Чернопицкий. — Текст: непосредственный // Кубанское казачество: три века исторического пути. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. ст. Полтавская Краснодарский край. 23-27 сентября. — Краснодар:, 1996. — с. 140-161.
10. Ростовской области — 70 лет (1937-2007 гг.)/А.В. Венков. — Текст: непосредственный // Сборник документов. — Ростов н/Д: Науч. ред. А.В. Венков, 2008. — с. 55-57.

11. Скорик, А.П. Казачество Юга России в 30-е годы XX века: исторические коллизии и опыт преобразований/А.П. Скорик. — Текст: электронный //: [сайт]. — URL: <http://www.dslib.net/istoria-otechestva/kazachestvo-juga-rossii-v-30-e-gody-xx-veka-istoricheskie-kollizii-i-opyt.html>??? history=6&pfid=1&sample=2&ref=1 (дата обращения: 22.11.2023).

Историографический обзор работ по проблеме казачества юга России в 1930-е гг.

Клименко Константин Максимович, студент магистратуры

Научный руководитель: Матвеев Олег Владимирович, доктор исторических наук, профессор

Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В данной статье рассматривается развитие исследований по тематике казачества юга России в 1930-е гг. в начальный период исследований. Работы этого времени отличались сравнительно малыми размерами и основывались преимущественно на наблюдениях и впечатлениях авторов, материалах специальных обследований и официальных документах. Эти недостатки были обусловлены объективными обстоятельствами, в частности, хронологическим совпадением коллективизации казачьих станиц и начальных этапов научного осмысления этого процесса. Учитывая, что исследователи являлись современниками событий, они не имели достаточного времени и возможностей для глубокого анализа и формирования полноценной базы источников.

Ключевые слова: Северо-Кавказский край, советское казачество, Кубань, юг России, авторский анализ, позитивная тональность, советская власть, казачество, коллективизация, колхоз.

Как правило, первые работы по интересующей нас тематике не отличались внушительными параметрами и, чаще всего, представляли собой брошюры. Основывались они на довольно скудном и однообразном круге источников, включавшем в себя в основном наблюдения и впечатления самих авторов, материалы специальных обследований (систематически проводившихся во время коллективизации в различных колхозах, деревнях, селах, станицах), опубликованные постановления партийно-советских органов, материалы выступлений и публикации представителей руководства, и т. п.

Указанные недостатки, впрочем, были неизбежны и возникали под влиянием объективных обстоятельств, прежде всего, из-за хронологического совпадения проводившейся в казачьих станицах коллективизации и начальных этапов научного осмысления ее влияния на жизнь кубанских, донских, терских казаков. Исследователи 1930-х гг., будучи современниками событий (или же описывая их «по горячим следам»), не имели, разумеется, времени и возможностей для формирования как можно более обширного круга источников, ибо их накопление, собирание, обработка представляют собой длительный процесс.

Следующее, на что необходимо обратить внимание, это степень и характер отражения научной и научно-популярной литературы конца 1920-х — начала 1940-х гг. вопросов жизни, деятельности, устроений казачьих сообществ Юга России в период «колхозного строительства». Здесь стоит сказать, что в содержательном плане эти работы характеризовались крайней слабостью авторского анализа, описательностью, ограниченностью рассмотренных аспектов проблемы жизнедеятельности

казачества Юга России в ходе коллективизации и в условиях победившей колхозной системы. Дефицит времени, вкупе с жесткими политико-идеологическими ограничениями, препятствовал и детальному освещению (а уж тем более, — осмыслению и анализу) изменений, происходивших в казачьих станицах во время «колхозного строительства». Помимо того, что в литературе первой половины 1930-х гг. о казаках содержался минимум упоминаний, так эти сведения, как правило, носили негативный характер.

Отмеченный период времени казаки фигурировали лишь в связи с вопросами коллективизации южнороссийской деревни, а специальных исследований по интересующей нас проблематике практически не создавалось (если не считать газетных и журнальных публикаций). В литературе внимание акцентировалось на том, что социальные верхи казачьих сообществ («кулаки», зажиточные, бывшие офицеры, и пр.) играли важную роль в подготовке и осуществлении антиколхозных акций протеста, вовлекая в них неустойчивую часть казаков-середняков. При этом указывалось на широкое распространение среди казачества (особенно на Кубани и Дону) надежд на иностранную интервенцию, в рамках которой должны были вернуться «свои», то есть казаки-эмигранты, покинувшие Россию в составе Белой армии [1, с. 22].

Положительные описания и оценки деятельности казаков Юга России по организации и укреплению коллективных хозяйств встречались в литературе первой половины третьего десятилетия XX века гораздо реже. Зачастую те или иные авторы ограничивались всего лишь доброжелательными упоминаниями о казаках, обязательно при этом подчеркивая их верность советской власти.

В частности, в 1933 г. в Ростове-на-Дону был издан сборник статей о начальных этапах деятельности политотделов 34 машинно-тракторных станций Северо-Кавказского края. Статьи целенаправленно готовились начальниками политотделов или же их помощниками и заместителями; кроме того, в сборник вошло несколько публикаций, уже помещенных в прессе, и среди них, — статья начальника Политсектора МТС Северо-Кавказского края А.М. Штейнгарта. Хотя целый ряд МТС располагался в казачьих районах (Атаманская, Каневская, Кисляковская, Лимановская, Некрасовская, Новодеревянковская, Усть-Лабинская, и др.), в публикациях начальников политотделов данных машинно-тракторных станций слово «казак» почти не встречалось. Одним из немногих исключений оказалась статья начальника политотдела Усть-Лабинской МТС М. Каравая, который отозвался об одном из лучших механизаторов этой машинно-тракторной станции Иване Белоусове, выполнявшем и перевыполнявшем нормы выработки, следующим образом: «крепко сложенный, природный казачок». Далее же подчеркивалось, что этот «казачок» еще и «верный сын великого комсомола» [2, с. 22].

Пространные же описания казачьей жизни периода «великого перелома», выдержанные в позитивной тональности, встречались в литературе первой половины 1930-х гг. гораздо реже. Одним из немногочисленных примеров является брошюра Ю. Давыдова «Красный терец», изданная в 1931 г. и посвященная одноименному колхозу станицы Новопавловской Георгиевского района Северо-Кавказского края. Автор сосредоточил свои усилия на рассмотрении процесса создания и организационно-хозяйственного укрепления колхоза, дав характеристику его производственному потенциалу и органам управления. Помимо прочего, Ю. Давыдов описал также усилия станичной бедноты и казаков-середняков по созданию и укреплению данного коллективного хозяйства, сказав немало хороших слов о казаках-активистах. В то же время, наряду с положительными оценками проколхозной активности бедняцко-середняцких слоев казачества станицы Новопавловской, Ю. Давыдов отдал дань обличению и осуждению местных казаков-«кулаков» и «контрреволюционеров», пытавшихся противостоять коллективизации и, якобы, «развалить» уже созданный колхоз [3, с. 77].

Кампания «за советское казачество», подготовительная работа к которой началась с лета 1935 г., а официальный старт был дан в феврале 1936 г., самым существенным образом повлияла на изменение тенденций историографии. Поскольку во второй половине 1930-х гг. казачество было признано властью как уникальная группа в составе колхозного крестьянства, жизнь и производственные достижения кубанских, донских и терских казаков-колхозников впервые становятся предметом специального исследования на Юге России.

Анализ историографии дает основания утверждать, что первой работой, специально посвященной рассмотрению процесса и результатов коллективизации в каза-

чьих станицах Юга России, может считаться небольшая статья первого секретаря Азово-Черноморского крайкома ВКП (б) Б.П. Шеболдаева «Казачество в колхозах», опубликованная в конце 1935 г. в газете «Правда» и южно-российских периодических изданиях, а в 1936 г. изданная отдельной брошюрой [4, с. 12]. Шеболдаев дал обзор «колхозного строительства» в казачьих районах Кубани и Дона, причем акцентировал внимание не на антиколхозной и антисоветской деятельности казаков (хотя в статье отнюдь не были пропущены сюжеты такого рода), а на организационно-хозяйственном укреплении казачьих коллективных хозяйств и постепенном превращении казачества в верную опору советской власти. Иными словами, в статье Шеболдаева при освещении социально-политических настроений и производственной деятельности «колхозного казачества» позитивная тональность явно преобладала над негативной, что было нехарактерно для первой половины 1930-х гг. Перечисляя производственные достижения казаков-колхозников и указывая на укрепление коллективных хозяйств Дона и Кубани, Шеболдаев тем самым подводил теоретическую основу под развернутую в скором времени кампанию «за советское казачество».

Во второй половине 1930-х гг. появился еще ряд работ, практически аналогичных статье Шеболдаева по характеру освещения жизни и деятельности казаков-колхозников. Во всех этих работах, отличавшихся описательностью и минимумом авторского анализа, приводились многочисленные примеры активной производственной деятельности членов казачьих колхозов и всячески обосновывалось утверждение, что коллективизация изменила жизнь казачества Юга России к лучшему. Антиколхозные казачьи акции протеста начала 1930-х гг., организационно-хозяйственная неустроенность поспешно созданных колхозов и даже голод 1932-1933 гг. объяснялись злонамеренными происками кулацко-зажиточной верхушки казачества, которой, якобы, удалось увлечь за собой неустойчивую часть казаков-середняков. Колхозное же казачество Кубани, Дона, и Ставрополя рассматривалось как часть колхозного крестьянства, неотделимая от него, хотя и отличающаяся определенной спецификой.

Как видим, в работах 1930-х гг. первостепенное внимание уделялось социально-политическим процессам в казачьих станицах во время «колхозного строительства», а вопросы трансформации хозяйственного уклада, повседневной жизни, менталитета казаков освещались в гораздо меньшей мере. Социальная ситуация в казачьих станицах Дона, Кубани, Терека в период коллективизации раскрывалась по классической схеме: отмечались изначальная и непримиримая враждебность казачьей верхушки мероприятиям советской власти, колебания казаков-середняков и просоветская активность беднейших слоев казачества (беспристрастный же анализ источников позволяет утверждать, что подобная схема серьезно упрощает историческую действительность). При этом в первой половине 1930-х гг. в отно-

шении казачества, подвергнутого коллективизации, превалировали негативные оценки, либо же участие казаков в «колхозном строительстве» попросту замалчивалось. Напротив, во второй половине десятилетия жизнедеятельность «колхозного казачества» подавалась в исключительно розовых тонах.

В целом же, содержание работ 1930-х гг. по интересующей нас теме (вне зависимости от того, когда именно их написали — в первой или второй половине указанного десятилетия) лишь в слабой степени соответствовало принципу объективности. Данные работы выполняли определенный социально-политический заказ: им

предписывалось не *освещать* события во всей их сложности и противоречивости, а *подавать* их в таком виде, в каком это было выгодно и необходимо советско-партийному руководству. Только если в первой половине 1930-х гг. научная и научно-популярная литература отражала господствующие ожидания о предстоящем казакам растворении среди колхозников (отсюда и негативные оценки деятельности казаков либо замалчивание роли казачества в коллективизации), то во второй половине ее задачей являлось содействие кампании «за советское казачество», что и привело к радикальной смене оценок и выводов с негативных на положительные.

Литература:

1. Тодрес, В. Колхозная стройка на Тереке/В. Тодрес. — Пятигорск, 1930. — 47 с. — Текст: непосредственный; Лихницкий, Н. Т. Классовая борьба и кулачество на Кубани/Н. Т. Лихницкий. — Ростов н/Д., 1931. — 69 с. — Текст: непосредственный; Радин, А. За что жители станицы Полтавской выселяются с Кубани в северные края?/А. Радин, Л. Шаумян. — Ростов н/Д., 1932. — 25 с. — Текст: непосредственный.
2. Каравай, М. Сегодня политотдел — сила/М. Каравай. — Текст: непосредственный // Политотделы Северного Кавказа за работой. — Ростов н/Д, 1933. — с. 22-23.
3. Давыдов, Ю. «Красный терец»/Ю. Давыдов. — Ростов н/Д, 1931. — 110 с. — Текст: непосредственный.
4. Шеболдаев, Б.П. Казачество в колхозах/Б.П. Шеболдаев. — Ростов н/Д., 1936. — 32 с. — Текст: непосредственный.; Колхозный путь // Правда. — 1935. 5 декабря. — № 11. — с. 3-7.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 47 (494) / 2023

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 06.12.2023. Дата выхода в свет: 13.12.2023.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.